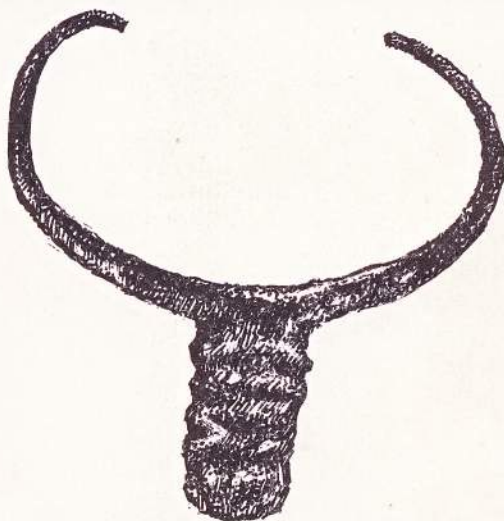

Древние культуры ПРИКУБАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Древние культуры ПРИКУБАНЬЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
В ЗОНАХ МЕЛИОРАЦИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

ЛЕНИНГРАД

«НАУКА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1991

Сборник отражает результаты полевых исследований Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в Краснодарском крае в 1978-1979 гг. Приводятся данные примерно о 300 погребениях, относящихся к эпохам от энеолита до раннего средневековья.

В сборник также включены статьи, посвященные периодизации курганных древностей степного Прикубанья эпохи бронзы, дается спектральный анализ металлических изделий эпохи бронзы.

Книга рассчитана на археологов и историков.

Ответственный редактор

В. М. МАССОН

Древние культуры ПРИКУБАНИЯ

**(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
В ЗОНАХ МЕЛИОРАЦИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *А И Строева*
Художник *И П Кремлев*
Технический редактор *Л И Каряева*
Корректор *Э Г Рабинович*

ИБ № 44468

Сдано в набор 14 09 90 Подписано к печати 18 03 91 Формат 70×90¹/₁₆ Бумага № 1 офсетная
Гарнитура литературная Печать офсетная Фотонабор Усл печ л 15 91 Усл кр-отт 16 19
Уч-изд л 17 05 Тираж 1200 Тип зак № 701 Цена 3 р 10 к

Д 0504000000-550 119-90, II полугодие
042(02)-91

ISBN 5-02-027263-9

© Издательство «Наука», 1991 г.

**СТЕПНОЕ ПРИКУБАНЬЕ
В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА—СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
(периодизация)**

В последние 10—15 лет, благодаря широко развернувшимся археологическим исследованиям, в степном Прикубанье получены обширные материалы, относящиеся в основном к эпохе ранней—средней бронзы и в меньшем количестве к энеолиту. Естественно, что в связи с анализом новых материалов возникли вопросы их периодизации, культурной атрибуции и локальной специфики, т. е. появилась необходимость регионального исследования. Этому и посвящена настоящая статья.

Учитывая, что основной источник информации — данные о раскопках курганов, конкретно были поставлены следующие задачи: 1) разработать классификацию погребений и связанного с ними инвентаря; 2) выделить разнотипные группы материалов и на основании данных о курганной стратиграфии определить периоды в их развитии; 3) определить локальное своеобразие прикубанских материалов и их место в системе древностей энеолита—средней бронзы на юге Восточной Европы.

С этой целью были привлечены данные приблизительно о 1200 погребениях различной степени сохранности. Основная группа источников, на базе которой разработана типология погребений и общая для них стратиграфическая колонка, получена в результате исследований Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР, возглавляемой В. С. Бочкаревым. Привлечены также материалы из раскопок экспедиций, руководимых И. С. Каменецким, В. А. Сафроновым, А. Н. Геом, А. А. Нехаевым, А. М. Лесковым, В. Н. Каминским, В. А. Кондратовым, Н. А. Шевченко.¹ Кроме этого, рассматриваются материалы из дореволюционных работ (1845—1916) и раскопок различных лет в период между 1919—1980 гг. (рис. 1).

Анализируя историю развития представлений о культурно-исторической периодизации памятников степного Прикубанья эпохи бронзы, отметим, что выделение в Кубанской области погребений с окрашенными костяками (Спицын, 1899) явилось фактически первой научной классификацией материалов из раскопок этого региона. Впоследствии они неоднократно включались в периодизацию северокавказских древностей, разработанные А. М. Тальгреном, А. В. Шмидтом, А. А. Миллером (Tallgren, 1926; Schmidt, 1929; Миллер, 1933).

¹ Выражаю признательность этим авторам за помощь в работе. Следует отметить, что статья написана на основе материалов раскопок, произведенных до 1983 г.

Выделение в степном Прикубанье предкавказского варианта катакомбной культуры (Подгаецкий, Предскифский период...; Артамонов, 1949; Иессен, 1950; Попова, 1955; Иерусалимская, 1958), северокавказской культуры (Городцов, 1910; Марковин, 1960), погребений ямной культурно-исторической общности (Мерперт, 1968, 1974) надолго определили справедливое мнение об этой области как зоне взаимных влияний и прямых контактов культур восточно-европейской степи и предгорий Северного Кавказа.

Новые археологические раскопки 70–80-х гг. частично подтвердили намеченную ранее картину развития археологических культур и одновременно выявили ряд ее принципиально новых черт. В частности, были открыты новые культурные группы энеолитических (Шарафутдинова Э., 1983) и так называемых новотитаровских² погребений эпохи ранней бронзы (Козенкова, 1973; Сафронов, 1980; Гей, 1980). Параллельно был высказан ряд в различной степени аргументированных положений о происхождении, периодизации и абсолютной датировке прикубанских памятников (Сафронов, 1979, 1980, 1981; Николаева, 1979, 1980б, 1981; Гей, 1980, 1985, 1986; Николаева, Сафронов, 1981, 1983; Нехаев, 1983а, б).

В целом тем не менее необходимо признать отсутствие удовлетворяющей современным требованиям общей культурно-исторической периодизации накопленных почти за полтора века период материалов.

Исходной в работе по созданию такой периодизации является типология погребений. Последняя была разработана на базе хорошо сохранившихся погребений (около 500). В них были зафиксированы форма и первоначальные размеры сооружений, позы погребенных и ряд других признаков, по которым были составлены исходные таблицы (всего учтено около 70 признаков и их вариантов). В число основных типобразующих признаков погребений в ямах были включены форма ямы и ее конструктивные особенности (наличие/отсутствие кольев, площадок вокруг ям, характер перекрытия и т. д.), поза погребенных (для погребенных скорченно на боку фиксировалась степень скорченности в градусах), их ориентировка, присутствие охры, мела, углей, костей животных.

Определяющими признаками для погребений в катакомбах выбраны форма катакомбы в плане и разрезе, поза погребенного (особенно степень скорченности), ориентировка катакомбы относительно центра кургана и ее положение в кургане (сектор).

В результате анализа погребений по перечисленным признакам было выделено 9 типов погребений в ямах и 4 типа погребений в катакомбах. Почти каждый тип содержит от 2 до 5 вариантов. Следует подчеркнуть, что ввиду малочисленности некоторых типов погребений (типы 5, 6, 7, 9-1) их выделение имеет пока предположительный характер (рис. 2).

С целью определения хронологического соотношения выделенных типов погребений был использован наиболее простой и объективный метод сравнительной стратиграфии, многократно апробированный в археологии (А. И. Демченко, В. С. Бочкарев, Н. Я. Мерперт и др.). Согласно стратиграфии курганов в степном Прикубанье, была построена сравнительно-стратиграфическая схема

² Термин «новотитаровские» предложен А. Н. Геем и является производным от названия станицы в Динском районе Краснодарского края, где своеобразные погребения впервые были открыты и описаны В. И. Козенковой в 1971 г.

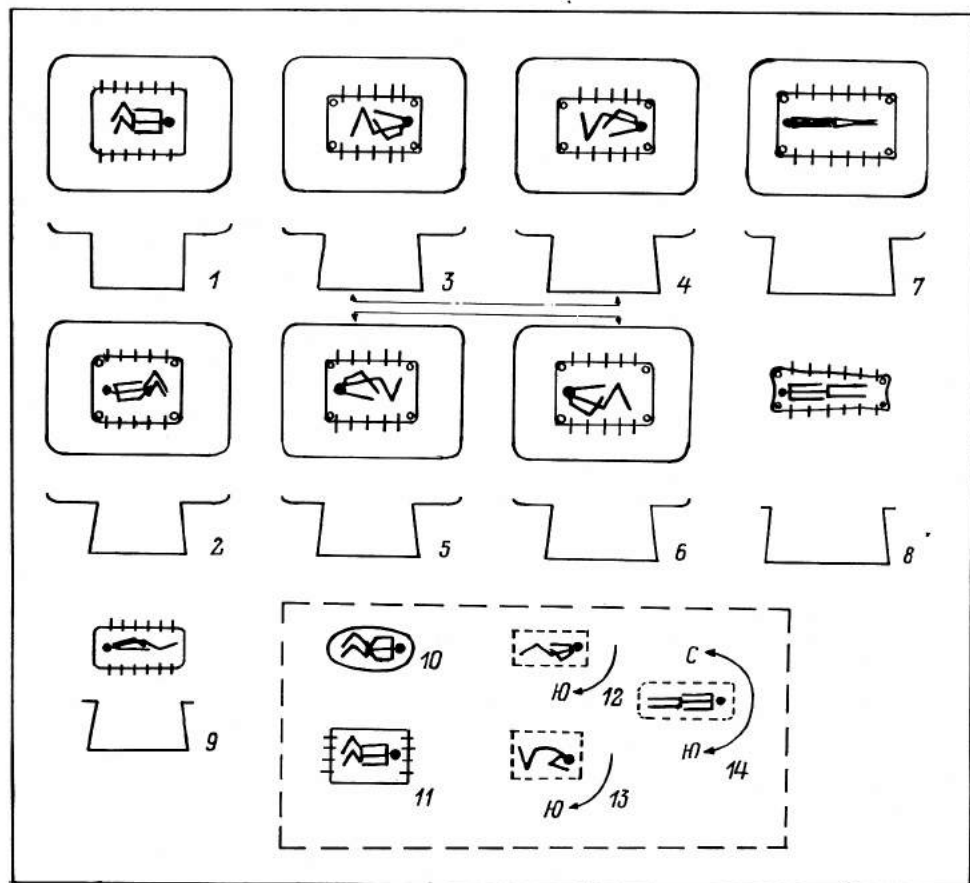

Рис 2 Типы погребений в ямах

1 — тип 1, вариант 1 (1-1), 2 — тип 1, вариант 2 (1-2), 3, 4 — тип 2, вариант 1 (2-1), 5, 6 — тип 2, вариант 2 (2-2), 7 — тип 3, вариант 1 (3-1), 8 — тип 3, вариант 2 (3-2), 9 — тип 4, 10 — тип 5, 11 — тип 6, 12 — тип 7, 13 — тип 8, 14 — тип 9

пока нет, однако зафиксировано, что каждый из этих типов в отдельности перекрыт погребениями 3-го варианта типа 8 (8-3). Это позволяет объединить погребения типов 5, 6, 7 в условно синхронную группу, за которой по времени следуют погребения типа 8-3.

Далее обнаруживается не документированный разрыв, т. е. непосредственные стратиграфические отношения между погребениями типов 8-3 и 1-1 не наблюдались.

Согласно схеме, за погребениями типа 1 следуют погребения типа 2-1, последние дважды перекрывают первые. Ниже мы покажем, что в этом, как и в других случаях, значение конкретных стратиграфических наблюдений территориально ограничено, т. е. не полностью отражает реальное соотношение типов в границах всего степного Прикубанья.

Следующей по времени идет группа синхронных погребений типов 2-2, 1-2 и 3-1. Заключение о месте этих типов и их синхронности прямо вытекает из следующих наблюдений: во-первых, погребения этих типов перекрывают погребения типов 2-1, 1-1; во-вторых, между погребениями типов 1-2 и 3-1 есть случаи как прямой (3 случая), так и обратной (4 случая) стратиграфии, что определенно указывает на их сосуществование; в-третьих, все три типа перекрыты другой группой одновременных погребений, представленных типами 3-2 и 4.

Погребения типов 3-2 и 4 составляют единую во времени группу, на что указывают случаи их прямой и обратной взаимной стратиграфии. Это стратигра-

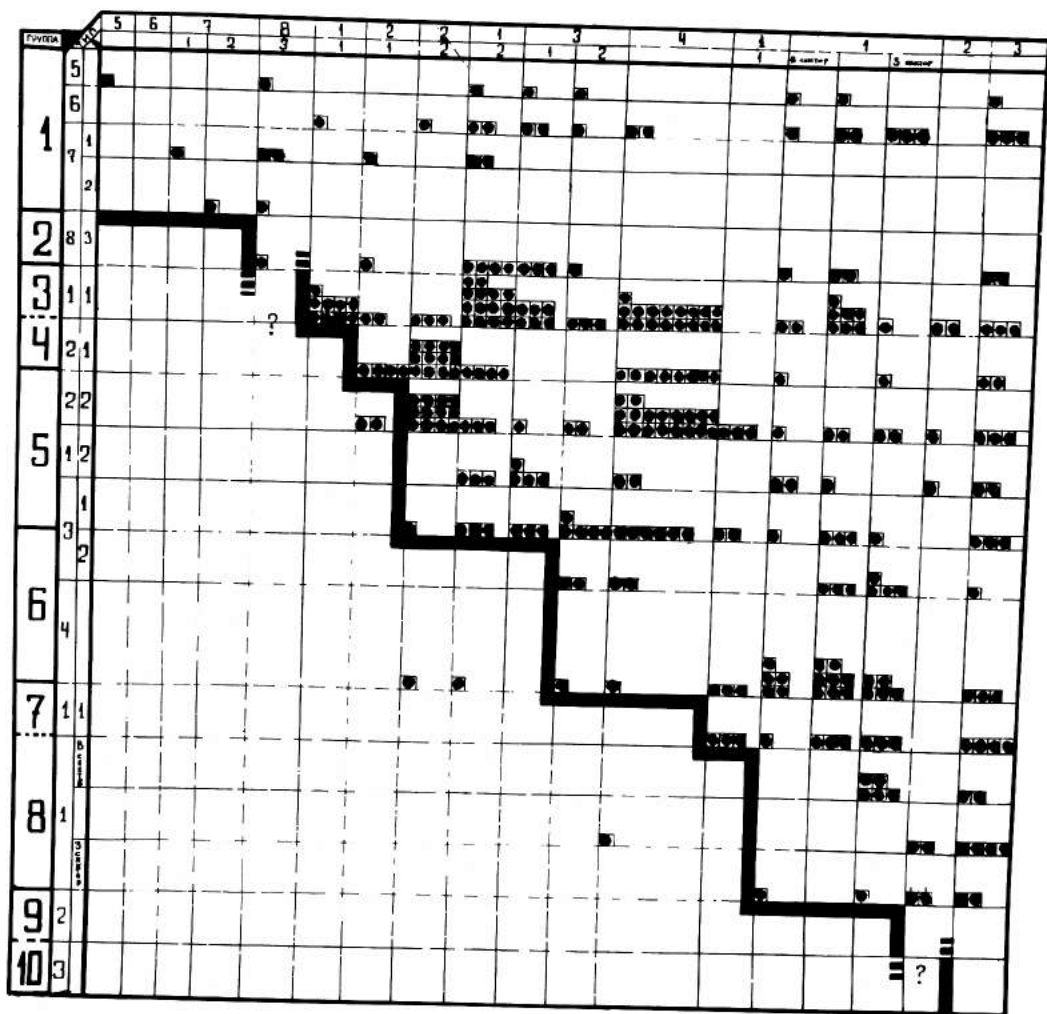

Рис. 3 Сравнительно-стратиграфическая схема

фически последняя группа типов погребений в ямах, за которой следуют погребения в катакомбах.

Наиболее ранними из катакомбных являются погребения типа 1, так как они следуют за стратиграфически предшествующей группой типов 3-2, 4. Отметим, что малочисленные катакомбные погребения 1-го варианта (типа 1) предшествуют катакомбным погребениям остальных вариантов, а в свою очередь катакомбы, впущенные в западные секторы курганов, чаще перекрывают впущенные в восточные (5 случаев) и реже наоборот (1 случай).

Только в трех случаях зафиксировано перекрывание катакомбных погребений типа 1 погребениями типа 2. Отсутствие при этом противоположных данных позволяет рассматривать погребения типа 2 следующими по времени за типом 1.

Как и в верхней части схемы, в нижней между катакомбными погребениями типов 2 и 3 фиксируется стратиграфически не документированный разрыв. Относительно стратиграфического положения катакомбных погребений типа 3 можно уверенно сказать, что они следуют за погребениями типа 1. На это указывают 8 случаев перекрывания последних первыми.

Катакомбные погребения типа 3 завершают сравнительно-стратиграфическую колонку, полученную в результате систематизации основных курганных стратиграфических данных по центральным областям степного Прикубанья. В общем виде она предстает в виде 10-ступенчатой лесенки с двумя разрывами. Первые 6 ступенек символизируют отношения между типами погребений в ямах, остальные 4 — между типами погребений в катакомбах. В целом все 10 отражают временные отношения по данным стратиграфии между 10 типами погребений. В ином виде, согласно схеме, эту последовательность типов можно записать так: 5, 6, 7—8-3—разрыв—1-1—2-1—2-2, 1-2, 3-1—3-2, 4—2—разрыв—3.

Полученная преимущественно для центральных районов степного Прикубанья общая стратиграфическая колонка типов погребений является базовым элементом разрабатываемой периодизации. Зафиксировав связи между типами погребений и типами погребального инвентаря, мы получим синхронные группы типов, взаимная последовательность и соотношение которых составят общую периодизацию рассматриваемых материалов. Однако эти группы будут лишены какой-либо культурно-исторической характеристики и в этом смысле определенной исторической реальности. Для оценки последней необходим дополнительный анализ в следующих направлениях.

Во-первых, необходимо определить территорию распространения каждой синхронной группы типов в пределах степного Прикубанья (картографирование).

Во-вторых, необходимо выделить области распространения аналогичных типов на сопредельных территориях. В результате станет возможной оценка каждой синхронной группы с точки зрения ее реальной исторической общности и степени локальности.

В-третьих, следует указать место каждой выделенной группы типов в общей системе родственных или однокультурных материалов.

В целом анализ материалов в этом направлении позволил выделить в прикубанских древностях энеолитические культурные группы, памятники майкопской, ямной и северокавказской культур, новотитаровскую культурную группу, предкатакомбные, ранне- и позднекатакомбные погребения, погребения батунского варианта предкавказской катакомбной культуры.

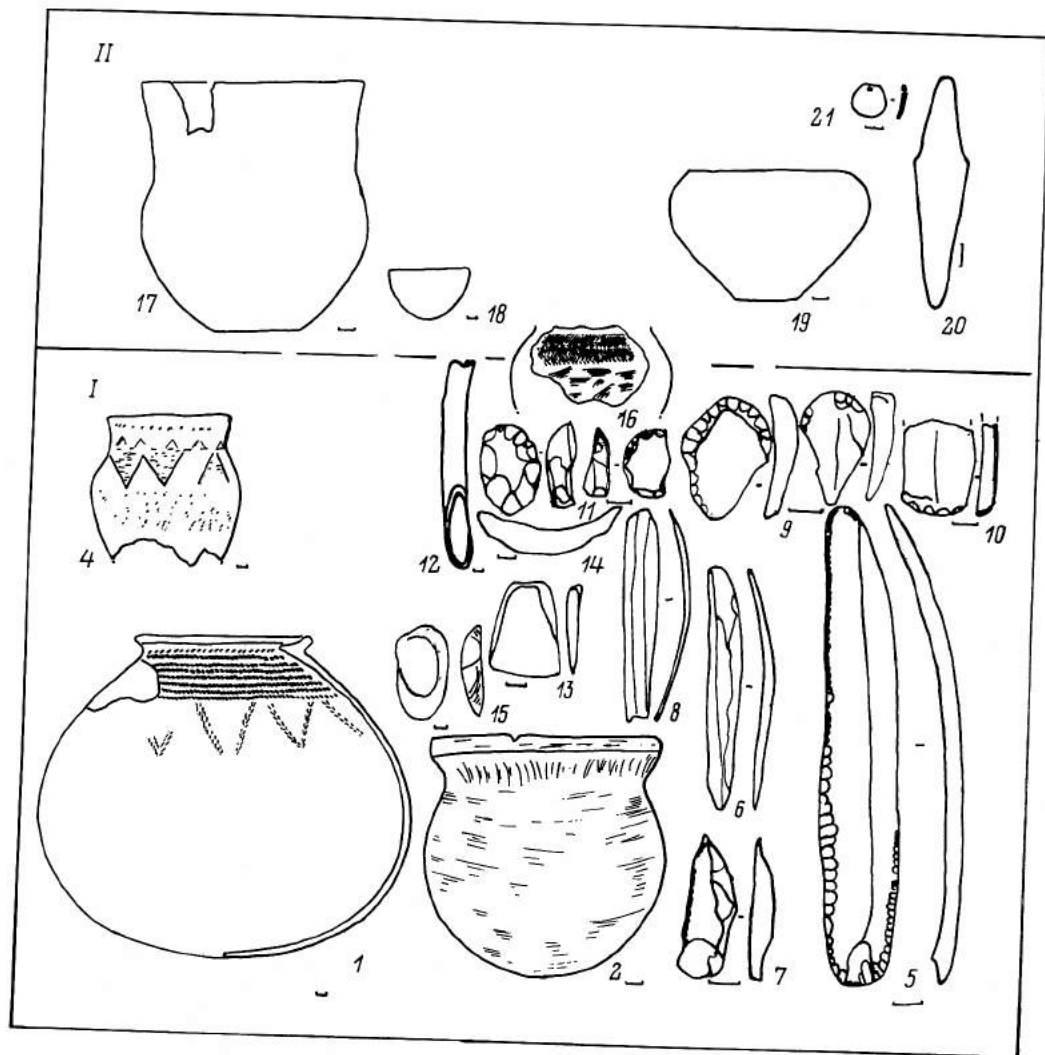

Рис. 4 Энеолит степного Прикубанья.

1 - Анапская, 7/12, 2 - Первомайский, 4/1, 3 - Усть-Лабинск, 4 - Усть-Лабинск, 10/1, 5 - Батури-
нская II, 3/18, 6 - Батуриная II, 3/14, 7 - Батуриная II, 3/18, 8 - Армавир, 4/6, 9, 10, 13, 14 -
Новотитаровская, 10/5, 11, 12, 15 - Анапская, 7/12, 16 - Пролетарская, 3/12, 17 - Заветинская, 1/1,
18 - Батуриная I, 4/1, 19 - Красноармейская, 1/11, 20 - Горьковская, 1/3, 21 - Новокорсунская, 2/1
I - первая хронологическая группа, II - вторая хронологическая группа

Энеолитическую группу в степном Прикубанье представляют наиболее ранние погребения типов 5, 6, 7, частично 8 (1-й, 2-й вариант) и 9 (1-й вариант) (?). Следует помнить, что их общее количество не превышает 2 % от всех раскопанных погребений эпохи энеолита — средней бронзы, что, естественно, затрудняет выделение типов.⁴ Погребенные лежат скорченно на спине, руки согнуты в локтях, кисти на тазу (тип 5) или вытянуты вдоль туловища (тип 6); слабо скорченно на правом боку, одна рука согнута, другая вытянута (тип 7); сильно скорченно на левом боку, согнутые руки кистями перед лицом (типы 8-1, 2); вытянуто на спине (тип 9-1). Типичная ориентировка для типов 5, 6 — восточная, для остальных — восточная и южная. Форма могильных ям овальная (тип 5), подквадратная (тип 6) или прямоугольная (типы 7, 9), деревянное перекрытие продольное (типы 6, 7-2) или поперечное. Сравнивая различные типы погребений, отметим, что их насыщенность охрой существенно колеблется от обильных подсыпок до полного отсутствия, причем это наблюдается в рамках почти каждого типа. Общее количество погребального инвентаря невелико, и его распределение по типам погребений выглядит следующим образом. В погребениях типа 5 (99, 3/20)⁵ найдены только ножевидные пластины (различной длины, от 5 до 15 см) и фрагмент керамики с обильной примесью раковины (рис. 4, 5—7). Керамика с такой же примесью обнаружена и в погребениях типа 6. В одном случае на перекрытии могильной ямы вместе с костяными и роговыми орудиями был обнаружен крупный сосуд (118, 7/12) с бомбовидным туловом, коротким, отогнутым наружу сложнопрофилированным венчиком, украшенный по плечу горизонтальными рядами отпечатков грубой веревочки и свисающими треугольниками, выполненными в псевдошнуровой манере (рис. 4, 1). Крупные фрагменты другого сосуда (119, 3/12), орнаментированного по плечикам горизонтальными рядами коротких зерновидных вдавлений, были найдены среди остатков тризны (рис. 4, 16). В инвентаре погребений типа 6 также представлены обломки кремневых орудий, осколки кремня, куски мела, обломки рога, костяные инструменты и раковины. Аналогичные комплексы, видимо, преднамеренно поврежденных кремневых орудий (ножевидных пластин, скребков) вместе с теслом из змеевика, раковинами, камнями, клыками и резцами кабана известны в погребениях типа 7 (101, 5/10). Небольшой сосуд из погребения этого же типа (87, 4/1) имеет округлое, почти шаровидное тулово, слабо выраженные плечики и невысокую расширяющуюся шейку с вертикальным венчиком (рис. 4, 2). В погребениях с сильно скорченными на боку костяками (типы 8-1, 2) обнаружены чернолощенный кубок (91, 1/1; рис. 4, 17) и бронзовая подвеска в виде раковины (100, 2/1; рис. 4, 21). В группу инвентаря из энеолитических погребений с вытянутыми на спине костяками (тип 9) кроме ножевидных пластин (34, 4/6; рис. 4, 8) и верхней части сосуда (35, 10/1), орнаментированного треугольниками (рис. 4, 4), следует включить бронзовый нож (89, 1/3) с широким треугольным черешком и едва намеченными плечиками (рис. 4, 20).

В целом энеолитические погребения объединяет ориентировка, распределе-

⁴ Группа представлена 14 погребениями, а вместе с частично разрушенными и некоторыми безынвентарными — 20 (?)

⁵ Здесь и далее первая цифра соответствует номеру памятника на карте (рис. 1), две последние — номеру кургана и погребения

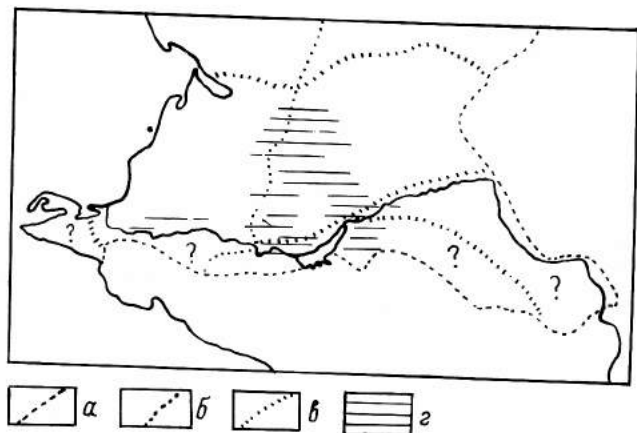

Рис 5 Степное Прикубанье в эпоху раннего энеолита (первая половина 1-го этапа)

а, б, в границы физико географических зон, г область распространения раннеэнеолитических памятников

ние охры, основные черты кремневого инвентаря, а погребения типов 6 и 7 — еще характерный обычай помещать в могильную яму своеобразные комплексы из костей животных (иногда острий), раковин, камней, кусков мела, обломков кремневых орудий и кремневых осколков.

Картографированием (рис. 5) не выявлено какой-либо определенной локализации различных типов погребений в пределах степного Прикубанья, но общий анализ обряда и инвентаря показал, что энеолитические погребения Прикубанья хронологически неоднородны и отражают различные культурные влияния.

Достаточно многочисленные аналогии прикубанским материалам известны как на ближайших соседних территориях Ставрополя, Центрального и Северного Кавказа, нижнего Дона, так и в более отдаленных областях Приазовья, степного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья. Ближайшие аналогии прикубанским погребениям в овальных ямах (тип 5) происходят с территории нижнего Дона и Донетчины. В Нижнем Подонье погребения этого типа выделены В. Я. Кияшко в I энеолитическую группу. Общими для донских и кубанских погребений являются поза погребенных, включая детали (кисти на костях таза), ориентировка на восток, восток-северо-восток, характер окрашенности охрой, некоторые типы инвентаря. В последний входят кроме ножевидных пластин кремневые и каменные тесла, керамика, костяные украшения. Эталонными памятниками группы являются погребения у хуторов Попов (31, 7/4), Мокрый Чалтырь (2/г) (Кияшко, Нижнее Подонье. . .). По обряду и инвентарю (бусы с насечками типа Бережновка II, 9/16 и другие типы) Н. Я. Мерперт (1980, с. 71) синхронизирует эти погребения с древнейшими подкурганскими типа Бережновка I, 5/22 и одновременно с Хвалынским могильником. Если включение в I энеолитическую группу погребения с пластиной из кабаньего клыка верно (Ливенцовский могильник, 1/2 — Кияшко, Нижнее Подонье. . ., с. 84—92), то справедливой окажется и другая самостоятельная линия синхронизации — с Нальчикским могильником и среднестоговскими (Петрово-Свистуново и др.) памятниками (там же, с. 144).

На территории Ворошиловградской области (Александровка 1/9, 46) погребения, аналогичные прикубанским типа 5, происходят из раскопок С. Н. Братченко (там же, с. 76, табл. XXIII, 1, 2). Здесь в овальных ямах с погребенными в характерных позах кроме ножевидных пластин и украшений из ископаемых моллюсков была обнаружена роговая цурка (стержень с боковым отверстием). Изделия этого типа хорошо известны на трипольских поселениях типа Сабатиновка I—Кукутени А-3 (в частности, у Березовской ГЭС), а также на пятигорском поселении Замок (Даниленко, 1974, с. 94—97). У Березовской ГЭС найден зооморфный схематичный скипетр. Таким образом, устанавливается синхронность не только с этими поселениями, но и косвенно с погребениями с зооморфными скипетрами (типа Архара, Хвалынский могильник и т. д.) и поселением Свободное в Прикубанье (Нехаев, 1983а). На последнем вместе с керамикой и антропоморфной пластикой, аналогичными найденным на поселении Замок (Рунич, 1967), встречены фрагменты керамики, близкие раннесреднепалеолитской и раннерепинской посуде (Нехаев, 1983б), а также костяные бусы с насечками типа бережновских (Бережновка II, 9/16; хутор Попов, 31/7, 4).

Несмотря на отсутствие индивидуальных курганных насыпей над погребениями Хвалынского и Хлопковского могильников в Среднем Поволжье, с погребениями типа 5 их сближает поза и ориентировка погребенных, а в инвентаре — ножевидные пластины и керамика серого цвета с обильной примесью толченой раковины (Васильев, 1981, с. 24—25; Малов, 1982, с. 82). Близким элементом обряда можно считать наличие в парных погребениях одного расчлененного костяка (ср., например, Хлопковский могильник, 4; Батуринская II, 3/20). В целом отметим, что скорченное положение погребенных на спине с руками на тазу, ориентированных на восток, характерно не только для хвалынских, но и для среднепалеолитских могильников, как грунтовых, так и подкурганых (Телегин, 1973, с. 111, рис. 56; Кияшко, Нижнее Подонье..., с. 86—87).

Основные обрядовые черты погребений типа 6 — подквадратные или прямоугольные ямы, погребенные скорченно на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, восточная ориентировка, обилие или отсутствие охры и т. д. — распространены широко и сейчас не могут служить точными культурно-хронологическими признаками. Они в одинаковой степени присущи неолитическим погребениям Молдавии (Кайнары, Суворово и др. — Алексеева, 1976), Нижнего Поднепровья (Нижнемихайловские погребения I-го подтипа — Шилов Ю., 1982, с. 6), Нижнего Подонья (V группа — Кияшко, Нижнее Подонье..., с. 104—114), а также раннепалеолитическим погребениям Нижнего Поволжья (Мерперт, 1974, с. 45—54). В этой ситуации решающее значение приобретает инвентарь и прежде всего керамика. В качестве аналогии укажем на посуду хвалынского типа из Кошалака в Нижнем Поволжье (Дубягин и др., 1982, с. 101, рис. 7, 1). Происходящий отсюда сосуд с сильно раздутым туловом сближается с прикубанскими (рис. 4, 1) не только по форме тулова и венчика (короткий, утолщенный, отогнутый наружу, с уплощенным скошенным внутрь верхним краем), но и по стилю орнаментации, обильной примеси раковины в глине и цвету.

Аналогии прикубанским погребениям типа 7 в основном не выходят за пределы Северного Кавказа и Нижнего Подонья. Прежде всего это погребения Нальчикского могильника, так как именно здесь преобладающим является слабоскорченное положение погребенных на правом боку, головой ориентиро-

ванных на запад, восток, юг. Нальчикские и прикубанские погребения сближает положение рук погребенных (одна вытянута, другая согнута в локте), характер окрашенности охрой, а также обычай помещать в могилу одновременно орудия, их обломки, осколки кремня, камни, резцы, клыки животных, включая кабаньи, раковины и куски мела (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 99—104, 107—109).⁶

Основное различие между прикубанскими и нальчикскими погребениями связано с отсутствием у последних заметных индивидуальных насыпей, но и этот показатель не следует абсолютизировать, так как несомненно нальчикское погребение известно и под курганом (Мунчаев, 1961, с. 139—140).

На нижнем Дону прикубанским погребениям, по-видимому, соответствуют III и IV энеолитические группы, по классификации Кияшко (Нижнее Подонье... с. 144—145). С III группой их сближает характер труположения (поза, ориентировка погребенных), которое В. Я. Кияшко справедливо сравнивает с нальчикским, с IV группой прикубанские погребения типов 6, 7 объединяет обычай помещать в могилу кремневые скребки, осколки вместе с раковинами и костяными проколами и проч. (там же, табл. XXV). Судя по погребениям с безусловно идентичной посудой (Лысый курган, погр. 32; Койсуг, курган 5, погр. 23), хронологически погребения III и IV групп разрывать нельзя, на что косвенно указывают и аналогии погребальному обряду каждой группы в отдельности.⁷

Среди инвентаря погребений типа 7 отметим грубый неорнаментированный сосуд с округлым туловом (рис. 4, 2) и полированное серпентиновое тесло (рис. 4, 13). Отсутствие орнамента на сосуде ослабляет надежность сопоставления, но по форме он близок к котловидным погребальным сосудикам Хвалынского могильника (Васильев, 1981, с. 25, табл. 19, рис. 2, 3). Серпентиновые тесла происходят из среднестоговского погребения под Ворошиловградом и энеолитического погребения у с. Верхний Акбаш (Кабардино-Балкария) (Крупнов, 1950, с. 208).

Прежде чем обратиться к аналогиям погребений типа 8, напомним, что к энеолиту отнесены погребения только 1-го и 2-го вариантов, т. е. погребения в небольших прямоугольных или подквадратных ямах с обильной подсыпкой охры (1) и, реже, углей (2). Вне территории степного Прикубанья погребения 1-го варианта распространены широко, вплоть до Нижнего Поднепровья. В Нижнем Подонье они включены В. Я. Кияшко (Нижнее Подонье... с. 85) в I энеолитическую группу на основании общих для группы форм могильных ям, кремневого инвентаря и украшений из окаменевших моллюсков.

В Приазовье и Нижнем Поднепровье близкие погребения выделены в нижнемихайловский тип. Как и в Прикубанье, для них характерно сильноискорченное положение на боку, руки перед лицом, часто — обилие охры (Телегин, 1971, с. 3—17; Шапошникова, 1971, с. 250—258; 1987; Рассамкин, 1981, с. 29; Шилов Ю., 1982, с. 6; Николова, Рассамкин, 1985). К сожалению,

⁶ Видимо, в погребения Нальчикского могильника часть этих предметов могла попасть из слоя поселения (Мунчаев, 1975, с. 146), но в большинстве случаев несомненно их преднамеренное помещение в могилу.

⁷ Слабоскорченные погребения III группы по обряду близки нальчикским погребениям, а сидячие погребения IV группы — погребениям Дериевского могильника. В общей системе синхронизации оба памятника принадлежат к единому хронологическому горизонту.

к сопоставлению обряда погребений почти ничего нельзя добавить из анализа инвентаря. Он представлен единственной бронзовой подвеской, имитирующей раковину, и находит ближайшие аналогии в Чаплинском могильнике (Телегин, 1973, с. 79, рис. 42, 5).

Аналогии погребению 2-го варианта типа 8 практически все концентрируются в Нижнем Подонье (левобережье) и наиболее выразительно представлены рядом погребений Койсугского могильника (IV группа, по Кияшко). Их сближает форма могильных ям, сильноискорченное на левом боку положение погребенных, ориентировка (юг), обилие охры и углей, а также керамика в виде чернолощенных кубков (рис. 4, 17; Кияшко, Нижнее Подонье... , табл. XXVI, 6). В целом керамический комплекс погребений VI группы в Подонье обнаруживает связи двоякого рода. С одной стороны, безусловная близость к кембионской керамике (Шепинский, Черепанова, 1969; Максименко, 1973, с. 249–253; ср. особенно Лысый курган, погр. 24), с другой — майкопской.

В заключение остановимся на погребениях типа 9. Вытянутое положение погребенных, ориентированных на восток, юг, север, присутствие охры и углей делают возможным сопоставление некоторых из них с энеолитическими среднедонскими II группы (Кияшко, Нижнее Подонье... , с. 92–100) и вытянутыми приазовскими погребениями (Рассамакин, 1981, 1987). Хронологически поздние из них соответствуют нижнему слою Михайловки, где обнаружена идентичная керамика.⁸ Этому не противоречит инвентарь прикубанских погребений, представленный ножевидными пластинами, бронзовым ножом (рис. 6, 20) майкопского облика (ср.: Мунчаев, 1961, с. 66, рис. 17) и не полностью сохранившимся сосудом, близким к происходящему из Мокрого Чалтыря (Васильев, 1981, табл. 30, 7). На существование в Прикубанье вытянутых на спине погребений и в более ранний период определенно указывает сосуд из погребения у ст-цы Кубанской (рис. 6, 3), аналогичный обнаруженному в Поволжье (Быково II, 2/13). По мнению А. Т. Синюка (1981), керамика из обоих погребений является раннерепинской, синхронной в свою очередь раннесреднедонецкой и хвалынской.

В итоге, анализируя культурно-хронологическое положение приведенных аналогий в общей системе энеолитических древностей, можно заключить, что среди прикубанских материалов к наиболее ранним следует относить погребения типов 5, 6, 7 и, видимо, некоторые погребения типа 9. Хронологически они будут соответствовать периоду хвалынской-среднедонецкой общности, вероятно, переживая ее конец.

Позднюю группу в Прикубанье составят погребения типов 8 и 9. В целом их следует синхронизировать с позднесреднедонецкими памятниками и нижним слоем Михайловки.

Выделение ранней и поздней групп энеолитических погребений Прикубанья сопоставимо с общим двухэтапным подразделением пласта древнейших подкурганых захоронений степной зоны Восточной Европы и Кавказа. Подчеркнем, что нет надежных доказательств более позднего появления в степи курганных насыпей по сравнению с грунтовыми могильниками мариупольского времени (например, нет оснований арахаринское или бережновское погребения считать

⁸ Ср., например Земской курган, погр. 2 (Кияшко, Нижнее Подонье... , с. 94, табл. XXIII, 6) и сосуд поселения Михайловка (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962, рис. 10)

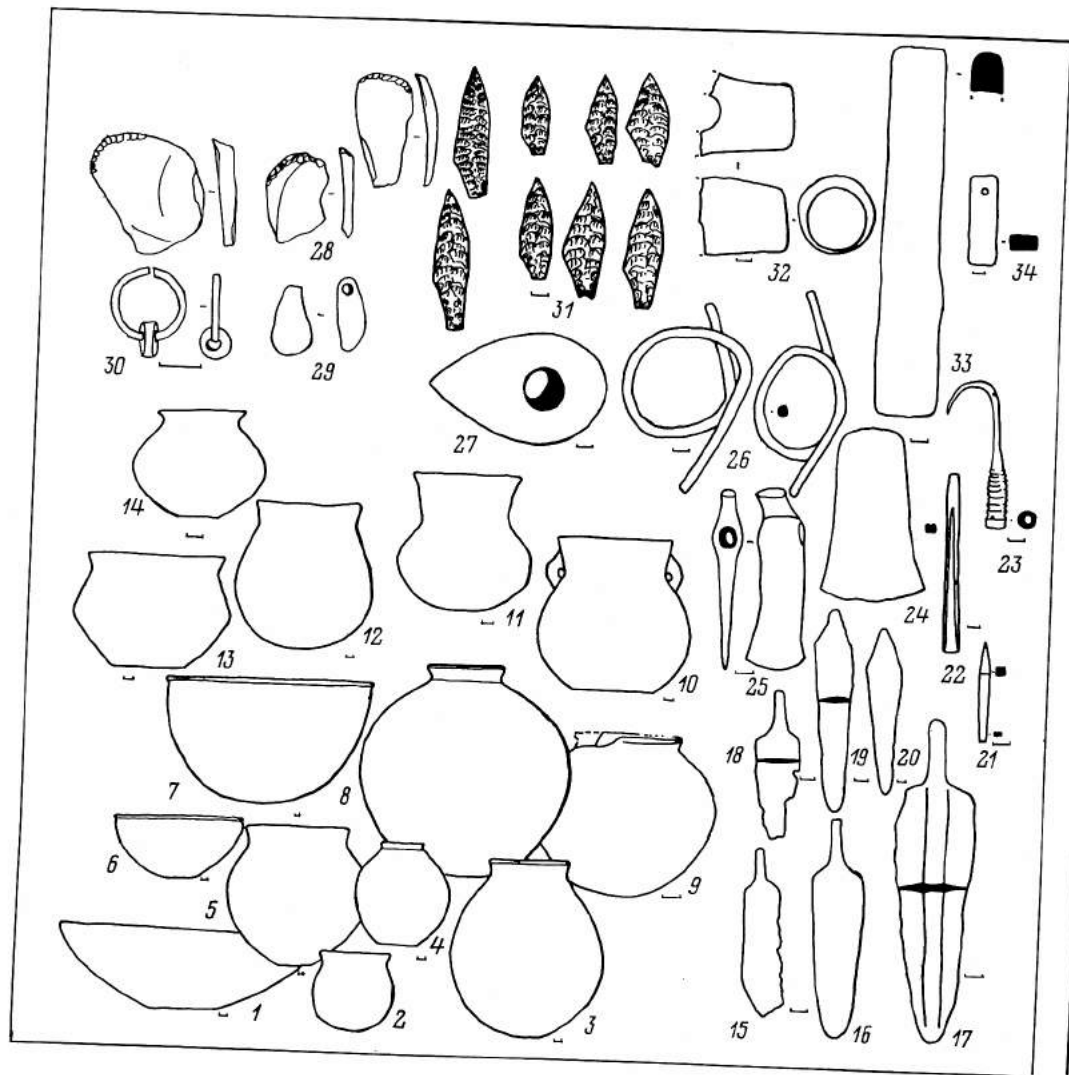

Рис 6. Майкопская культура

1 - Коржевского, 2/13, 2 - Новолабинская, 3/1, 3, 4 - Чапаевский, 5/3, 5 - Верхний, 2/3, 6 - Коржевского, 1/4, 7 - Коржевского, 1/3, 8 - Кучугуры (1949 г.), 9 - Первомайский, 4/6, 10, 12 - Днепровская, 2/8, 11, 13 - Днепровская, 4/5, 14 - Батуриная II, 3/13, 15, 16 - Новолабинская, 3/1, 17, 21, 23, 29, 33 - Тимашевская (1926 г.), 18, 19, 27 - Негреля, 8/1, 20 - Темизбек, 1/1, 22, 24, 25, 34 - Воздвиженская, погр. 2, 26 - Ульский, 5/5, 28, 32 - Батуриная II, 3/13, 30 - Днепровская, 2/8, 31 - Батуриная II, 3/12

более поздними, чем Хвалынский могильник). В качестве дополнительного косвенного аргумента укажем на подкурганные погребения в группе Чограй I (Кореняко, Отчет. . ., 1977) и у ст-цы Старонижнестеблиевской в Прикубанье (Шаталин, Отчет. . ., 1984), в инвентаре которых обнаружены костяные пластины мариупольского типа. На первом этапе, в период хвалынско-среднестоговской общности,⁹ памятники Северного Кавказа, кроме Нальчикского могильника и степных прикубанских погребений, представлены подкурганными захоронениями у с. Бамут (Мунчаев, 1961, с. 139—140), у с. Верхний Акбаш (Крупнов, 1950, с. 208), в Суворовском могильнике (Нечитайло, 1979, рис. 3, 1, 2) и могильнике Веселая Роща (Романовская, 1982, с. 173—175), а также, по-видимому, поселениями Свободное (Нехаев, 1983б) и Замок (Рунич, 1967).

М а й к о п с к а я к у л ь т у р а. Согласно принятой классификации, в рамках майкопской культуры рассматриваются погребения 3—5-го вариантов типа 8, стратиграфически следующие за энеолитическими погребениями типов 5—7. Общим для них является сильно скорченное положение погребенных на левом, реже на правом боку с согнутыми в локтях руками, кистями перед лицом, ориентированных головой в восточный или южный секторы. Применение охры ограничено. Выделение вариантов связано с типом могильных сооружений: грунтовые ямы (3-й вариант), деревянные рамы в 2—3 венца на горизонте (4-й вариант), вымостки на горизонте (5-й вариант). Возможно, к майкопской культуре относятся и некоторые каменные ящики, обнаруженные на Тамани.

Сопровождающий инвентарь представлен в основном высококачественной керамикой коричневого, красного, черного и серого цветов, разнообразными бронзовыми, каменными и костяными предметами. Насыщенность погребений инвентарем различная, более высокая отмечена в погребениях на горизонте. Всего учтено 28 целых сосудов 11 типов. Из них 6 типов встречены в грунтовых ямах и только 3 — в погребениях на горизонте. Два типа керамики являются общими для обоих вариантов погребений. Керамика из каменных ящиков не известна.

С погребениями в грунтовых ямах связаны серолощенный кубок с округлым туловом и высокой шейкой, остросереберный красноглиняный сосуд, амфора с ручками у основания шейки, грубый лепной сосуд с мешковидной формы туловом и небольшой горшочек со стянутым внутрь устьем (рис. 6, 10—13).

Из погребений на горизонте происходят керамические котлы, глубокие и мелкие миски, крупные горшки с яйцевидным туловом и небольшим плоским дном (рис. 6, 1—9). Общими для обоих вариантов погребений являются сосуды с шаровидным туловом и небольшие, приземистых пропорций горшочки (ср.: 82, 1/3; 99, 3/12).

Бронзовые изделия немногочисленны. Обнаружено 6 ножей двух типов.

⁹ Вполне вероятно, что проникновение культурных элементов из степи на Северный Кавказ началось в предшествующий, т. е. мариупольский, период. На это как будто указывают не только уже упомянутые погребения, но и погребения, открытые в районе Моздока (Гиджрати, 1986) и Грозного (Милорадович, 1956), в которых найдены близкие мариупольским подвески и керамика с чертами, характерными для самарской культуры Поволжья. Напомним и о мариупольского типа булаве из Ставрополя (Даниленко, 1974). Не исключено, что одновременно это указывает на хронологически незначительный промежуток времени между мариупольским и хвалынским этапами.

5 из них — это ножи с вытянутым треугольным закругленным на конце лезвием, почти прямыми и широкими (рис. 6, 17) или несколько покатыми асимметричными (рис. 6, 15, 16, 18) плечиками и узким черенком с параллельными сторонами. Вдоль лезвия иногда проходит широкая каннелюра, образующая как бы два ребра жесткости, реже лезвие проковано с одной стороны так, что образует слабовыраженное ребро по периметру. Соответственно в сечении лезвие с одной стороны выпуклое, а с другой — вогнутое. В одном случае вместе с ножом этого типа найден нож без выраженных плечиков, с широким треугольным черенком (5, 16/1; рис. 6, 19).

Тесла представлены двумя экземплярами одного типа, но различных вариантов. Классическое тесло первого варианта (с обратной приостренностью обуха) обнаружено в погребении с деревянной конструкцией на горизонте вместе с проушным топором (82, 1/3), а тесло второго варианта — с расширяющейся лезвийной частью и закругленной обушной — в погребении на каменной вымостке (20, 2). Здесь же найдено долото с длинным желобком и бронзовый топор-молот (рис. 6, 22, 24, 25). Долото другого типа (стамеска?), короткое, без желобка, найдено в погребении в деревянной раме вместе с литым однозубым втульчатым крюком (рис. 6, 21, 23). В одном экземпляре обнаружен бронзовый диск (зеркало?, 82, 1/3).

Каменный инвентарь состоит из набора кремневых флажковидных стрел, обушной части топора-молота (рис. 6, 31, 32), каменного топора каплевидной в плане формы (рис. 6, 27), точила (рис. 6, 33) и, видимо, кремневого вкладыша.

Остальной инвентарь представлен костяными булавками Т-образной формы и с зооморфной головкой (82, 1/3), хрустальной подвеской и золотым кольцом с сердоликовой подвеской (рис. 6, 29, 30).

Характеристика майкопских памятников в степной зоне Прикубанья будет неполной, если не упомянуть керамические комплексы из разрушенных погребений, а также два погребения с майкопским инвентарем, но не свойственным для майкопской культуры положением погребенных скорченно на спине, головой на восток.¹⁰ Оба погребения совершены на горизонте (88, 1/7, 2/3), в одном случае, видимо, на каменной вымостке. В обряде использовались охра и мел. Инвентарь состоит из круглых серебряных колец в полтора оборота (88, 2/3), крупных шаровидных сосудов, профилированных мисок, котла и кубка с шаровидным туловом и высоким горлом, круглодонного сосуда с максимальным диаметром тулова в нижней трети высоты (Сафронов, Отчет... 1979).

Как видно из описания, майкопские памятники степного Прикубанья достаточно разнообразны. Однако разделить их на хронологические группы, исходя из данных стратиграфии и типологии, пока трудно.¹¹ Несмотря на то что дважды зафиксировано перекрывание одних майкопских погребений другими (82), эти случаи носят, по-видимому, частный характер и отражают только продолжительность существования культуры. Прежде всего на это указывает взаимовстречаемость основных типов керамики стратиграфически различных погребений. Что касается обряда, то учесть различие или сходство в позе

¹⁰ Подобная поза погребенных в майкопской культуре достоверно известна только в одном случае (Мунчаев, 1975, с. 319). Предполагается, что так же лежали погребенные в Майкопском кургане (Сафронов, 1974, с. 315), но при этом все они ориентированы в южный, а не в восточный сектор.

¹¹ Противоположного мнения придерживается В. А. Сафронов (1979, с. 10-11).

погребенного невозможно, так как костяки разрушены, а другие элементы вполне могут иметь не хронологическое, а иное, например, социальное значение (с основными погребениями связаны насыпи, крупные размеры могильных сооружений, обилие инвентаря; с впускными — небольшие площадки, 3—4 сосуда на 5 погребенных и т. д.).

Для того чтобы выявить специфику погребений в степи, необходимо сопоставить их с материалами всей майкопской культуры, учитывая ее внутреннюю периодизацию. Отметим, что намеченная в ее развитии смена двух основных этапов — майкопского и новосвободненского (Иессен, 1950; Формозов, 1965) в целом как будто подтверждается и новыми материалами. Однако содержание этапов, а также определение места в этой системе эталонных памятников (Майкопский курган; Новосвободненская гробница, 1897 г.) требуют уточнения. С одной стороны, обнаруженные в кабардинских комплексах рифленые бусы, кольца с сердоликом (Кореневский, 1981, с. 264—278), ножи с широким треугольным или трапециевидным черенком (хутор Негрея, 16/1; хутор Рассвет, 3; Клады, 31/5), некоторые типы керамики (ср.: Мунчаев, 1975, с. 221, рис. 39, 5; с. 298, рис. 69, 4), т. е. типы, прежде относимые к майкопскому этапу, указывают, что между Майкопским курганом и новосвободненским этапом хронологический разрыв невелик. С другой стороны, стратиграфические наблюдения, сделанные в курганах урочища Клады, показали, что керамические комплексы гробниц являются поздними в ряду новосвободненских древностей (Резепкин, 1982, с. 132—135). Если это наблюдение верно, то Новосвободненскую гробницу следует считать не самым ранним памятником новосвободненского этапа. Другими словами, памятники, аналогичные Новосвободненской гробнице 1897 г., представляют не ранний, а развитый этап соответствующих периодов.¹² Учитывая это, разнообразные майкопские погребения в степи следует относить приблизительно к одному времени и синхронизировать с концом майкопского и развитым периодом новосвободненского этапа. К более раннему времени относится ряд погребений на вымостках и с деревянными конструкциями (82, 1/3; 88, 2/3). Аналогичные прикубанским керамические котлы известны на Усть-Джегутинском поселении (Нечитайло, 1978, с. 30, 33, 34, рис. 12, 10), крупные сосуды с шаровидным туловом — в погребениях этого же времени (Мунчаев, 1975, с. 297, рис. 69, 4), амфоры, грубоватый лепной сосуд, близкие найденным у ст-цы Днепровской (рис. 6, 10, 12), — в гробнице у ст-цы Новосвободной, кургане у хутора Рассвет (там же, с. 252, рис. 55, 2; с. 265, рис. 58, 1), поселении Хаджох (Формозов, 1965). Хронологически такой же круг аналогий имеют украшения, каменный и бронзовый инвентарь. Среди последнего отметим прикубанский комплекс (82, 1/3), в котором вместе с теслом найден проушный топор, близкий к костромскому (Мунчаев, 1975, с. 259, рис. 57, 12), и бронзовый диск, аналогичный происходящему из погребения с богатым инвентарем у с. Чегем (Мизиев, Бертрозов, Нагоев, 1973, с. 8—11). Кинжал с каннелюрами, крюк, долотце, хрустальная подвеска и точило находят аналогии в гробницах ст-цы Новосвободной 1897 г. Здесь же найдены флажковидные кремневые наконечники стрел (Попова,

¹² В 1979 г. В. А. Сафроновым (1979, с. 10—11) была предложена двучленная периодизация майкопского и новосвободненского периодов, начало каждого периода связывалось соответственно с Майкопским курганом и Новосвободненской гробницей. В свете исследований А. Д. Резепкина это положение представляется спорным

1963). Каменный топор каплевидной в плане формы (рис. 6, 27) обнаружен в одном из бамутских погребений (Мунчаев, 1975, с. 304, рис. 72). Золотые кольца с сердоликовой подвеской (рис. 6, 30) одинаково хорошо известны в ранне- и позднемайкопских памятниках (ср., например, Старомышастовский клад — Мунчаев, 1975, с. 214, рис. 33, 5) (Чегем I, 5/3 — Мизиев, Бертразов, Нагоев, 1973).

Если долота с четырехгранным насадом типологически изменяются в сторону удлинения желобка, то к наиболее поздним из них следует отнести долото из погребения у ст-цы Воздвиженской (рис. 6, 22), аналогичное андрюковскому и келермесскому (Иессен, 1950), а само погребение датировать временем конца новосвободненского этапа. Напротив, погребение, раскопанное в Кепях, в котором был обнаружен сосуд характерных раннемайкопских пропорций (ср.: Сокольский, 1965, с. 115; Нечитайло, 1987, с. 23, рис. 8, 4, 6), следует отнести к более раннему, видимо, майкопскому этапу. Хронологические различия нащупываются в рассматриваемом материале с трудом, что объясняется отчасти сложным развитием майкопской культуры как продукта взаимодействия южного переднеазиатского культурного комплекса с ранними, а затем поздними неолитическими европейскими культурами. Не исключено, что в этих исторических обстоятельствах возникла не одна, а несколько линий развития майкопской культуры: майкопская, новосвободненская, западнокавказская.

Поздний характер степной группы косвенно подтверждается ее территориальным положением как крайней северо-западной периферии культуры (рис. 7; 8). Показательно, что амфоры и кубки, близкие к майкопским, известны и за пределами майкопской культуры.¹³ Все это, видимо, указывает на наличие в степи относительно малочисленной, но достаточно постоянной и устойчивой майкопской или родственной ей культурной группы, а не только временных транзитных мигрантов с Северного Кавказа.

В степном Прикубанье позднемайкопские погребения сменяют раннеэнеолитические и существуют параллельно с их поздними группами. На это указывает стратиграфия и типологическая близость некоторых типов инвентаря. Видимо, в середине или в конце этого периода в Прикубанье появляются погребения ямной культуры, что находит отражение в обряде, сочетающем майкопский инвентарь и тип могильного сооружения с ямной позой и ориентировкой.¹⁴

Появление ямной культуры в Прикубанье приходится на период распада до этого единого культурного блока (новосвободненская группа — нижнемихайловская группа — ранний этап кемиобинской культуры), постепенно сменившегося новой ямной общностью.

Я м н а я к у л ь т у р а. Эту культуру в степном Прикубанье представляют погребения типов 1 и 3-1 (рис. 2), которые, согласно стратиграфическим данным (рис. 3), образуют две последовательные хронологические группы.

Для погребений первой, ранней группы (тип 1-1) характерно скорченное на спине положение костяков, ориентированных в восточный сектор. Всего учте-

¹³ Ср., например, сосуды Константиновского поселения, погребений Койсуга и Радутки (Кияшко, Нижнее Подонье, табл. VII, 20, 21, табл. XXXIII).

¹⁴ Нельзя исключать иной интерпретации этого явления, допуская, что здесь отражается контакт степной энеолитической и майкопской традиций.

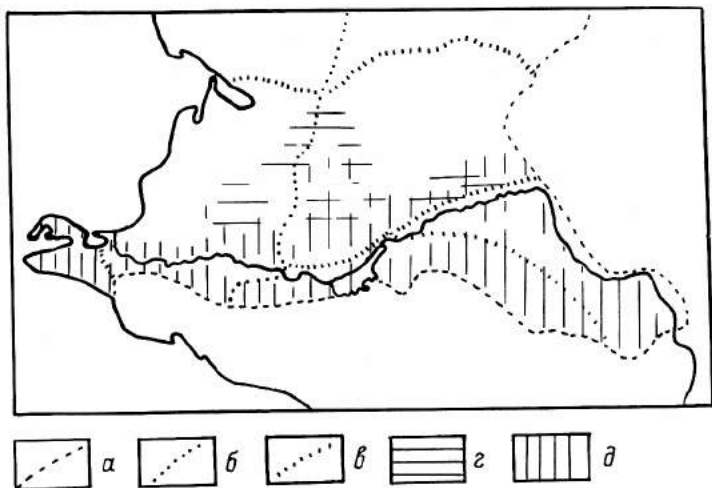

Рис 7 Степное Прикубанье в эпоху позднего энеолита (вторая половина 1-го этапа)
а, б, в — границы физико-географических зон, *г* — область распространения позднеэнеолитических памятников, *д* — майкопская культура

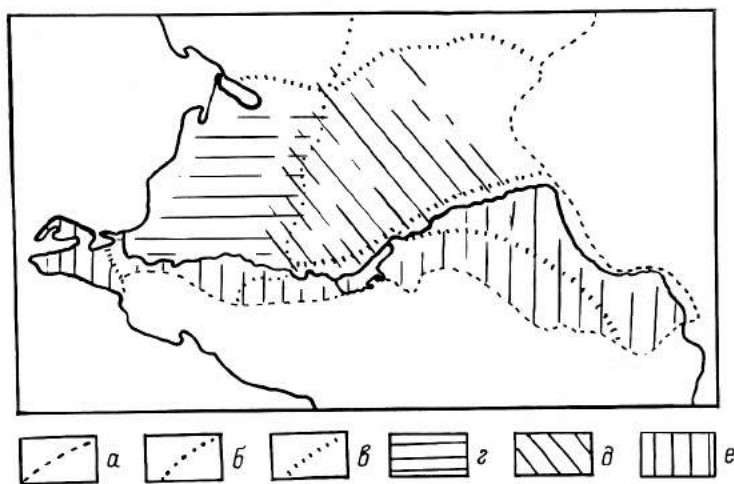

Рис 8. Степное Прикубанье в эпоху ранней бронзы (2-й этап)
а, б, я — границы физико-географических зон, *г* — новотитаровская ранняя культурная группа, *д* — ямная культура, ранняя группа, *е* — майкопская культура, поздняя группа

но 75 погребений этой группы. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами и вертикальными стенками. В единичных случаях на дне и по углам ям зафиксированы отверстия от деревянных кольев. Пропорции ям более устойчивы, чем их абсолютные размеры. Самые маленькие могилы —

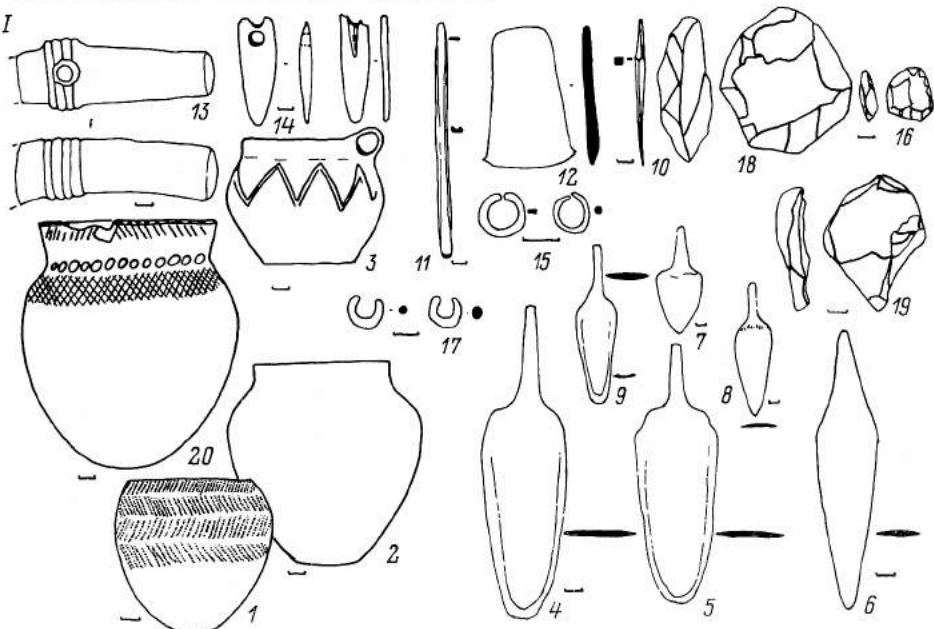
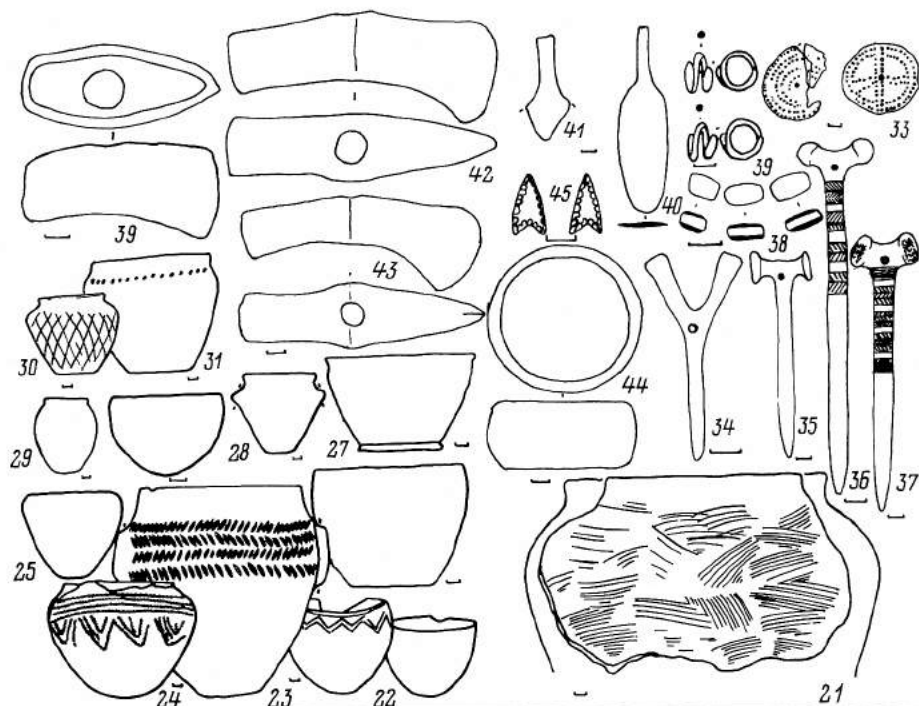
детские, наиболее крупные ямы у погребений, связанных с возведением насыпи или досыпки. Для этих погребений характерно также сооружение площадок вокруг могильных ям, наличие остатков тризны (костириша, керамика, кости животных) и разобранных деталей (колеса, рама) деревянных повозок (7 случаев). Колеса клялись у углов могильной ямы.

Присутствие алой охры в погребениях обязательно, однако ее количество и расположение относительно костяка заметно варьирует. Сплошная подсыпка характерна только для детских погребений. У взрослых реже всего окрашен череп, причем всегда в сочетании с окраской других частей костяка. Чаше и интенсивнее других мест окрашены стопы. Подсыпка охры у стоп зачастую единственная в погребении. Такое же самостоятельное значение имеет подсыпка (или комок) алой охры у правого, реже левого плеча погребенного. Судя по привлеченным материалам, вслед за перечисленными по частоте идут следующие сочетания окрашенности: стопы—череп, стопы—у правого (левого) плеча, стопы—кисти—таз, стопы—кисти—таз—череп, череп—таз.

Приблизительно только у шестой части погребений встречен мел в виде сплошной подсыпки по дну ямы. Еще реже встречаются древесные угли. В отличие от мела и охры уголь и мел в одном погребении не встречаются. 85 % погребений не имеют инвентаря. В случаях, когда погребение сопровождается оружием или инструментом, вещи располагаются у черепа.

В инвентаре реже всего встречается керамика. Известно 5 целых сосудов и фрагменты грубого толстостенного сосуда, покрытого расчесами (80, 3/6). 3 сосуда круглодонны, но различной формы. Один из них с округлым туловом, широким горлом и короткой расширяющейся шейкой орнаментирован по плечикам несколькими рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа (5/2). У другого сосуда с широким горлом, без выделенных плечиков (94, 14/4) такой же орнамент покрывает край венчика. Третий сосуд (63) с яйцевидным туловом, округлыми плечиками и невысокой расширяющейся шейкой украшен по венчику отпечатками гребенчатого штампа, а по плечикам — косопрочерченной сеткой, выше которой проходит ряд округлых вдавлений (рис. 9, 19). Небольшой сосудик с маленьким уплощенным дном обнаружен в детском (?) погребении вместе с бронзовым шилом (94, 17/10). Пятый, необычный для ямной культуры сосуд (95, 2/61), представлен черлаком (кружка?), орнаментированным прочерченными треугольниками (рис. 9, 3).

Бронзовый инвентарь состоит из разнообразных ножей, тесла, долота и шильев. Особый интерес представляют комплексы из погребений у хутора Первوماйский (8, 2/2) и ст-цы Брюховецкой (110, 3/3). В первый входят крупный (19 см) с закругленным на конце лезвием нож, небольшой нож с выпукло-вогнутым в сечении лезвием, долото с четырехгранным насадом и длинным желобком, шило с упором и обломок каменного топора, орнаментированного у проушины рельефными поясками (рис. 9, 4, 9, 10, 11, 13). Второй комплекс состоит из крупного ножа с закругленным концом лезвия и выделенным упором на плечиках и тесла (рис. 9, 5, 12). В погребениях первой группы обнаружены также ножи с широким треугольным черенком и едва намеченными плечиками (80, 20/4) и с листовидным лезвием, узким прямым черенком и крутыми плечиками (110, 4/5; рис. 9, 6, 8). Остальной металлический инвентарь состоит из украшений — серебряных колец в полтора оборота с раскованными концами, утолщенными в середине кольцами в один оборот с несомкнутыми концами (80, 3/6) и золотых колец в один оборот двух

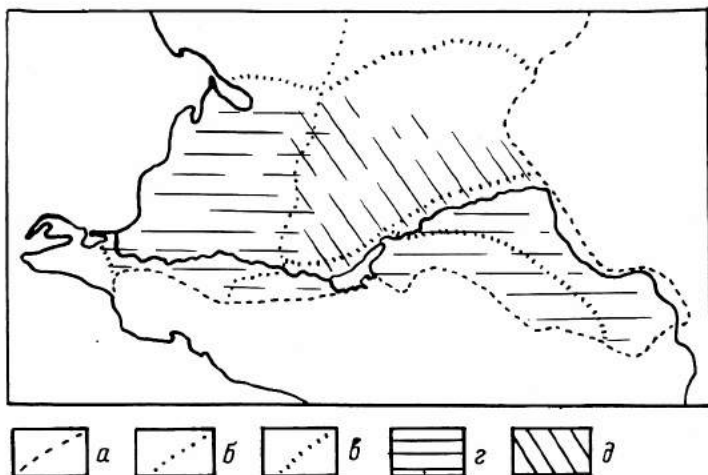

Рис 10 Степное Прикубанье в эпоху ранней бронзы (3-й этап).

а, б, в границы физико-географических зон, г новотитаровская поздняя культурная группа, д ямная культура, поздняя группа

разновидностей — уплощенных трапецевидных в сечении с несомкнутыми концами и круглых в сечении (78, 2/6; рис. 9, 15).

Изделия из камня, кроме отмеченного уже фрагмента топора, представлены кремневым скребком на отщепе (110, 4, 5) и дисковидным терочником (75, 5/2).

В некоторых погребениях обнаружены створки раковин-перловиц и просверленные ископаемые раковины (93, 10/6).

Территориально погребения ранней, первой хронологической группы преобладают в центральных и восточных районах степного Прикубанья (рис. 8).

Ямные погребения следующей, второй хронологической группы (тип 1-2, тип 3-1) в количественном отношении превосходят первую (рис. 2). Учено 128 погребений. Их территориальные границы в целом остаются прежними, но локализация погребений в центральных и восточных областях становится еще более очевидной (рис. 10). Наряду с чертами преемственности погребения второй группы обнаруживают целый ряд новых элементов в обряде, важнейшие из которых — западная ориентировка и появление вытянутых на спине костяков (тип 3-1).

Рис 9. Ямная культура

1 — Калининская, 14/4, 2 — Калининская, 17/10, 3 — Лебеди 1, 2/61, 4, 9, 10, 11, 13 — Первомайский, 2/2, 5, 12 Брюховецкая II, 3/3, 6 Верхний, 20/40, 7 — Верхний, 3/6, 8, 19 — Брюховецкая II, 4/5, 14 — Новотитаровская, 1/11, 15 — Пластуновская, 2/16, 16, 18 — Верхний, 1/5, 17 — Верхний, 3/6, 20 Калининская, 58/1, 21 — Пашковская I, 22 — Тбилисская, 19/1, 23 — Анапская, 2/2, 24 — Роговская, 1/4, 25 — Калининская, 17/9, 26 — Днепровская, 3/1, 27 — Батуриная II, 1/5, 28 — Батуриная I, 10/13, 29 — Батуриная I, 10/8, 30, 35 — Раздольная, 7/9, 31 — Калининская, 11/1, 32, 38, 41 — Днепровская, 3/1, 33 — Брюховецкая II, 4/5, 34 — Батуриная II, 3/4, 36 — Батуриная II, 2/12, 37 — Петропавловская, 11/1, 39 — Верхний, 12/7, 40 — Батуриная II, 3/11, 45 — Анапская, 2/5 I — первая хронологическая группа, II — вторая хронологическая группа.

Для взрослых скорченных на спине погребенных характерны ориентировка на запад, запад—юго-запад, юго-запад. Немногочисленные погребения, ориентированные на запад с отклонением к северу, чаще всего являются детскими. Могильные ямы, как и у погребений первого варианта, прямоугольной формы, но имеют наклонные внутрь стенки. Отверстия от кольев по углам ям прослежены приблизительно у пятой части погребений. Среди деталей отметим зафиксированные в нескольких случаях ровики на дне ям по периметру, а также остатки от дополнительных деревянных или камышовых конструкций над перекрытиями.

Почти каждое третье погребение — с площадкой вокруг него. 6 погребений сопровождают разобранные или целые повозки. Как и для первого варианта, устойчива связь: площадка—повозка—тризна—досыпка (насыпь).

Особенности в положении костяков заключаются в следующем. Руки погребенных чаще всего смещены вправо или влево, в зависимости от того куда упали согнутые в коленях ноги, причем одна из кистей всегда лежит поверх бедра или костей таза. Одновременно у целой группы костяков отмечено смещение костей в плечевом поясе, в области шеи и грудной клетки. Кроме этого, под костяками (череп, спина) неоднократно фиксировались мощные прослойки (до 5—7 см) органического тлена. Все это позволяет предположить, что первоначальное положение костяков в этих случаях было полусидячим (полулежащим) на высокой подушке, руки на бедрах.

В локализации окраски алой охрой много общего с погребениями 1-го варианта типа 1. По частоте доминирует окраска стоп в различных сочетаниях: стопы—череп—кисти, стопы—череп—таз, стопы—череп—таз—кисти, стопы—кисти. Как и в 1-м варианте, охра может располагаться только в виде отдельного комка или пятна у правого плеча. Полосы алой охры обнаружены вокруг нескольких могильных ям по краю перекрытия и на площадке. Кроме алой охры встречается окраска гетитом, отличающаяся малиново-фиолетовым цветом.¹⁵ Стертые, округлой формы куски гетита иногда располагаются рядом с костяком.

Около 12 % погребений сопровождается сплошной меловой подсыпка по дну ямы. В единичных случаях зафиксировано слабо обгоревшее перекрытие и незначительное скопление древесных углей в области таза и стоп. Вместе уголь и мел не встречены.

В отличие от погребений 1-го варианта типа 1 на площадках погребений 2-го варианта в нескольких случаях обнаружены черепа и кости ног барана.¹⁶

Вместе с 90 погребениями 2-го варианта типа 1 во вторую хронологическую группу включено 38 погребений типа 3 (1-го варианта) с вытянутыми на спине погребенными, ориентированными в западный сектор.

Могильные ямы прямоугольной формы, с площадками, деревянным и камышовым перекрытием. Стенки ямы наклонены внутрь, на дне и по углам ям почти во всех погребениях отмечены отверстия от деревянных кольев, в ряде случаев для кольев специально проточены и закруглены углы ям. Наиболее крупные ямы связаны с одновременным сооружением насыпей или досыпок. С этими же погребениями найдены остатки целых или разобранных повозок (8 погребений). Одно погребение иногда сопровождает две повозки.

¹⁵ Гетит — железистый минерал, залежи которого известны на Керченском п-ове

¹⁶ Так называемый череп на ножках — череп, положенный на кости ног барана

Только для могил этого варианта характерно сильное смещение плечевых суставов у погребенных. Их близкое расположение друг от друга вместе с положением рук и ног указывают, что погребенные в этих случаях были сильно спеленуты.

Присутствие алой охры, угля и мела можно считать типичным. Пятна алой охры чаще других мест располагаются у стоп, кистей, таза, черепа, а также вдоль правой стороны костяка. Полосы и пятна охры зафиксированы также на площадках вокруг могильных ям. Подсыпки углем отмечены почти во всех погребениях. Уголь зафиксирован в области таза—живота, у стоп, по дну ямы или на площадке (иногда в жаровне). Вместе с углем и охрой у трети погребений отмечены сплошные меловые подсыпки.

Кости животных (баран—овца) в характерном сочетании (черепа—кости ног) сопровождают только треть погребений и располагаются либо на площадке, либо вместе с остатками тризн, из которых происходит и большая часть известной керамики.

Насыщенность инвентарем погребений второй хронологической группы ямной культуры остается низкой, хотя общее количество находок выше, а их состав разнообразнее, чем на первом этапе (рис. 9). Как и в предшествующий период, небольшие целые сосуды сопровождают в основном детские погребения.

Отметим сосуд приземистых пропорций с крутыми плечиками и короткой, почти вертикальной шейкой, дно округлое, орнамент отступающей лопаточкой покрывает верхнюю половину тулова несколькими горизонтальными рядами, от которых свисают вписанные треугольники (73, 1/4); бесшейные сосуды с округлым дном, диаметр горла равен или меньше наибольшего диаметра тулова (со стяннутым горлом), верхняя часть некоторых сосудов покрыта прочерченными зигзагообразными линиями, поверхность других украшена рядами округлых вдавлений, чередующихся с рядами вертикально прочерченных линий (94, 24/4; 95, 2/73); небольшие сосудики с яйцевидным туловом, округлым уплощенным маленьким дном, короткой слегка расширяющейся шейкой. На некоторых сосудах (93, 10/8) у основания шейки имеется орнамент из ряда овальных вдавлений (рис. 9, 29).

Обнаружены банки различной формы — лощеные, с прямыми расширяющимися к горлу стенками (открытого типа), моделированным венчиком и выделенным, иногда с закраиной дном или с округлыми, расширяющимися от дна и вертикальными или суживающимися к горлу стенками (94, 11/1; 99, 1/5; 117, 3/4; рис. 9, 27, 31). Кроме этого, в погребениях найдены сосуды с округлым, слегка уплощенным дном, короткой вертикальной или слегка отогнутой наружу шейкой и двумя наклепными ушками с вертикальными отверстиями (фляги). Некоторые из сосудов (93, 10/13; 118, 2/2) орнаментированы горизонтальными рядами расположенных под наклоном отпечатков гребенчатого штампа (рис. 9, 28). Необычен для керамики ямной культуры миниатюрный сосудик с двумя ручками на плечиках. Шейка сосуда короткая, слегка расширяющаяся кверху, со слабо выделенным воротничком. На плечиках расположен орнамент в виде трех горизонтально прочерченных линий, от которых свисают заштрихованные треугольники (111, 9/24). Из тризн происходят фрагменты крупных толстостенных, покрытых расчесами сосудов (79, 9/4; 87, 1/5; 93, 2/8) с короткой прямой или слегка расширяющейся шейкой, округлобким туловом и широким, близким по диаметру к горлу, дном (рис. 9, 20).

Наиболее частой находкой во взрослых погребениях являются пары серебряных колец-серег с раскованными концами в полтора оборота (73, 3/7; 80, 17/8; 94, 21/8; 99, 2/10 и др.). Маленькие колечки этого типа помещались по 4 экземпляра и, видимо, украшали прическу (99, 3/4). Кроме колец в полтора оборота в погребениях обнаружены кольца в один оборот с заходящими и с несомкнутыми концами (100, 1/10), а также относительно толстые в сечении (диаметр сечения составляет приблизительно треть внешнего диаметра) кольца с приостренными концами (один более острый, чем другой). Внешний диаметр колец колеблется в пределах 1,5 см (80, 4/8).

Из других металлических украшений отметим маленькие бронзовые пластинки (87, 1/5; 93, 2/8), прямоугольную накладку, отделанную пуансонным орнаментом, и бронзовые круглые бляхи с отверстием в центре — гладкие (99, 2/12) и орнаментированные (110, 4/4; рис. 9, 33). Вместе с последними обнаружен фрагмент роговой орнаментированной молоточковидной булавки с цилиндрическим стержнем. Булавки этого типа, украшенные горизонтальными поясами с наклонной штриховкой, найдены еще в четырех погребениях (43, 11/1; 50, 2/2; 75, 4/3; 99, 2/2). В двух других зафиксированы неорнаментированные роговая молоточковидная (79, 7/9) и рожковидная (99, 3/4) булавки (рис. 9, 34). Из костяного инвентаря можно выделить еще крупные и мелкие уплощенные бусы и просверленные альчики.

В отличие от ранних бронзовые ножи в поздних погребениях встречаются редко и представлены сильно сработанными экземплярами (117, 3/4; рис. 9, 41). В одном случае обнаружена бритва (99, 3/11) с узким черенком, округлыми плечиками и закругленным концом лезвия (рис. 9, 40).

Каменный инвентарь немногочислен и состоит из дисковидных терочников (78, 2/3; 87, 1/7; 99, 3/11), маленьких кремневых наконечников стрел с выемкой в основании (79, 6/5; 99, 3/11; 118, 2/9) и змеевиковых полированных топоров двух типов. Один из них представлен топорами-молотами с цилиндрической обушной частью и овальной в сечении лезвийной. В области втулки намечается ребро или валик (80, 7/11; 93, 2/9; рис. 9, 42, 43). Другой тип топора (117, 3/1) имеет короткую массивную цилиндрическую обушную часть и уплощенную сверху и снизу лезвийную (рис. 9, 32).

Терочники и наконечники стрел наиболее характерны для погребений типа 3-1. Отметим также отсутствие в погребениях типа 3-1 молоточковидных булавок, характерных для погребений 2-го варианта типа 1. Возможно, такое распределение инвентаря не случайно. С погребениями типов 1-2 и 3-1 связаны также терочная плита с курантом (100, 1/3), круглый валун с прочерченным крестом и кремневый скребок (99, 3/11).

Для определения места раннеямной группы погребений из Прикубанья в общей ямной культурно-хронологической системе важна прежде всего характеристика действительно первого общедревнеямного этапа развития, т. е. периода, когда можно говорить о ямной культурно-исторической общности.¹⁷

¹⁷ Погребения типа Бережновка I, 5/22, Быково II, 2/3, хутор Попов, 31/7 и синхронные им (т. е. I общедревнеямный горизонт, по Мерперту) являются субстратом ямной культуры и входят в древнейший энеолитический пласт подкурганых погребений, близких по ряду черт к ямным, но не составляя, видимо, однородного древнеямного горизонта, культуры или культурной общности. Этим понятиям в полной мере соответствуют памятники ямной культуры II этапа, по Мерперту.

В общей характеристике, данной Н. Я. Мерпертом (1968, 1974) II этапу развития, выделим два важнейших признака: 1) подавляющее преобладание во всех локальных вариантах погребений с костяками, скорченными на спине и ориентированными головой в восточный сектор, и 2) распространение в ямной среде этого времени дериватов майкопского и усатовского наследия.

Благодаря новым региональным исследованиям, уточнившим выводы Н. Я. Мерперта, и с учетом отмеченных признаков возможна широкая синхронизация различных территориальных групп ямной культуры.¹⁸

В пределах волжско-уральского локального варианта И. Б. Васильевым (1979) систематизированы ямные погребения Среднего Поволжья. Выделено две группы погребений. Несмотря на отсутствие стратиграфических данных, предполагается, что одна из них (первая) предшествует другой (вторая). По обряду, керамике (Покровский могильник, 15) и костяным изделиям (Покровский могильник, 17) обе группы не выходят за пределы II периода, по Мерперту (Васильев, 1979, с. 38—40), а обнаруженный металл указывает на синхронность с позднемайкопскими (новосвободненскими) памятниками (там же, с. 40).

На нижнем и среднем Дону (донской вариант) выделены группы погребений по обряду, керамике, костяным изделиям и металлу, сопоставимые с соответствующими средне- и нижневолжскими ямниками. Для нижнего Дона это, по-видимому, V энеолитическая группа, по Кияшко, а для среднего Дона — I-я ямная обрядовая группа, по Синюку (1983, с. 120—128). Керамика нижнедонских погребений близка к посуде Константиновского поселения (Кияшко, Нижнее Подонье..., с. 104—106). Последнее синхронизируется с позднесреднепозднестоговскими памятниками (дериевский этап), с одной стороны, и новосвободненскими — с другой (с. 79—80). Такие же связи по керамике и металлу обнаруживают наиболее ранние среднедонские ямные погребения (Синюк, 1983, с. 124—128).

Территория Поднепровья (нижнеднепровский локальный вариант) — третий район, где схема Мерперта подверглась конкретизации и уточнениям. В последнее время разработаны локальные периодизации для Орельско-Самарского междуречья (Марина, 1982б) и Нижнего Поднепровья (Шилов Ю., 1982).

Согласно З. П. Мариной, ко II общеявному периоду в ее системе относятся погребения с восточной ориентацией 2-го и частично 1-го стратиграфического горизонтов. Ранний период 1-го горизонта рассматривается как предшествующий им, но есть достаточные основания считать керамику этих погребений более ранней, чем керамика Михайловки II, но не древнее позднесреднепозднестоговской. Другими словами, 1-й, 2-й стратиграфические горизонты, по Мариной (1—2-й этапы), следует включить во II общеявный период, подразделяя его на этой территории на 2 этапа: 1-й — синхронный позднесреднепозднестоговским памятникам и частично нижнему слою в Михайловке и 2-й — синхронный Михайловке II.

Как показала З. П. Марина (1979, с. 82—89), разработанная ею периодизация пригодна для анализа ямных погребений не только Орельско-Самарского междуречья, но и всего Надпорожья в целом.

¹⁸ Широкой территориальной синхронизации способствуют сопоставимые периодизации, выполненные на базе принципиально единой методики сравнительной стратиграфии и типологии погребений.

В периодизации Ю. А. Шилова, в целом противоречиво изложенной и лишенной четкости, II общеявному периоду соответствует группа раннеямных погребений (скорченные на спине, восточная ориентация). Стратиграфические данные, приведенные Ю. А. Шилковым, а также керамика указывают на их частичную синхронность с поздними среднестоговскими, нижнемихайловскими и кемиобинскими памятниками. Другая часть погребений по керамике синхронизируется с Михайловкой II (Шилов Ю., 1982, с. 11–12).

Значительные по объему работы, проведенные в степном правобережье Кубани, Буго-Днепровском и Днестро-Дунайском междуречьях, позволяют уточнить представления о ямных погребениях II периода в северо-восточном и юго-западном локальных вариантах.

Для ямных погребений Поингуля была разработана периодизация, основанная на типологии и данных стратиграфии (Шапошникова, Бочкарев, Шарфутдинова, 1977), но с одним существенным недостатком – не была учтена ориентировка погребений – важный и работающий в периодизации показатель. В результате схема приобрела несколько формальный характер, что затрудняет ее сопоставление с другими разработками. Тем не менее ко II общеявному пласту здесь могут быть частично отнесены погребения I и IV типов (там же; Марина, 1979, с. 84–85). Отметим только, что в отличие от левобережных памятников здесь нет ямных материалов, предшествующих Михайловке II. То же самое относится к Побужью. Керамика, обнаруженная в местных немногочисленных раннеямных погребениях, характерна для Михайловки II (Фоменко, 1979, с. 33). Видимо, близкая культурно-хронологическая ситуация существует в Днестро-Дунайском междуречье. Согласно курганной стратиграфии, наиболее ранним ямным погребениям (скорченно на спине, восточная ориентация) там предшествуют позднетрипольские (усатовские) и ранние кемиобинские (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с. 181–201).

К сказанному добавим, что кроме отмеченных развернутых систематизаций характеристику локальных групп II общеявного пласта заметно дополняют отдельные вновь открытые погребения или их группы. Так, в предкавказском варианте это погребения в Ставрополье (Веселая Роша III, 14/6 – Романовская, Отчет. . . , 1979) и Калмыкии (Эрдниев, 1982, с. 213–216; Шилов В., 1982а, с. 215–218). Их инвентарь (тесло, долото, топор) указывает на связь с позднемаякопскими памятниками. В приазовском варианте это погребения у с. Кремневка, Волонтировка (Константинеску, 1979, с. 30–31). Обнаруженная керамика указывает на появление здесь ямников в предшествующее Михайловке II время.

В итоге общедревнеямный период можно охарактеризовать как время, когда на всей территории общности господствующим было скорченное на спине положение погребенных, ориентированных в восточный сектор, а в металлическом инвентаре, особенно в восточных вариантах, заметно новосвободненское влияние. Хронологически период, видимо, можно подразделить на два этапа (исключая юго-западный и северо-западный локальные варианты). Наиболее ранний период частично синхронен финальным позднесреднестоговским, нижнемихайловским, константиновским, новосвободненским, позднетрипольским и раннекемиобинским памятникам. Более поздние группы синхронны частично Михайловке II и соответствующим ей памятникам.

Сравнивая ведущие признаки II этапа развития ямной культурно-исторической общности с прикубанскими материалами первой хронологической

группы, нетрудно заметить кроме идентичности в положении и ориентировке костяков (сгоревшее на спине, головой в восточный сектор) близость по распределению в их среде родственных типов изделий, в частности аналогичных новосвободненским или от них производных. К таким типам относятся прежде всего тесла и долота, неоднократно обнаруженные в ямных погребениях и за пределами степного Прикубанья (Веселая Роща, Подкалиновка, Ново-Павловск). Частичная синхронность этих комплексов новосвободненскому этапу майкопской культуры документирована типологической близостью ямных тесел и долот комплексам типа Воздвиженская, Андрюковская, Костромская (Иессен, 1950) и наличием в новопавловском погребении кроме тесла и долота топора несомненно новосвободненского типа (Синюк, 1983, с. 25, рис. 8, 7).

Среди других типов, близких к новосвободненским, из прикубанских ямных погребений отметим круглое и особенно уплощенное в сечении золотое кольцо в один оборот (78, 1/6), аналогичное происходящим из новосвободненских гробниц (Мунчаев, 1975, с. 245, рис. 46, 13—15), а также ножи с выпукло-вогнутым в сечении и закругленным на конце лезвием и ножи с широким треугольным черенком (рис. 9, 6, 9).

Достаточная степень надежности синхронизации ямных погребений по присутствующим в них элементам майкопской культуры подтверждается вполне устойчивым распределением последних в однотипных погребениях, относимых к одному общеямному горизонту (начало II периода). Укажем на ямные погребения с майкопскими и близкими к ним бронзовыми топорами (Васильев, 1979, с. 28, рис. 3; Шилов В., 1982б, с. 215—218) и каменным молотом — клевцом (Мерперт, 1974, рис. 10, 6) того же происхождения (Мунчаев, 1975, с. 280, рис. 64, 16—18).

Следует подчеркнуть, что вместе с импортом, судя по специфике форм и химическому составу большинства металлических изделий (тесел, долот, ножей), несомненно функционировало местное производство, в процессе которого допускались отступления от первоначальных эталонных образцов (Кореневский, 1977). В качестве местной ямной интерпретации новосвободненских кинжалов можно, по-видимому, рассматривать крупные прикубанские ножи с закругленным концом лезвия. Показательно, что и в других областях ямные ножи больших размеров (до 25 см длиной) встречаются только в погребениях, синхронных могилам, содержащим подражания новосвободненским типам (Васильев, 1979, с. 38—39).

К сожалению, названные металлические изделия, пожалуй, единственные из небольшой коллекции раннеямных материалов Прикубанья, которые позволяют провести широкие территориально-хронологические сопоставления. К ним можно добавить только пару рогаткообразных костяных изделий (рис. 6, 14), близких подобным из раннеямных погребений нижнего Дона (Кияшко, Нижнее Подонье... , табл. XXVI, рис. 1—6, 9, 11) и Среднего Поволжья (Васильев, 1979, с. 26, рис. 2). Таким образом, несомненно существование раннеямных погребений Прикубанья в начале II общеямного периода. Вместе с тем, исходя из времени появления в Прикубанье позднеямных погребений (2-я группа), надо допустить их бытование до конца этого периода, что подтверждается присутствием керамики, аналогичной найденной в Михайловке II (рис. 6, 19) (Лагадовська, Шапошникова, Макаревич, 1962), и некоторыми пережиточными постмайкопскими типами бронзовых орудий.

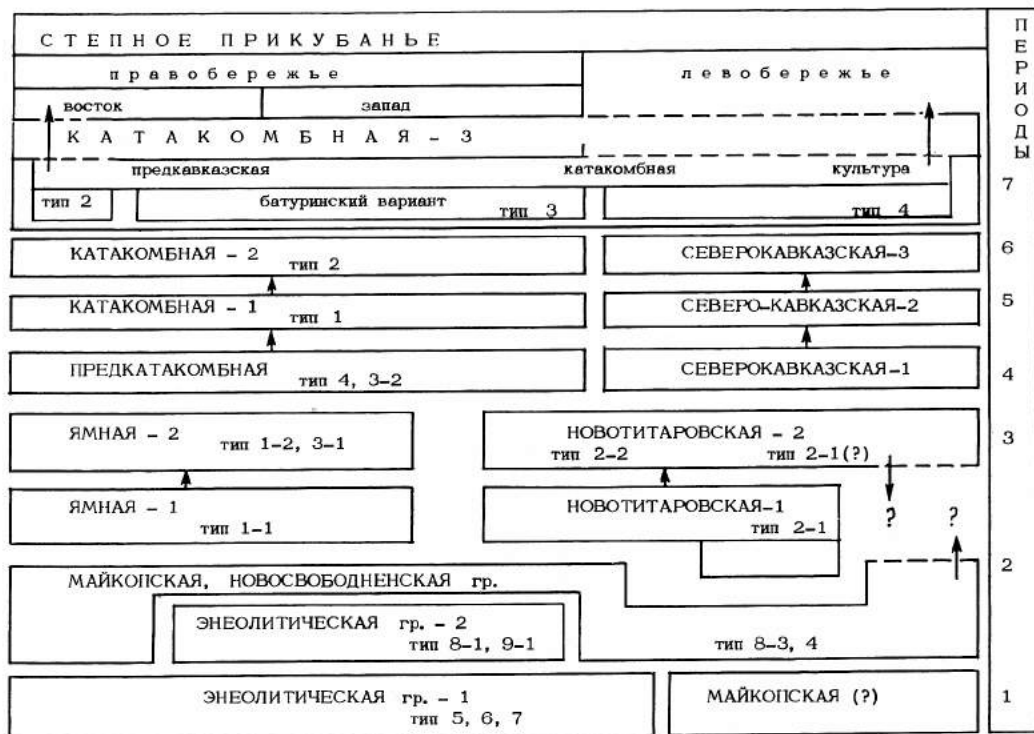

Рис 11 Степное Прикубанье. Общая схема периодизации (энеолит - средняя бронза)

В итоге раннеямные погребения степного Прикубанья (первая хронологическая группа) следует рассматривать в рамках II общеямного периода, т. е. времени повсеместного господства унифицированного обряда, когда скорченные на спине погребенные ориентировались преимущественно в восточный сектор (рис. 11).

Возможность для обобщенных сопоставлений прикубанских ямных погребений второй хронологической группы появилась только благодаря уточнениям, внесенным в последние годы в характеристику III общеямного периода развития в рамках отдельных локальных вариантов. Почти повсеместно удалось разделить этот период на два последовательных этапа — ранний и поздний. В результате, для 1-го (раннего) этапа была получена следующая система синхронных локальных групп.

Согласно типологии и стратиграфии в Нижнем Подонье к этому времени относятся погребения VII группы и, по-видимому, 1-го варианта IX группы, по классификации Княшко (Нижнее Подонье. . . , с. 116-117), что почти полностью соответствует 3-й группе донского варианта, по Мерперту. На среднем Дону им соответствуют погребения 2-й ямной обрядовой группы (Синюк, 1983, с. 12, 128). Ведущими чертами погребального обряда обоих районов является скорченное на спине положение погребенных, ориентированных в западный сектор.

На левобережье Днепра донским группам ямных погребений синхронны погребения 3-го стратиграфического горизонта (3-й этап), выделенного З. П. Мариной (1982б, с. 17), а на нижнем Днепре в это время, по-видимому, существуют погребения так называемого старосельского типа, на что указывает их стратиграфическое положение и обряд — скорченно на спине, головой в западный сектор (Шилов Ю., 1982, с. 8). Из других систематизированных днепровских материалов к этому этапу с уверенностью можно отнести часть погребений первой никопольской группы (Кривцова-Гракова, 1962, с. 5–55; Марина, 1979, с. 83). В целом в пределах нижнеднепровского локального варианта этим группам, по-видимому, соответствует нижний горизонт Михайловки III (Марина, 1982б, с. 17).

Как уже отмечалось, сопоставление периодизационных систем ямных погребений Лео- и Правобережной Украины затруднено из-за различий в классификационных признаках, но тем не менее оно возможно. В Поингулье рассматриваемому этапу частично соответствуют погребения IV типа и, возможно, часть погребений I, II типов (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977; Марина, 1979, с. 85). В степном Побужье, согласно трехступенчатой периодизации В. Н. Фоменко (1979, с. 33), к 1-му этапу III общеямного пласта относятся погребения I, частично II и IV типов, посуда которых близка к керамике типа «А» Михайловки III.

Среди позднеямных погребений крайнего юго-запада (Днепро-Дунайское междуречье) к началу III общеямного горизонта относятся более ранние, т. е. погребения 5-й группы, по схеме Чернякова-Субботина, на что указывает их инвентарь, обряд и стратиграфия (Субботин, Черняков, Ядвичук, 1976, с. 181–201). Возможно, что к этому же времени относится начало формирования буджакской культуры (Черняков, 1978б, с. 32–33).

Возвращаясь к восточным районам распространения ямных памятников, укажем, что только в Нижнем Поволжье отчетливо выделяется ранний этап III общеямного периода (погребения 5-й, 6-й групп типа Бережновка II, 9/5, 8, 12, 13, 17 — Мерперт, 1974, с. 41). В Среднем Поволжье заметной группы ямных погребений с западной ориентировкой пока не обнаружено. Не исключено, что здесь дольше существовали ямники предшествующего периода с восточной ориентировкой (там же, с. 88), но вероятнее другое — в этот период начинает формироваться средневожская полтавкинская культура (Васильев, 1979, с. 40–52). Возможно, поэтому полтавкинские элементы появляются в Среднем Подонье уже в ямных материалах 2-й обрядовой группы (Синюк, 1983, с. 128), а ямные и полтавкинские погребения в Нижнем Поволжье содержат отдельные аналогичные типы инвентаря (Мерперт, 1974, с. 40).

Относительно других локальных вариантов (приазовский, предкавказский) отметим, что характеристика, данная Н. Я. Мерпертом (1968) погребениям III общеямного горизонта в соответствующих районах, до сих пор существенно не дополнена и остается принять ее в первоначальном виде.

В итоге, ранний (I) этап III общеямного периода можно рассматривать как время, когда господствующей чертой обряда являлось скорченное на спине положение погребенных, ориентированных в западный сектор, и в инвентаре не ощущалось влияния катакомбной и северокавказской культур. На восточной и западной окраинах области, по-видимому, начинают формироваться новые культуры (полтавкинская, буджакская).

К этому периоду, судя по стратиграфии, сходству в обряде и инвентаре, относятся и позднеямные прикубанские погребения (2-я группа).

Среди керамики хронологически наиболее показательной является круглодонная посуда с короткой шейкой и без выделенной шейки (рис. 9, 21, 22, 24). Оба типа керамики широко распространены в ареале позднемной культуры, включая Подонье (группа VII, по Кияшко — Нижнее Подонье..., табл. XXXIII), Поволжье (Мерперт, 1974, рис. 13—14) и Поднепровье (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 15—17, рис. 4—6; Марина, 1979, с. 87, рис. 1), причем нередко наряду с формой совпадают и орнаментальные композиции.¹⁹ Другим характерным позднемным типом керамики являются небольшие округлодонные фляги (рис. 9, 28), однако область их распространения уже. Чаще всего они встречаются в Нижнем Поднепровье (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 15—17, рис. 5—6), Приазовье и Крыму. Среди типов позднемной керамики Прикубанья, имеющих аналогии на других территориях, кроме банок (рис. 9, 26) и небольших круглодонных сосудов укажем на крупные сосуды из тризны с грубозаглаженной поверхностью (Латынин, 1967, с. 23, рис. 13; с. 35, рис. 33).

Хронологически показательным является присутствие в позднемных прикубанских погребениях роговых молоточковидных булавок с цилиндрическим стержнем (рис. 9, 36, 37), орнаментированным горизонтальными поясками.²⁰ Шире всего они распространены на Северном Кавказе и ближайших к нему территориях (нижний Дон, Калмыкия). Булавки этого типа появляются в позднемных погребениях этих районов не позднее 1-го этапа III общеямного периода. Другой тип молоточковидных булавок (рис. 9, 35) в это же время является преобладающим в ямных погребениях Нижнего Поднепровья (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 15—17; Марина, Никитин, 1980). Вместе с булавками в этот период по всему ареалу ямной культуры распространяются бронзовые бляхи с орнаментом и без (см., например: Мелентьев, 1966, с. 66; Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 17, рис. 6; Сафронов, 1974), а также бронзовые орнаментированные пуансоном прямоугольные накладки.

Культурную специфику раннемного прикубанского массива в целом считать выявленной пока нельзя ввиду малочисленности инвентаря и общей неразработанности вопросов локального развития раннемных групп. В позднемном обряде появляются группа вытянутых на спине погребенных (тип 3-1),²¹ обширные околмогильные площадки, раскраска заплечиков ям и перекрытий охрой,²² но в инвентаре исключительно прикубанских типов практически нет (не считая дольменной керамики в ямных комплексах 95, 2/61; 111, 9/24).

При сопоставлении прикубанской двухэтапной периодизации ямной культуры с общеямной хронологической схемой возникает вопрос: заканчивается

¹⁹ Ср., например, сосуды из Прикубанья с посудой с нижнего Дона (Мелентьев, 1974, с. 25, рис. 41, 9) и Поволжья (Мерперт, 1974, рис. 14—16).

²⁰ По типологии предкавказских булавок В. А. Сафронова (1973, с. 44, рис. 11) они относятся к раннему типу (IV, III стадии).

²¹ Строго говоря, считать это только кубанским явлением нельзя. Подобный обряд зафиксирован в позднемных погребениях почти повсеместно (Мерперт, 1974). Отличие, возможно, касается таких элементов обряда, как пеленание погребенных, распределение охры, угля, категорий инвентаря и т. д., но детальному сопоставлению мешает отсутствие подобных систематизированных данных для сопредельных с Прикубаньем областей.

²² Отметим более высокий, чем в других областях, процент погребений с повозками (около 10 % от общего количества погребений ямной культуры).

ли развитие ямной культуры в Прикубанье с исчезновением погребений типов 1-2 и 3-1 или, как в большинстве других районов, она, претерпевая изменения, продолжает существовать на следующем финальном 2-м этапе III общеямного периода?

Это время характеризуется серьезной внутренней перестройкой ямной общности в целом и сопровождается появлением в некоторых ее областях новых культурных групп, которые могли быть тесно связанными с предшествующей культурой (буджакская, полтавкинская группы), обладать только частичной — не генетической — преемственностью с нею (группа X на нижнем Дону, по классификации Кияшко) и даже быть ей совершенно чуждыми, наследующими в основном территорию (северокавказская культура в Ставрополье и Калмыкии).

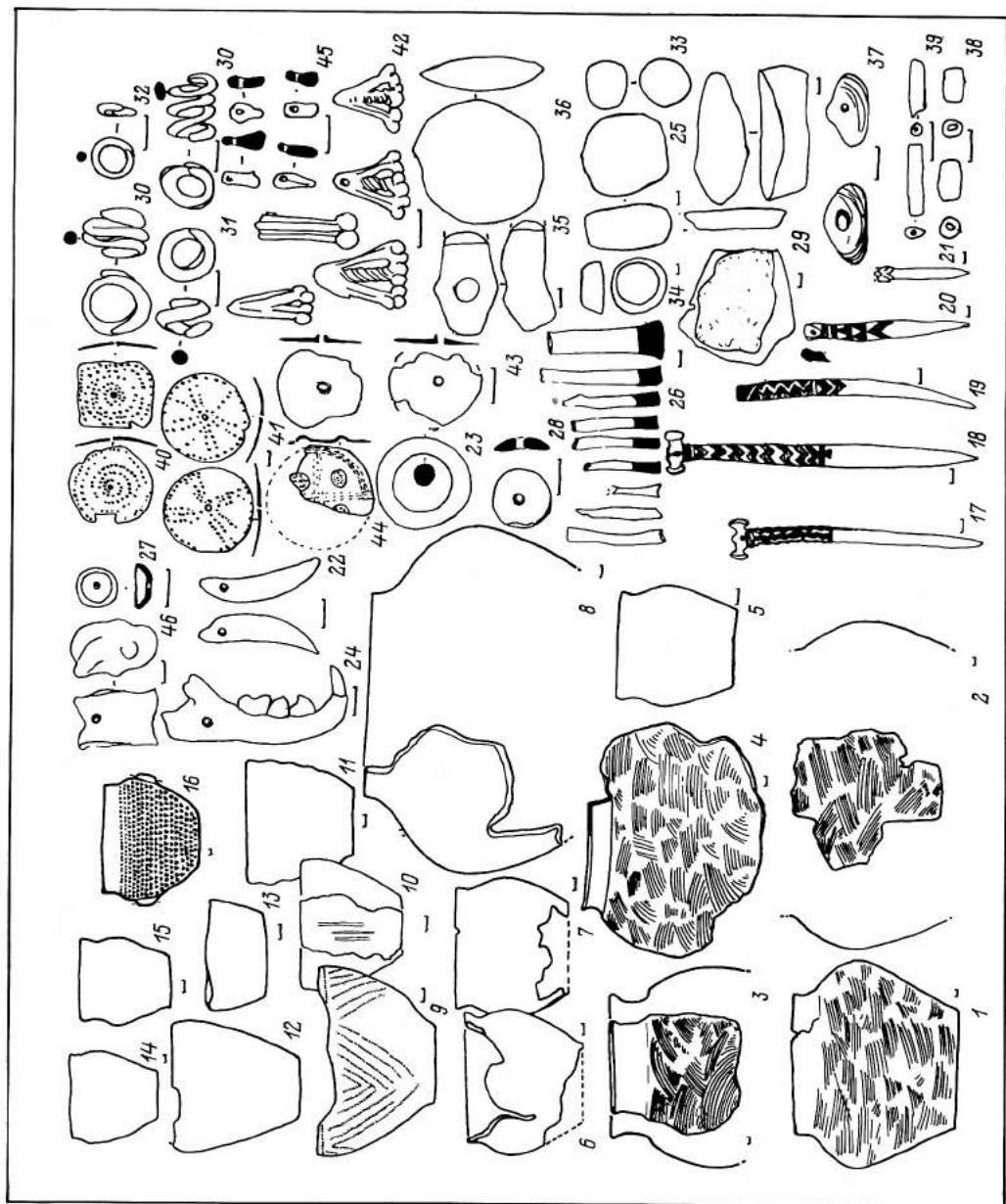
С этой точки зрения смену в Прикубанье позднеямных погребений погребениями типов 4 и 3 (рис. 2; 3) можно рассматривать как закат собственно ямной обрядности и начало формирования новой, позднее получившей развитие в раннекатакомбных погребениях. Не исключено, что в основе смены обряда лежит частичная смена населения, чему не противоречат и элементы преемственности. Поэтому, не отрицая определенной культурной связи между позднеямными погребениями и последующей группой, представляется целесообразным выделить последнюю из ямной культуры и называть ее, учитывая хронологическое и культурное положение, предкатакомбной.²³

Предкатакомбная культурная группа (рис. 12). В данную группу включены погребения типов 3-2, 4 (рис. 2), стратиграфически следующие за позднеямными погребениями типов 1-2, 3-1 и предшествующие раннекатакомбным (рис. 3).

Для погребений типа 4 (учтено около 100 погребений) характерны прямоугольные ямы со слабо скорченными на правом боку костяками, ориентированными головой в западный сектор, руки их протянуты к коленям или бедрам.

Погребений с южными (летними?) отклонениями в два раза больше, чем с северными (зимние?). Известно несколько могил с костяками, ориентированными строго на север и юг. Пропорции могильных ям устойчивы, а абсолютные размеры колеблются (рис. 13). Наряду с прямоугольными встречаются ямы трапецевидной формы. Могильные ямы в целом уже, чем у позднеямных погребений. Характерны наклонные внутрь стенки. Колья по углам зафиксированы приблизительно у каждого 10-го погребения. Площадки вокруг могильных ям сооружались почти у каждого 3-го погребения, но их размеры заметно уступают площадкам у погребений, например, типов 2 или 3. В погребениях типа 4 не нарушена и характерная связь между площадкой, повозкой, тризной и досыпкой (насыпью). Таких погребений 10. Для ям и площадок этих могил характерны размеры, превышающие средние. Количество погребенных в одной могиле варьирует от 1 до 6. Детские костяки (приблизительно до 3 лет) всегда сопровождают взрослые. Поза детей часто отличается от традиционной. Они могут лежать на спине или на левом боку, головой в ту же или противоположную ориентации взрослого погребенного сторону. Подростки чаще погребались в отдельных ямах, пропорциональных их росту.

²³ Термин «предкатакомбная» имеет предварительный, рабочий характер, им удобно пользоваться до выяснения конкретно-исторического культурного содержания материалов

Для погребенных характерна скорченность, когда углы в тазобедренных и коленных суставах составляют приблизительно около 110° (рис. 14).

Алая охра в погребениях типа 4 присутствует всегда в виде подсыпок, сосредоточенных чаще всего у стоп и черепа. Одновременно пятна охры могут располагаться перед грудью, у плечевого сустава, реже у кистей и таза. В нескольких случаях полосы алой охры наносились вокруг могильных ям на площадках. Кроме алой охры в погребениях (на костях и подстилке) фиксируется окрашенность гетитом, который присутствует в виде стертых комков. Скопления углей отмечены только у третьей части погребений. Они располагаются либо в ногах погребенного в углу ямы, либо в области таза. Иногда погребения сопровождаются жаровнями из обломка сосуда. В нескольких случаях отмечена обожженность перекрытия могильных ям. Так же редко, как и угли, встречается меловая подсыпка на дне ям, причем мел, уголь и охра могут сочетаться в одном погребении.

Почти четверть погребений типа 4 сопровождается бараньими костями (череп и кости ног), половина их располагается непосредственно рядом с костяком. В погребениях подростков таких комплексов может быть до трех.

Более 50 % погребений снабжены инвентарем, но это, как правило, только бронзовые и костяные украшения.

При характеристике небольшой группы погребений 2-го варианта типа 3 (учтено около 20 погребений) следует подчеркнуть их отличие от погребений 1-го варианта того же типа. Во-первых, кроме прямоугольных, сюда входят погребения в трапецевидных ямах (рис. 2). Во-вторых, пропорции этих ям несколько иные, ямы уже. У погребенных отсутствуют следы пеленания. Кроме западной появляется северная ориентировка. В погребениях отсутствует мел. Площадки вокруг могил меньших размеров (в одном случае погребение сопровождается повозкой).

Для погребений характерно присутствие охры, угля, окраска гетитом костяков и подстилки. Куски этого минерала со следами сработанности встречаются вместе с каменными плитками, о которые гетит растирали.

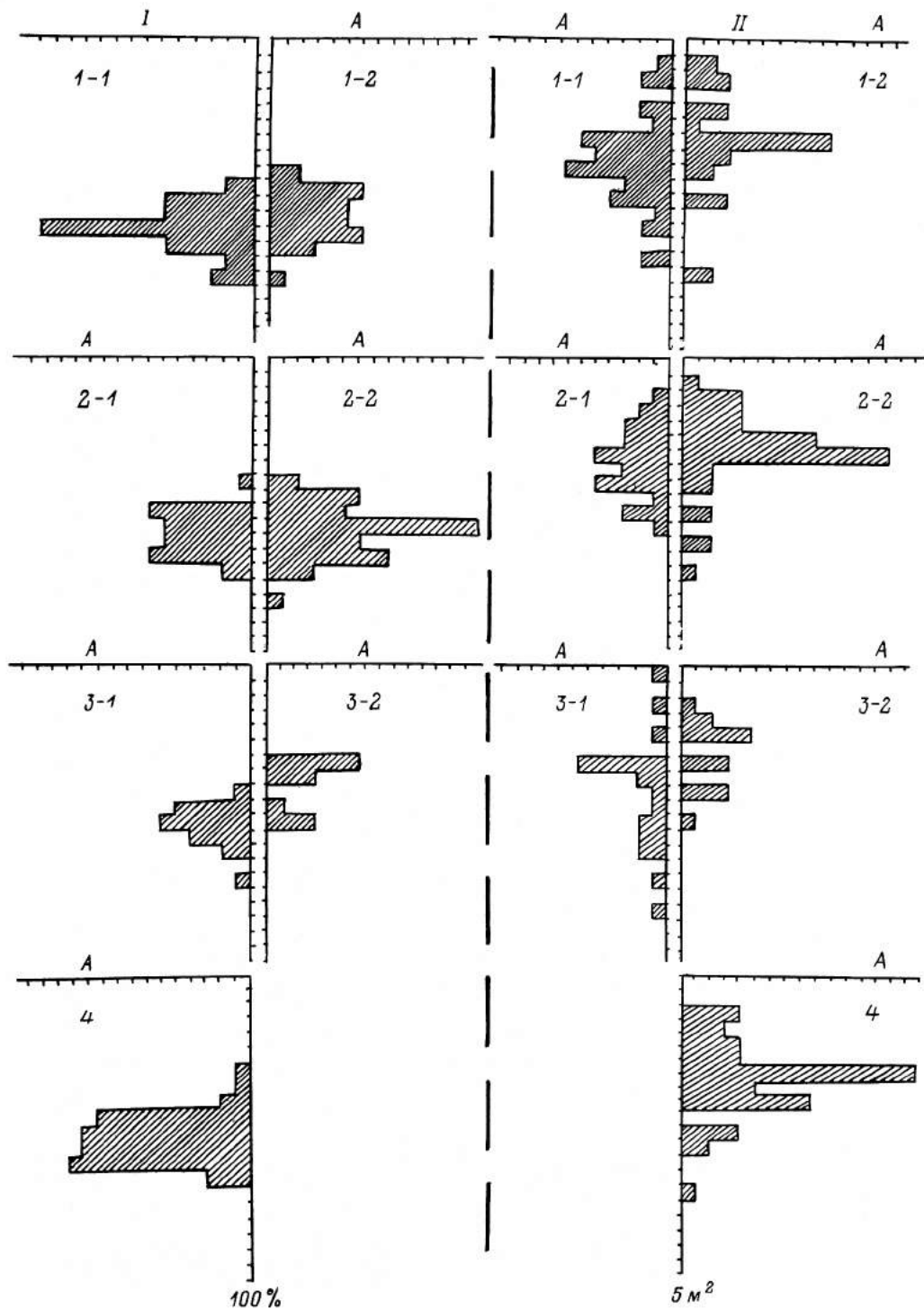
Кости животных (бараньи черепа и кости ног) встречаются на краю могильных ям, но чаще в яме рядом с костяками — у черепа или стоп.

Погребения предкатакомбной группы достаточно равномерно распределены по всему степному Прикубанью, исключая закубанские районы (рис. 10). Определенной локализации типов погребений относительно друг друга не отмечено. Инвентарь представлен небольшой коллекцией керамики и в основном украшениями.

Керамика, как правило, происходит либо из тризн (крупные грубозаглажен-

Рис 12 Предкатакомбная культурная группа.

1 Роговская, 1/12, 2 -- Лебеди I, 2/120, 3 Анапская, 7/7, 4 Верхний, 18/20, 5, 6, 7 Днепровская, 3/2, 8 Ивановская, погр 4, 9 -- Анапская, 7/10, 10 Брюховецкая II, 6/20, 11 Раздольная, 16/3, 12 -- Раздольная, 13/4, 13 Новокорсунская, 5/13, 14 Брюховецкая II, 4/7, 15 -- Брюховецкая II, 6/9, 16 Калининская, 16/2, 17 Анапская, 7/5, 18 -- Калининская, 41/7, 19, 27, 30, 31 Лебеди I, 2/123, 20 Новониколаевская I, 8/7, 21, 22, 23, 25 -- Лебеди I, 2/120, 24 Батуринская II, 1/9, 26 -- Брюховецкая I, 5/10, 28 Батуринская II, 3/6, 29 -- Брюховецкая I, 5/10, 32 -- Чапаевский, 1/11, 33 Первомайский, 1/9, 34 Калининская, 9/8, 35 Новотитаровская, 1/2, 36 Раздольная, 13/14, 37 -- Раздольная, 16/3, 38 Лебеди I, 4/13, 39 Раздольная, 14/13, 40 -- Раздольная, 16/3, 41 Раздольная, 14/13, 42 -- Казанская, 8/1, 43 Анапская, 7/5, 44 -- Калининская, 17/2, 45 Верхний, 18/23, 46 Батуринская II, 2/9

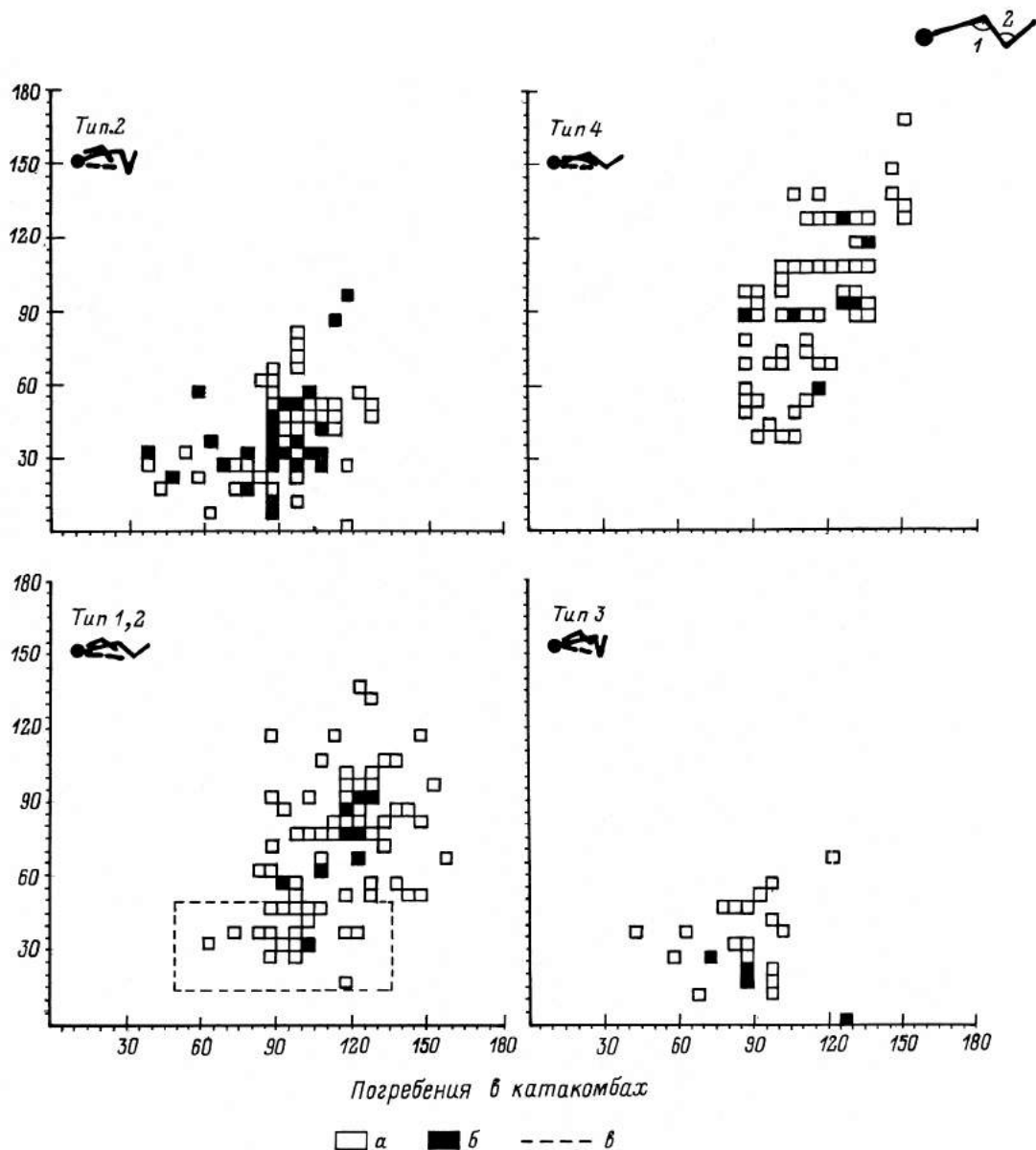

Рис. 14 Показатели степени скорченности

1 — угол скорченности в тазобедренных суставах, 2 — угол скорченности в коленных суставах, а — одно погребение, б — больше 5 погребений, в — группа погребений с новотитаровской традицией степени скорченности

Рис. 13. Могильные ямы

I — пропорции, II — площадь, А — количество погребений

ные сосуды), либо из погребений подростков или погребений с детьми. Среди крупных сосудов с расчесами выделяются два варианта. Для одного из них характерен плавный переход от плечика к короткой шейке. У других сосудов шейка отделена от плечика уступом, который является границей между расчесами на тулове и лощением на шейке (73, 1/12; 80, 18/20; 118, 7/7; рис. 12, 1—4).

Чаще других в погребениях обнаружены баночные сосудики (79, 16/3; 80, 13/5; 95, 1, 2/100) и небольшие профилированные горшочки (110, 4/7; 6/19; 6/20; 117, 3/2; рис. 12, 5—7, 9—15). Некоторые из них украшены отпечатками мелкой веревочки (рис. 12, 9), горизонтальными (рис. 12, 11) и вертикальными (рис. 12, 10) каннелюрами. Найдены также небольшие плоскодонные сосуды (94, 16/2; 95, 2/120) с двумя вертикальными ушками (рис. 12, 16). Среди редких типов керамики отметим чернолощенный сосуд (амфора?) с короткой вертикальной шейкой (107, 1/15; рис. 12, 8). Наиболее примечательными среди украшений являются различного рода булавки. Учтено 15 экз. Из них 6 булавок относятся к роговым молоточковидным с сигаровидным стержнем (79, 3/3; 16/3; 80, 1/11; 94, 41/7а; 95, 2/99; 2/121), орнаментированным зигзагообразными композициями (рис. 12, 20, 21); 3 булавки — к бронзовым молоточковидным с змеевидным рельефным орнаментом на стержне (94, 17/2; 95, 2/123; 118, 7/5; рис. 12, 17—19); еще 3 булавки относятся к типу роговых посоховидных. Их верхняя часть украшена прочерченными зигзагами или заштрихованными горизонтальными поясками (73, 1/12; 95, 2/123; 100, 8/7; рис. 12, 22—23). Остальные роговые булавки нехарактерной формы, с прямым, слегка расширяющимся в средней части стержнем и едва выделенной, иногда фигурно вырезанной головкой с горизонтальным или наклонным отверстием. Орнамент состоит из заштрихованных треугольников и зигзагообразных поясков (79, 9/16; 94, 29/4; 95, 2/120). В 4 погребениях вместе с молоточковидными булавками зафиксированы бронзовые круглые или квадратные бляхи, орнаментированные, за исключением одного комплекса, пуансоном и в 3-х — бусы из зубов ископаемой рыбы. Такие же бусы найдены вместе с роговой посоховидной булавкой. В комплексы с булавками также входят просверленные раковины (рис. 12, 56—58), уплощенные костяные бусы различных вариантов (рис. 12, 60—64), просверленные клыки, подвески из челюстей хищников, костяные кольца и серебряные (реже бронзовые) спиральные кольца в 1.5, 2, 2.5 и 3 оборота с раскованными концами (рис. 12, 40—41, 43—49).

Часть перечисленных типов инвентаря (костяные бусы, бусы из зубов рыб, спиральные кольца) помещалась в погребения и без булавок. Среди остальных типов инвентаря отметим наборы заполированных и частично окрашенных охрой птичьих костей — «флейты Пана» (83, 5/10; 94, 55/6; 117, 3/2), костяную полусферическую бляшку с отверстием (94, 20/4), бронзовые пронизи (13, 2/2) и подвески (80, 18/23) неправильной каплевидной формы (рис. 12, 72).

Изделия из камня представлены обломком топора-молота (101, 1/2; рис. 12, 54), дисковидными терочниками и комплексами из каменных плиток со острыми кусками гетита (рис. 12, 50).

Исходя из стратиграфического положения погребений типов 4, 3-2 и распределения аналогий типам погребений и сопровождающего инвентаря, круг памятников, синхронных предкатакомбной группе, следует ограничить началом 2-го этапа III общеглазного горизонта и синхронных ему групп других культур.

Погребения этого этапа завершают почти все ямные локальные стратиграфические колонки. Основная черта обряда — скорченное на боку положение

погребенных.²⁴ Различия между локальными группами в инвентаре и деталях обряда (положение руки, бок, ориентировка) существенны, что наряду с внутри-локальным разнообразием затрудняет синхронизацию погребений. Обряд и инвентарь зачастую демонстрируют определенную близость (на востоке) с катакомбной, северокавказской и полтавkinской культурами, а на западе ареала — с балкано-дунайскими культурами.

Повсеместно отмечается размытие основных эталонных черт ямного обряда и культуры в целом. В отдельных районах трансформации столь существенны, что вызывает сомнение само отнесение отдельных групп погребений к ямной культуре (Кияшко, Нижнее Подонье. . . , с. 122). В целом можно представить следующую систему относительно синхронных групп.

На нижнем Дону этот этап представляют погребения со слабо скорченными на правом боку костяками, ориентированными в западный сектор. Стратиграфически они всегда следуют за погребениями, ориентированными в тот же сектор, но скорченными на спине (Мелентьев, 1966). По классификации Кияшко, это погребения X группы (левобережье Дона) и, по-видимому, основная часть погребений 2-го варианта IX группы (Кияшко, Нижнее Подонье. . . , с. 122—125),²⁵ причем последняя группа стратиграфически более поздняя. Ее керамика обнаруживает полтавkinские черты (там же, табл. XXIII). На среднем Дону этому времени соответствуют погребения 3-й обрядовой группы (Синюк, 1983, с. 123, 128). Характерно, что Д. Т. Синюк (там же, с. 128—129) отмечает среди них ранние и более поздние погребения с посудой полтавkinского облика.

Для районов Поднепровья²⁶ сохраняет свое эталонное значение последовательность древностей, установленная в Никопольском районе (Граков, 1938; Кривцова-Гракова, 1962). Выделенная здесь вторая хронологическая группа (погребенные скорченные на боку), как и в Подонье, следует за погребениями с костяками, скорченными на спине, головой на запад. В периодизации Мариной (1979, с. 69) последним синхронны погребения 3-го стратиграфического горизонта, а первым — соответственно 4-го. По керамике 4-й горизонт сопоставим с верхними слоями Михайловки III (Марина, 1982б, с. 18), которым на нижнем Днепре синхронна группа позднейших погребений, выделенная Ю. А. Шиловым (1982, с. 78). В отличие от Подонья в Поднепровье ориентация погребенных и положение на боку (правом, левом) — неустойчивые признаки.

В Поингулье позднюю ямную группу представляют погребения типов 5, 6, причем предполагается, что скорченные на левом боку — позднейшие (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977). Еще западнее, в Побужье, такая же ситуация. Позднейшую группу составляют погребения типов 3 и 4, т. е. скорченные на левом боку, с буджакскими элементами, а более раннюю — типа 5 и, возможно, часть погребений типов 1, 4. Последние содержат немногочисленные маталлические изделия северокавказского типа (Фоменко, 1979,

²⁴ Нередко к этому добавляют наличие у могильных ям уступов (запличиков). Запличики по существу неизбежный и обязательный конструктивный элемент почти любого впускного погребения, прорезающего насыпь. Большинство поздних погребений — впускные, отсюда и запличики у них встречаются чаще. Другими словами, наличие запличиков (уступов) является малопримечательным признаком для классификационной работы. Иное значение имеют, например, площадки вокруг ям, выложенные камышом (см.: Кияшко, Нижнее Подонье. . . , с. 122).

²⁵ В значительной степени они соответствуют 4-й группе, по классификации Мерперта

²⁶ По мнению Н. Я. Мерперта (1968, с. 35), и шире.

с. 33—34). В Днестро-Дунайском междуречье рассматриваемый этап представляют буджакские погребения или погребения, выделенные в 6-ю группу периодизационной схемы Л. В. Субботина, И. Т. Чернякова и В. И. Ядвичука (1976). Их обряд и стратиграфическое положение аналогичны позднейшим ямным погребениям всего правобережья Кубани.

Основные черты и тенденции в развитии ямной культурно-исторической общности на 2-м этапе последнего (III) периода проявились и в Прикубанье. На это указывает, в частности, одинаково широкое распространение в предкатакомбной группе и ранних северокавказских погребениях роговых и бронзовых молоточковидных булавок близких типов вместе с сопутствующими им бронзовыми бляхами, бусами и подвесками из раковин (Сафронов, 1974; Романовская, Отчет... , 1979; Державин, Отчет... , 1980). Аналогичные типы встречаются среди нижнедонских погребений со слабоскорченными на правом боку костяками, ориентированными на запад (X группа, по Кияшко).²⁷ В их инвентаре представлены булавки с сигаровидным стержнем, бляхи (Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974, табл. XIX, 1), «флейты Пана», просверленные раковины, бусы из зубов рыб, а также каменные плитки для растирания гетита (Мелентьев, 1965, с. 54—57).

Следует отметить, что многие из перечисленных типов инвентаря в предкатакомбной группе Прикубанья имеют как бы транзитный характер, т. е. появляются в конце предшествующего позднемного и исчезают в начале последующего раннекатакомбного периода.

В отличие от хронологического культурное содержание предкатакомбной группы определить значительно сложнее. Появление погребений типа 4 вряд ли можно объяснить простым видоизменением, тем более деградацией ямного погребального обряда, прежде всего потому, что там, где эти процессы зафиксированы (например, Нижнее Поднепровье — Марина, 1982а, б), отмечается неустойчивость основных обрядовых черт (поза, ориентировка), а в Прикубанье, напротив, обряд имеет достаточно стандартизированный высокоустойчивый вид (правый бок, слабая скорченность, западная ориентировка). Показательно также определенное сходство в обряде между раннекатакомбными и предкатакомбными погребениями (поза, степень скорченности). Относительно происхождения в предкатакомбной группе вытянутых на спине погребенных (3-2 тип) можно выдвинуть три, сейчас почти одинаково вероятных предположения: 1) они могли появиться в группе независимо, как альтернатива основному обряду, 2) могли быть унаследованы от предшествующей эпохи (тип 3-1) или 3) появиться под влиянием соседней северокавказской культуры. В пользу последнего, возможно, говорят зауженные трапециевидной формы ямы и особенности в расположении охры вдоль правого бока погребенных (Нечитайло, 1978, с. 35—52). Это тем более вероятно на фоне широкого проявления влияния северокавказской культуры (украшения).

Суммируя сказанное, можно заключить, что предкатакомбная группа в Прикубанье представляет достаточно обособленное самостоятельное культурное явление, одновременно тесно связанное с предшествующими и последующими культурными группами. Но связь эта различна. С позднемными погребениями предкатакомбники сближаются по форме могильных

²⁷ Не исключено более раннее появление этих погребений на нижнем Дону относительно Прикубанья.

сооружений, обычно совершать тризну (фрагменты грубозаглаженной посуды) и помещать иногда на заплечиках деревянную повозку.²⁸ Сходство с ранними катакомбниками касается прежде всего позы погребенных, обычая сопровождать погребения бараньими черепами на ножках и наборами украшений-амулетов (особенно в детских погребениях) — булавки, просверленные раковины, челюсти хищников, астрагалы, костяные бусы. В результате, учитывая возможный антропологический аспект,²⁹ можно допустить, что появление погребений предкатакомбной группы в степном Прикубанье означает не только начало формирования новой культурной (катакомбной) традиции, но и частичную смену предшествующего населения, в которое кроме поздних ямников входили и так называемые новотитаровцы — представители особой культурной группы, развивавшейся параллельно ямной культуре в крайних западных и южных областях региона.

Новотитаровская культурная группа. Эту группу, прошедшую в своем развитии два этапа, представляют погребения 1-го и 2-го вариантов типа 2 (рис. 2) и сопровождающий их инвентарь (рис. 15).

К первой, стратиграфически ранней, группе (рис. 3) относятся могилы с лежащими скорченно на правом или левом боку погребенными, ориентированными головой в восточный сектор (учтено около 40 погребений). Отклонения в ориентировке к северу преобладают над южными (20 %). Руки погребенных почти всегда располагаются так, что одна из них прямо протянута к бедрам, а другая — согнута в локте. Соответственно один из плечевых суставов находится рядом или под черепом, а другой смещен вниз и в сторону (рис. 2). В двух случаях руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Степень скорченности — сильная и средняя. Наиболее характерным является угол в тазобедренных суставах около 45°, а в коленных — около 40°. Встречается большая (45° и 10°) и меньшая (80° и 50°) степень скорченности (рис. 14). Количество погребенных на правом и левом боку примерно одинаково, что, возможно, отражает пол погребенных.³⁰ У шестой части погребений отмечены обильные подсыпки древесных углей на дне ям и особенно в области таза, живота погребенных. Значительно чаще в погребениях отмечена обожженная подстилка. В отдельных случаях обожжено и перекрытие могильной ямы. Алая охра располагается, как правило, у черепа, стоп и перед грудью, реже у таза. Как исключение на дне ям встречаются меловые подсыпки.

Могильные ямы прямоугольной формы устойчивых пропорций. Их стенки часто наклонены внутрь. В единичных погребениях зафиксированы ямки от деревянных кольев по углам.

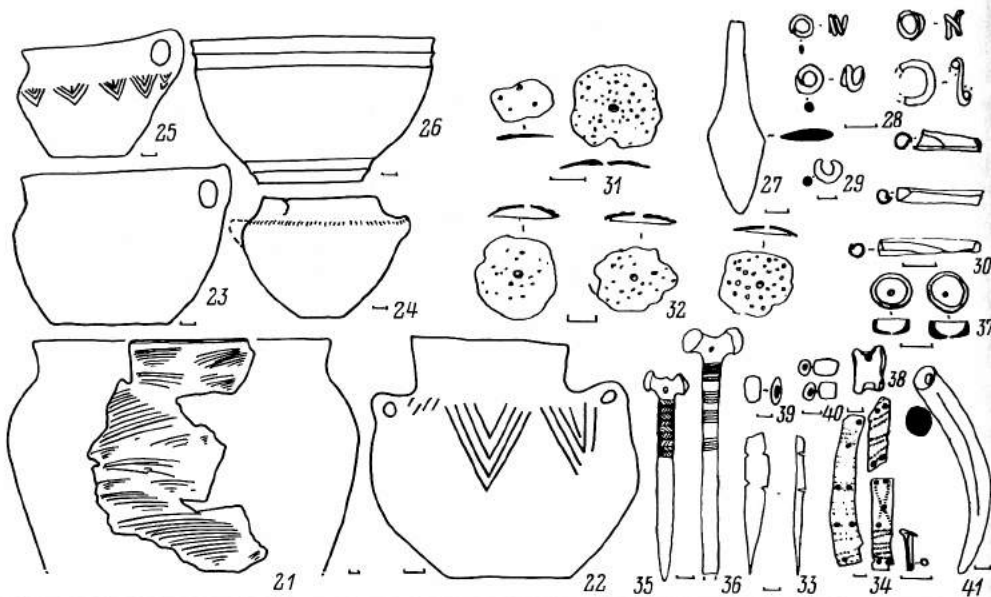
Площадки вокруг могильных ям сооружены почти у всех погребений. Их размеры колеблются, но наиболее обширные (приблизительно 7×8 м) связаны с основными погребениями или погребениями с досыпками (около половины от

²⁸ С погребениями типа 4 связано 10 повозок, с погребениями типа 3.2 — 4.

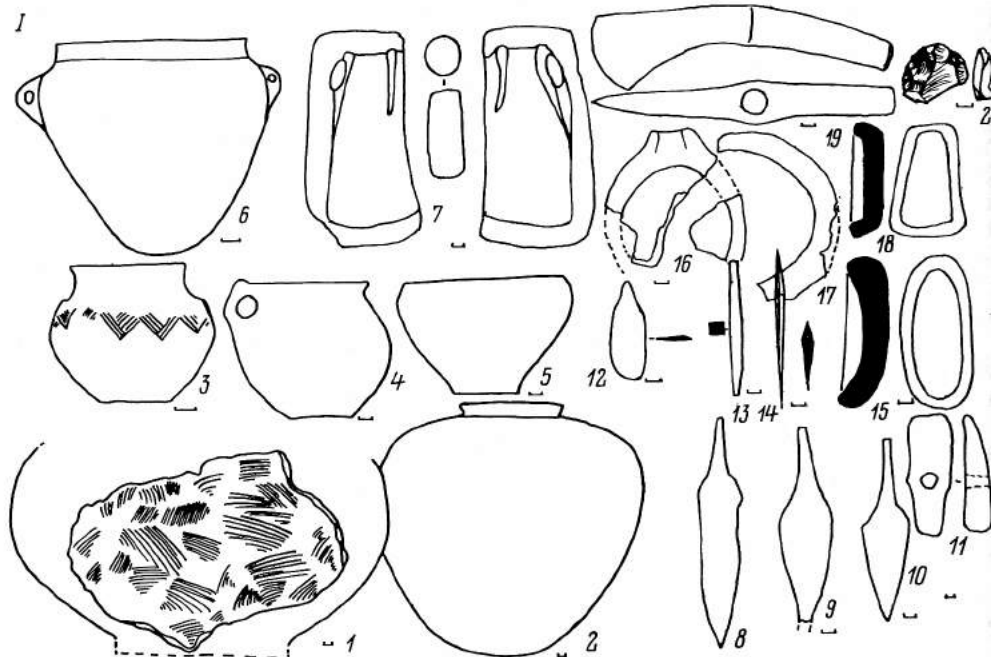
²⁹ Отметим общую устойчивую грациальность предкатакомбных и раннекатакомбных костяков в отличие от массивных позднейших

³⁰ Не располагая антропологическими заключениями, укажем на повторяемость: когда в погребении ребенок и взрослый, то последний лежит на левом боку, лицом к ребенку. Если в таких ситуациях взрослые костяки с детьми считать женскими, то скорченные на правом боку можно рассматривать как мужские. Однако пока это только предположение.

II

I

общего количества). У четверти могил (10) обнаружены остатки разобранных повозок. На площадках 5 погребений найдены череп и кости ног барана.

На первом этапе погребения типа 2-1 достаточно строго локализуются в пределах Западного Прикубанья (Юго-Восточное Приазовье) (рис. 8). Насыщенность инвентарем низкая, и самый крупный комплекс происходит из погребения «литейщика» (95, 3/10; Гей, 1986, с. 13—32). В него кроме двустворчатой глиняной литейной формы топора входят глиняные и каменные формы для отливок овальных и трапециевидных заготовок, наковальня (?), кабаньих клык и змеевиковый топор-молот вытянутых пропорций. Общая длина топора 22 см, наибольшая ширина в плане 3,5 см (рис. 15, 7, 15—19).

Из других погребений этого варианта происходят бронзовые ножи: с вытянутым треугольным лезвием и покатыми плечиками, широким треугольным черенком и листовидным лезвием, асимметричными плечиками и узким черенком (84, 26/12; 85, 6/1); бритва с коротким закругленным на конце лезвием и треугольным черенком (95, 8/15), четырехгранное долото (?) или пробойник (85, 6/1), кремневый скребок (94, 14/1), каменный топор-молот с поперечно расположенным лезвием и, возможно, каменные терочники (94, 9/6, 18/2). Немногочисленная керамика представлена небольшим лощеным сосудом (84, 26/10) с ручкой (черпак?) (рис. 15, 4), маленьким круглодонным сосудом с прямой короткой шейкой и двумя ручками на плечиках (95, 7/7), орнаментированным прочерченными треугольниками сосудом с уступом на плечиках (84, 26/10), а также происходящими из тризны крупными сосудами с шаровидным туловом, круглым дном и короткой вертикальной шейкой (85, 3/16; рис. 15, 2) и с округлым туловом и выделенным плоским дном (верхняя часть не сохранилась) (95, 2/116; рис. 15, 1). Поверхность обоих сосудов покрыта расчесами.

На втором этапе развития новотитаровской группы погребения 1-го варианта типа 2 сменяются погребениями 2-го варианта (рис. 3). Это могилы с погребенными, ориентированными в западный сектор (учтено 66 погребений). Южные отклонения (запад-юго-запад—юго-запад—юг-юго-запад — 40 %) преобладают над северными (25 %). Погребенные лежат в такой же позе, как и в погребениях 1-го варианта (рис. 2). Так же редко встречаются погребенные с согнутыми руками, кисти перед лицом. Следует отметить, что среди учтенных материалов погребенных на левом боку в 10 раз меньше, чем на правом. В коллективных погребениях (взрослый + взрослый) костяки кладутся головами в противоположные стороны, но могут лежать на одном или противоположных боках. Охра локализуется у стоп, черепа и перед грудью—животом погребенных. Нередко полосы алой охры нанесены по периметру могильной ямы на перекрытии или площадке. Подсыпки древесных углей обильны и чаще всего располагаются в области ног—таза—живота. Поскольку в погребения поме-

Рис 15 Новотитаровская культурная группа.

1 Лебеди 1, 2/116, 2, 3 -- Крупская, 3/16, 4 Чапаевский, 26/10, 5 - Чапаевский, 26/8, 6 Лебеди 1, 7/7, 7, 15—20 Лебеди 1, 3/10, 8, 13 -- Крупская, 14/9, 9, 14 Брюховещкая 1, 5/9, 10, 11 - Чапаевский, 26/12, 12 Лебеди 1, 8/15, 21 Пролетарская, 2/1, 22 Калининская, 16/3, 23 Калининская, 21/10, 24, 28 - Брюховещкая II, 6/15, 25 - Новониколаевская, 7/4, 26 Лебеди 1, 2/112, 27 Батуринская 1, 15/5, 29 Калининская, 38/9, 30, 31 Первомайская, 4/3, 32, 38 -- Роговская, 3/9, 33 Лебеди 1, 2/100, 34 Брюховещкая 1, 5/4, 35 Лебеди 1, 3/7, 36 - Калининская, 16/3, 37 Брюховещкая II, 6/15, 38 Лебеди 1, 2/112, 39 Чапаевская, 26/14, 40 - Калининская, 48/9, 41 Верхний, 17/11
I первая хронологическая группа, II вторая хронологическая группа

щали горячие угли, костяки нередко сильно обгорали и даже сгорали, прежде всего детские. Уголь в виде подсыпок встречен более чем в 50 % погребений, в остальных случаях зафиксированы либо черная подстилка, либо незначительное количество углей на дне ямы.

Меловые подсыпки на дне ям отмечены менее чем у десятой части погребений. В отличие от первого варианта мел, уголь и алая охра могут встречаться в одной могиле.

Бараньи черепа вместе с костями ног сопровождают треть погребений, часть из них найдена непосредственно в ямах, остальные — на площадках и в тризнах.

Форма и размеры могильных ям такие же, как у погребений 1-го варианта, но отверстия от кольев встречаются чаще — приблизительно в каждой пятой яме. В отдельных случаях отверстия от кольев диаметром 10 см располагались на площадках вокруг ям. Эти детали можно рассматривать как остатки надмогильных сооружений. Наиболее крупные площадки (приблизительно 7×6 м) связаны с одновременным сооружением насыпи или досыпки. Почти каждое седьмое погребение этого варианта сопровождается разобранной или целой повозкой (иногда двумя, причем одна может быть разобранной, другая в собранном виде). Так же часто встречаются остатки тризн (пережженные кости животных, кострища, битая крупная посуда).

Вторая хронологическая группа новотитаровских погребений, сохраняя преимущественно западную локализацию в Прикубанье, отчетливо фиксируется в Закубанье (рис. 10).³¹ Насыщенность погребений инвентарем почти не изменяется (рис. 15). В керамике наряду с чернолощеными банками (95, 2/112; 110, 1/14) и небольшими сосудами с одной ручкой, орнаментированными иногда прочерченными треугольниками (94, 21/10; 104, 37/17), появляются приземистые, с уплощенным дном сосуды (79, 7/3; 110, 6/15) с двумя вертикальными ушками (рис. 15, 24) и украшенная прочерченными треугольниками амфора (94, 16/3). Из тризн происходят фрагменты крупных толстостенных сосудов с покрытой расчесами поверхностью (80, 1/10; 94, 12/9; 119, 2/1) и фрагменты чернолощеного сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами зашипов (110, 1/4). Костяные и роговые украшения состоят из молоточковидных булавок с цилиндрическим стержнем, отделанным горизонтальными поясами, заполненными наклонными линиями, уплощенных бус (84, 26/14; 94, 38/9), бус из зубов ископаемых рыб (110, 6/15; рис. 15, 39), орнаментированных пластин-накладок (83, 5, 4; 87, 4/3; рис. 15, 34) и просверленных альчиков и клыков (80, 17/11; 95, 2/112). Изделия из бронзы представлены сработанными ножами (93, 15/5) с покатыми плечиками (рис. 15, 27), свернутыми из листа пронизьями (87, 4/3), парными орнаментированными пуансоном бляхами (73, 3/9; 87, 4/3; 4; 110, 6/15), большими и маленькими серебряными кольцами в полтора оборота (рис. 15, 28—32). Кроме перечисленных типов в погребениях 2-го варианта обнаружены костяные колки (80, 4, 4/1; 94, 34, 4; 95, 2/100; рис. 15, 33), кремневый наконечник стрелы с полукруглой выемкой в основании (80, 1/6) и каменный терочник (? , 87, 4/3).

³¹ Новотитаровские погребения проникают в Закубанье, видимо, в конце 1-го этапа развития и сохраняют восточную ориентацию на протяжении всего 2-го этапа до их смены ранними северокавказскими погребениями (раскопки последних лет А. Н. Гея, А. М. Лескова)

Нижняя хронологическая граница новотитаровских погребений 1-го этапа определяется пока исключительно по аналогиям майкопским типам инвентаря. К ним в различной степени относятся шаровидный сосуд (рис. 15, 2), бритва (рис. 15, 12) и, может быть, литейная форма топора (рис. 15, 7), долото (рис. 15, 13). Ближайшие по форме аналогии сосуду происходят из новосвободненских памятников (Николаева, 1981, с. 59—60; Мунчаев, 1975, с. 265, рис. 58, 6; с. 297, рис. 68, 4), а подобная бритва обнаружена вместе с майкопским сосудом в Калмыкии (Синицын, 1978, часть 2, табл. 30, 3, 31, 1). Близок к ним и бритвообразный нож из ст-цы Костромской (Мунчаев, 1975, с. 259, рис. 57, 5). Форма топора по основным пропорциям сопоставима с новосвободненскими изделиями (Мунчаев, 1975, с. 250, рис. 53), но отличается горизонтальными утолщениями на обушной части, что, видимо, указывает на более поздний, чем новосвободненский, возраст топора и комплекса в целом.

Верхняя хронологическая граница 1-го этапа новотитаровской группы и нижняя 2-го увязаны стратиграфически (рис. 3). В свою очередь также благодаря стратиграфии зафиксировано сосуществование поздних новотитаровских погребений (тип 2-2) с позднейшими погребениями типов 1-2, 3-1, что подтверждается распространением в обеих группах однотипных роговых молоточковидных булавок (рис. 15, 36, 37). В результате вполне правомерно распространить на новотитаровские погребения 2-го этапа систему синхронизаций, соответствующую 1-му этапу III общеянного периода. Это тем более вероятно, если учесть, что исчезновение позднейших и поздненовотитаровских погребений одинаково связано с появлением новой культурно-хронологической группы, определенной как предкатакомбная (погребения типов 4, 3-2).³²

В том, что новотитаровская группа действительно самостоятельное исторически реальное культурное явление, убеждает не только ярко выраженная специфика ее погребального обряда, но и достаточно строгая локализация по отношению к синхронным группам ямной культуры (рис. 10).³³

Не вызывает сомнений существование между синхронными ямными и новотитаровскими группами связей, особенно усилившихся на позднем этапе. На это указывает появление в их инвентаре однотипных сосудов (рис. 9, 3, 27; 15, 4, 26) и сближение по ряду черт обряда (например, использование огня в обряде).

Несмотря на различные предположения и даже развернутые концепции, культурные корни новотитаровской группы остаются пока не выясненными.³⁴

³² Необходимо подчеркнуть, что в области распространения погребений новотитаровского типа в последующее предкатакомбное и раннекатакомбное время часть погребений демонстрирует определенную преемственность в обряде, отчетливей всего отразившуюся в новотитаровской позе погребенных, на что указал А. Н. Гей. В Закубанье новотитаровскую группу погребений сменяют погребения северокавказской культуры.

³³ Устойчивое территориальное размежевание между ямниками и новотитаровцами, вероятно, произошло не сразу, а некоторое время спустя после появления последних в Прикубанье. На это как будто указывает присутствие незначительного количества раннеямных погребений в крайних западных областях и единичные случаи их перекрывания ранними новотитаровскими погребениями (рис. 3).

³⁴ Концепция кубано-днепровской культуры, в которую А. А. Николаева и В. А. Сафронов (1983) включают погребения новотитаровского типа, столь громоздка и противоречива, что ее анализ требует невозможных здесь отступлений.

В построениях А. Н. Гей (1985) конкретно вызывает возражение реконструируемой им культурно-хронологический пласт, в который помещаются ранненовотитаровские погребения. Перечисленные им культурные группы (бедени-алазанская, утамышские курганы и т. д.) в целом являются более поздними.

Избегая категоричности в решении этого вопроса, отметим некоторое сходство между ранними новотитаровскими погребениями, и в частности погребениями, обнаруженными у ст-цы Мекенской в Чечено-Ингушетии (курган 4, погр. 16; курган 6, погр. 9 — Крупнов, Мерперт, 1963, с. 9—48).

Обе группы сближают аналогичные позы и ориентировка погребенных, обычай сожигать угольные подсыпки, а также чернолощенная керамика в виде кружек.³⁵ По мнению Р. М. Мунчаева (1975, с. 285), подобные сосуды являются типично куро-аракскими.

Нельзя не признать также определенного сходства между поздними орнаментированными новотитаровскими черпаками и некоторыми типами керамики дольменной культуры (Николаева, 1981, с. 60; Марковин, 1978, с. 244, рис. 123, б). Все эти наблюдения делают южное направление перспективным для поиска культурных истоков новотитаровских памятников, но конкретно вопрос, к сожалению, не решают. Уместно отметить, что появление новотитаровских погребений в Прикубанье совпадает по времени с появлением на нижнем Дону аналогичной по ряду признаков культурной группы (VI, по Кияшко — Нижнее Подонье..., с. 114—116, табл. XXXIII, с. 161), происхождение которой В. Я. Кияшко также связывает с южным, кавказским влиянием.

Не менее показательна и культурная трансформация этой группы в условиях «ямного» окружения (группа IX, вариант 1, по Кияшко). Таким образом, синхронность и аналогичность протекающих на смежных территориях культурных процессов позволяют считать возникновение новотитаровской культурной группы явлением, выходящим за пределы степного Прикубанья.

Для того чтобы перейти к анализу катакомбных древностей, необходимо дать краткую характеристику небольшой группе погребений северокавказской культуры. Это особенно важно в связи с тем, что она во многом определила облик и направление развития предкатакомбной и катакомбной культурных групп.

Северокавказская культура. Памятники этой культуры в Прикубанье представлены несколькими вариантами погребений типа 9 (рис. 2). Их общей чертой является вытянутое на спине положение погребенных, ориентированных чаще всего в восточный и реже в западный, южный и северный секторы. Общее число рассматриваемых погребений едва достигает 30, и практически все они расположены в Юго-Восточном Закубанье (рис. 16—18).

Варианты погребений выделены условно, согласно их ориентации. Инвентарь по вариантам распределен следующим образом.

В погребениях, ориентированных в восточный сектор (1-й вариант), обнаружены баночный сосуд, орнаментированный отпечатками шнура, невыразительный неорнаментированный горшочек (21, 1/1; 2) и миниатюрный сосудик в виде баночки (47, 5/4) со стяннутым краем (рис. 19, 11). Другие керамические предметы представлены моделью повозки (возок) и комплексом из 5 антропоморфных статуэток акролитического типа (рис. 19, 10, 23). Металлический инвентарь состоит из листовидных ножей с крутыми округлыми плечиками, молоточковидной (42, 8/2, 1) и посошковидной (45, 1/1; 47, 5/1) булавок, кольцевидных и дисковидных медальонов различных размеров, крупных

³⁵ Сопоставление хронологически правомерно, так как погребения у ст-цы Мекенской датируются Р. М. Мунчаевым (1975, с. 285) новосвободненским временем

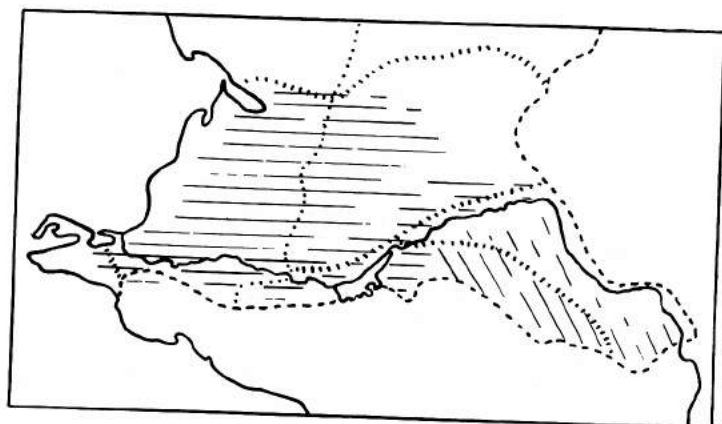

Рис. 16 Степное Прикубанье в эпоху ранней бронзы (4-й этап)
 а, б, в - границы физико-географических зон, г - предкатакомбная культурная группа, д - северокавказская культура, ранняя группа

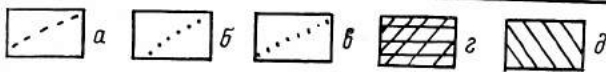
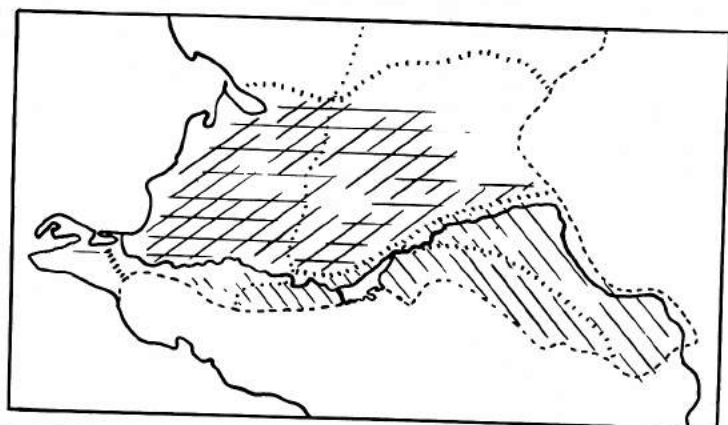

Рис. 17 Степное Прикубанье в эпоху средней бронзы (5-й этап)
 а, б, в - границы физико-географических зон, г - раннекатакомбные памятники, д - северокавказская культура

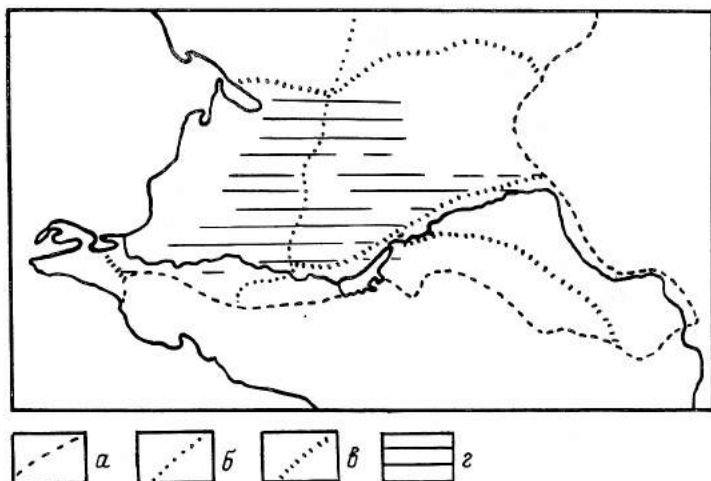

Рис. 18 Степное Прикубанье в эпоху средней бронзы (6-й этап).
а, б, в — границы физико-географических зон, г — катакомбные памятники

серебряных острореберных бус, бронзового бисера, шнуровых подвесок, крупных свернутых из листа пронизей (рис. 19, 3, 12—15). Отметим также чашевидные бусы из зубов ископаемой рыбы, каменный оселок с отверстием и антропоморфные статуэтки (рис. 19, 4, 18, 20).

Учено два погребения 2-го варианта (северный сектор; 47, 5/4; 32, 15/2). В первом обнаружены так называемая модель повозки в виде крытой кибитки, каменный оселок с отверстием, заготовка каменного топора, пара выпрямителей древков стрел и треугольные с прямым основанием кремневые наконечники стрел (рис. 19, 8, 17, 19). В погребении у ст-цы Тбилисской выявлена только часть четырехлепестковой ножки курильницы.

С погребениями, ориентированными на запад (3-й вариант), связаны курильницы на четырехлепестковой ножке (в одном случае с отверстием), сосуд, близкий к реповидному, и низкая кружка (26, А-2, 34, 1/1; рис. 19, 24). В погребениях, ориентированных на юг (4-й вариант), найдены орнаментированная курильница с отделением на своеобразной ножке из пяти соединенных вместе цилиндров и сосуд с четырьмя ушками, орнаментированный на плечиках прочерченными вершинами вверх треугольниками (34, 4, 3, 2/1). Отсутствие надежной типологии погребений вместе с неудовлетворительным качеством старых ³⁶ и почти полным отсутствием новых раскопок ³⁷ не позволяют, исходя из стратиграфических наблюдений, выделить группы разновременных погребений. В этой ситуации целесообразнее всего хронологически расчленить степную

³⁶ Подавляющее большинство погребений происходит из раскопок Н. И. Веселовского и его современников, поэтому охарактеризовать детали обряда, форму могильных ям и т. д. крайне трудно, а порой невозможно.

³⁷ В настоящее время археологические работы в Закубанье возобновлены (А. Н. Гей, А. М. Лесков, А. А. Нехаев).

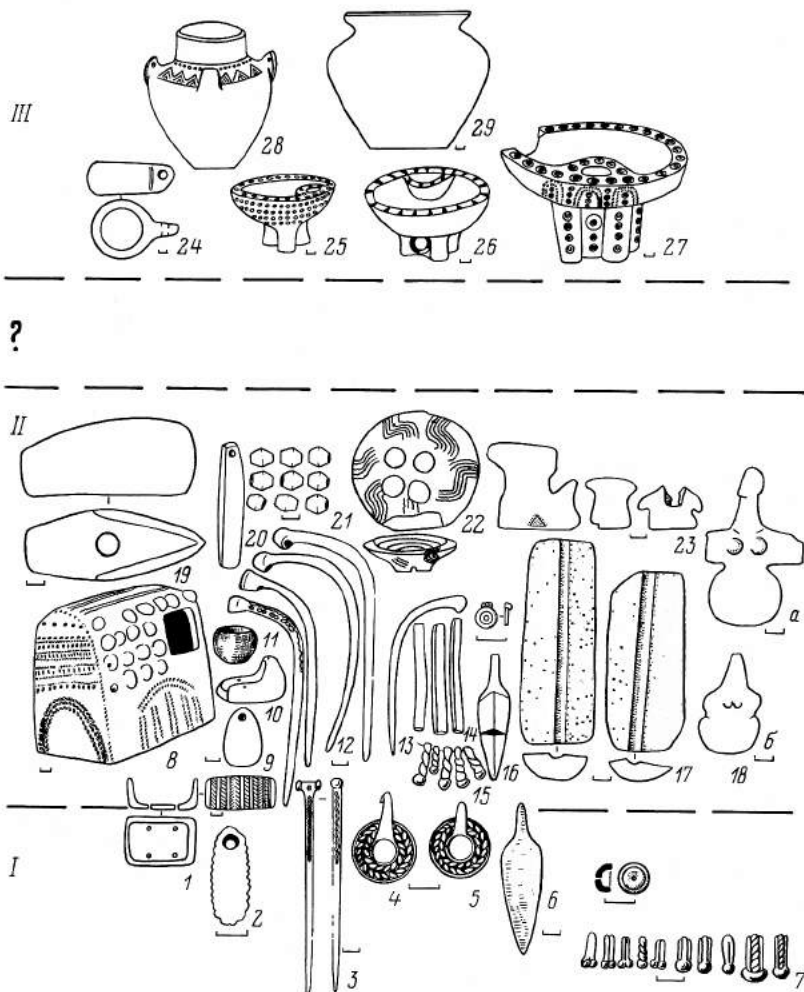

Рис 19 Северокавказская культура

I Уляп 1, 2 — Уляп, 1/6, 3—7 — Константиновская, 8/1, 8, 17, 19, 20 Уляп, 5/4, 9 Константиновская, 9/2, 10—12, 14, 18а, 6, 21, 23 Уляп, 5/1, 13 Вольное 1, 15, 16 Константиновская, 9/2, 22 — Хата жукай, 1/2, 24, 25, 29 Казанская, А/2, 26 Армавир, 1/1, 27 Армавир, 4/3, 28 Армавир, 2/1
I — первая хронологическая группа, II — вторая хронологическая группа, III — третья хронологическая группа

прикубанскую группу, исходя из ближайших аналогий в общей периодизации северокавказской культуры.

К сожалению, такая периодизация по-прежнему остается дискуссионной проблемой, в которой центральным вопросом является выделение наиболее ранних комплексов.

Как правило, к таким комплексам относят те, которые содержат типы, близкие, по мнению авторов, к майкопским, полагая, что одна культура непосредственно сменяет другую. Как ранние рассматривались, в частности, погребения с посошковидными булавками (Марковин, 1960), но ни их типологическая близость с новосвободненскими, ни хронологический приоритет перед другими типами северокавказских украшений не подтвердились (Пиотровский, 1982; Сафронов, 1974). Не менее противоречивая реконструкция смены майкопской культуры северокавказской³⁸ предложена В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой (Сафронов, 1979; Николаева, Сафронов, 1980; Николаева, 1981). Прежде всего трудно согласиться с тем, что открытые ими северокавказские погребения содержат инвентарь майкопского (новосвободненского) типа. В частности, существенно отличается от новосвободненских по форме секировидного лезвия, изогнутости со стороны брюшка, скошенности обуха бронзовый топор из Дзаурикау (1/19 – Николаева, Сафронов, 1980, с. 24, рис. 3, 3), сопоставимый скорее с формой топора на литевой форме, найденной в северокавказском погребении близ Пятигорска (Нечитайло, Рунич, 1985, с. 74, рис. 4). Также вызывают возражения место и роль, которые В. А. Сафронов и Н. А. Николаева отводят куро-аракской культуре на Северном Кавказе.

Представляется, что последняя, сосуществуя определенный период с майкопской культурой (Мунчаев, 1961; Мунчаев, Сариниди, 1964), сменяет ее и к сачхерскому времени, судя по металлу и керамике (Николаева, Сафронов, 1980, с. 26, рис. 4, 6), выступает в роли субстрата при формировании северокавказской культуры. Видимо, поэтому ранние северокавказские памятники лишены каких-либо существенных черт майкопского влияния. Другими словами, куро-аракская культура в центральных районах Северного Кавказа сыграла роль культурно-хронологического буфера между майкопскими и северокавказскими комплексами.

В целом первый ранний этап в развитии северокавказской культуры можно рассматривать поэтому как время усвоения закавказских образцов в металле (топоры, Т-образные и рожковидные булавки, ножи) и керамике (приблизительно I—III этапы, по Николаевой, 1981).³⁹

Ранние северокавказские погребения, преимущественно с восточной ориентацией, видимо, к концу этого периода распространяются через Ставрополье до Калмыкии (группа II, по Сафронову, 1974). Стратиграфически они следуют за позднеямными и предшествуют раннекатакомбным. Характерными для их инвентаря типами являются роговые молоточковидные булавки с сигаровидным стержнем и бронзовые — с цилиндрическим.

Следующий, второй этап развития северокавказской культуры во многом

³⁸ По терминологии Н. А. Николаевой, кубано-терской культуры.

³⁹ Совстречаемость однотипной керамики с I по III этапы включительно (см., например Николаева, Сафронов, 1980, с. 24, рис. 3, 4, с. 38, рис. 10, с. 24–26, рис. 4, 12), а также противоречивость суждений о сачхерском металле делают деление с I по III этап малоубедительными (см. Николаева, 1981, с. 83; Николаева, Сафронов, 1980, с. 80).

сопоставим с I этапом развития, по Нечитайло (1978), и IV этапом, по Николаевой (1981). Новым элементом в инвентаре являются роговые и бронзовые посошковидные булавки, которые в Калмыкии и Центральном Ставрополье уже сопровождают раннекатакомбные погребения, так как в этот или в конце предшествующего периода происходит частичное сокращение ареала северокавказской культуры в степи в связи с распространением нового обряда погребений в катакомбах.

Третий, финальный этап развития северокавказской культуры, видимо, соответствует II, по Нечитайло (1978, с. 98, рис. 39), и V этапу, по Николаевой (1981, с. 90). Его выделение частично подтверждено стратиграфически. В пределах этого этапа можно наметить два последовательных периода развития, причем, первый, возможно, будет предшествовать катакомбникам, появившимся в предгорьях позднее, чем в центральных и южных районах Ставрополья (Нечитайло, 1978, с. 98, рис. 39, 9).⁴⁰ В итоге развитие северокавказской культуры можно представить в виде последовательной смены трех основных этапов в предгорьях и центральных районах Северного Кавказа и двух — в степи.

Исходя из этой периодизации, комплексов, которые можно было бы отнести к самому началу культуры, среди материалов из Закубанья нет. По-видимому, наиболее ранний из них (42, 8/1; рис. 19, 3) относится к концу первого этапа северокавказской культуры и связан с ее распространением в степные районы. Как правило, в степной зоне погребения с аналогичными бронзовыми молоточковидными булавками отдельно или в сочетании с роговыми (Веселая Роща III, 4/7) всегда предшествуют погребениям с посошковидными булавками и ни разу вместе с ними не обнаружены.⁴¹ Чашевидные бусы также позднее как будто неизвестны и с посошковидными булавками не встречаются. Что касается крупных кольцевидных медальонов со шнуровым орнаментом (диаметром 2,5—4 см), то время их существования, видимо, ограничено и, появляясь в конце раннего (первого) этапа развития (Дзаурикау, 3/2 — Сафронов, Николаева, 1980, с. 38, рис. 10, 10), они исчезают в начале второго (Усть-Джегута, 39/5 — Нечитайло, 1979, рис. 36, 4).

Из погребений I-го варианта близким по времени к константиновскому является, вероятно, комплекс с прямоугольной моделью повозки⁴² и фигурной каменной подвеской (рис. 19, 1, 2), так как оба эти типа известны в сочетании с крупными кольцевидными медальонами со шнуровой орнаментацией и бронзовой молоточковидной булавкой (Константиновское плато, 2/2 — Ивашев, Ртвеладзе, Отчет. . ., 1965). Кроме этого, близкая по форме модель повозки была

⁴⁰ Утверждение А. Л. Нечитайло о сосуществовании поздних северокавказцев и катакомбников стратиграфически не подтверждается. Абсолютно нельзя согласиться с характеристикой третьего этапа развития северокавказской культуры, данной автором.

⁴¹ Из сказанного, конечно, нельзя заключить, что отмеченная закономерность абсолютно справедлива для всего ареала культуры и всех вариантов посошковидных булавок. Судя по обломкам оригинальной булавки (Константиновское плато, к. 2/7), сочетающей молоточковидные и посошковидные элементы, обнаруженным вместе с бронзовой молоточковидной булавкой (Ивашев, Ртвеладзе, Отчет. . ., 1965), необходимо допустить, что в некоторых областях либо молоточковидные булавки существуют и позднее, либо некоторые варианты посошковидных появляются раньше.

⁴² Отметим, что медальоны и модель повозки, аналогичные ульским, происходят из катакомбного погребения на нижнем Дону (Братченко, 1976, с. 72, рис. 19)

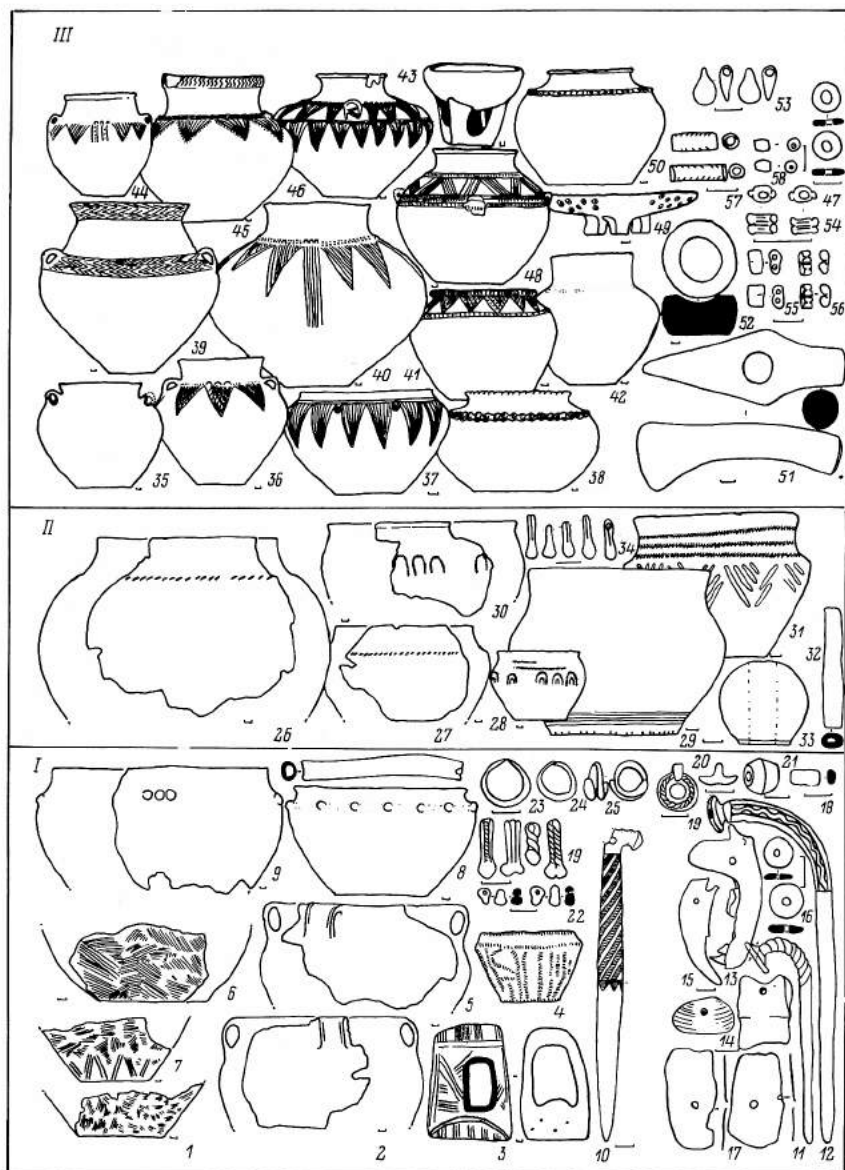

Рис 20 Катакомбная культурная общность.

1 Новокорсунская, 5/11, 2 — Брюховецкая II, 5/2, 3 Темижбек, 3/8, 4 Новокорсунская, 5/5, 5 Калининская, 43/7, 6 — Анапская, 6/6, 7 — Калининская, 42/17, 8 Брюховецкая I, 3/21, 9 Верхний, 2 4, 10, 25 — Брюховецкая, 1/6, 11 — Батуринская, 1/3, 12 — Анапская, 9/8, 13 — Анапская, 7/14, 14 Лебеди I, 6/16, 15 — Брюховецкая I, 1/6, 16, 17 Анапская I, 9/8, 18 Брюховецкая I, 1/12, 19 Батуринская II, 3/9, 20, 21 Раздольная, 2/7, 22 — Верхний, 19/8, 23 Брюховецкая I, 1/3, 24 Брюховецкая I, 3/7, 26 Новокорсунская, 1/7, 27 Батуринская I, 2/12, 28 Калининская, 55/4, 29 Брюховецкая I, 3/4, 30 — Брюховецкая II, 4/9, 31 Раздольная, 10, 32 Новониколаевская, 22/10, 33 Новокорсунская, 1/7, 34 — Брюховецкая, 5/5, 35 Анапская, 10/12, 36 Батуринская, 1/6.

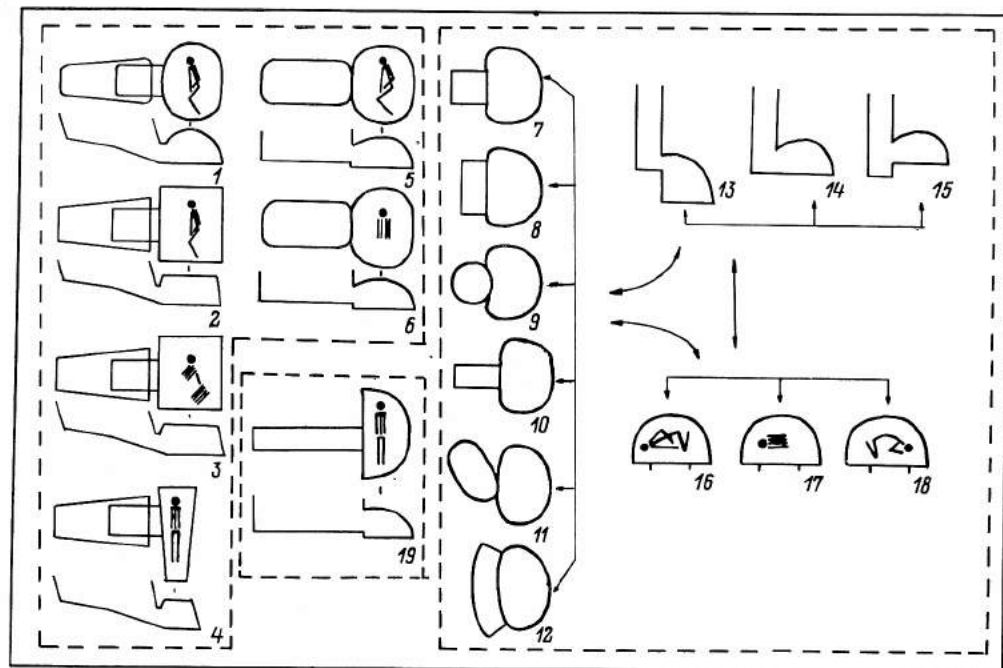

Рис 21. Типы погребений в катакомбах.

1 — тип 1, вариант 1, 2, 2 — тип 1, вариант 2, 3 — тип 1, вариант 3, 4 — тип 1, вариант 4, 5 — тип 2, вариант 1, 6 — тип 2, вариант 2, 7—18 — тип 3, 19 — тип 4, 7—12 — форма катакомб в плане, 13—15 — форма катакомб в разрезе, 16—18 — положение погребенных в камере

обнаружена в северокавказском погребении вместе с роговой молоточковидной булавкой (Чограй III, 13/9 — Кореняко, Отчет... , 1975). Следует отметить, что возможную дату константиновского комплекса нельзя произвольно распространять на все погребения 1-го варианта (восточный сектор) и прежде всего это касается известного Ульского погребения 1 (курган 5), которое, по-видимому, относится к началу следующего, второго этапа развития культуры. На это указывают не только посошковидные булавки, но и мелкие (около 1 см в диаметре) дисковидные бронзовые медальоны, орнаментированные рельефными концентрическими кругами (рис. 19, 12). Подобные медальоны, судя по материалам Суворовского и Усть-Джегутинского могильников (Нечитайло, 1978, с. 72, рис. 38; 1979, рис. 55, 13), в северокавказской культуре существует долго, но в ранних комплексах с молоточковидными булавками не зафиксированы.

37 — Пролетарская, 1/9, 38 — Анапская, 9/2, 39 — Пролетарская, 3/6, 40, 41 — Новокорсунская, 1/11, 42, 43 — Армавир, 6/2, 44 — Греки II, 1/32, 45 — Батуриная I, 2/13, 46, 47 — Батуриная I, 1/9, 48 — Анапская, 10/8, 49 — Анапская, 7/4, 50 — Анапская, 7/13, 51 — Калининская, 9/5, 53 — Темижбек, 1/1, 54 — Верхний, 10/1, 55 — Новокорсунская, 1/11, 56 — Анапская, 8/2, 57, 58 — Пролетарский, 1/7. I — первая хронологическая группа, II — вторая хронологическая группа, III — третья хронологическая группа

Определение хронологического положения погребений 2-го варианта (северный сектор) затруднено чрезмерной бедностью их инвентаря в нашей выборке. Погребение с моделью повозки-кибитки (47, 5/4) поддается только косвенному датированию через раннекатакомбное погребение, в котором кроме типологически близкой модельки были обнаружены обломки роговой посошковидной булавки, костяные пронизи, бронзовая бляха, шнуровые подвески-стерженьки и курильница (рис. 20, 3).⁴³

Обломок четырехлепестковой ножки от курильницы, найденный в другом погребении, позволяет определить его только как более позднее.

Инвентарь погребений 3-го варианта (западный сектор) выразительнее. Такие типы керамики, как реповидный сосуд, низкая кружка и курильница на высоких четырехлепестковых ножках с отверстием и без (рис. 20, 24—26, 29) находят многочисленные аналогии в наиболее поздних северокавказских памятниках (Нечитайло, 1978, с. 72—73, рис. 26, 2) и катакомбных предкавказских погребениях (Синицын, 1978, табл. 48, 6; табл. 88, 2; Нечитайло, 1978, с. 108—109, рис. 40, 3; Нечитайло, 1979, рис. 40, 3; 62, 1).

К этому же времени относятся и погребения 4-го варианта (южный сектор) на что указывают курильницы на высоком постаменте и амфоровидный сосуд с 4 ушками (рис. 19, 27, 28). Посуда последнего типа неоднократно найдена в поздних северокавказских погребениях Усть-Джегутинского могильника (Нечитайло, 1978, с. 72—73, рис. 26, 1; с. 75, рис. 28, 3, 4). Кроме того, она известна в катакомбных погребениях Северной Осетии (Сафронов, 1981, с. 69, рис. 2, 5). Отметим также, что пропорции, орнамент и форма ушек позволяют считать сосуд из Армавира (рис. 19, 28) даже более поздним относительно приведенных аналогий и сближать его с амфорой из позднейшего предкавказского катакомбного погребения Суворовского могильника (Нечитайло, 1979, рис. 17, 1).

В целом немногочисленные рассмотренные северокавказские погребения из степного Прикубанья, видимо, фрагментарно представляют основные этапы развития культуры.

Наиболее ранние из них появляются на левобережье Кубани в конце первого периода развития и сменяют, судя по новейшим данным,⁴⁴ поздние погребения новотитаровской культурной группы. Правобережье Кубани в этот период занимают предкатакомбные памятники. К началу второго этапа принадлежат погребения типа Ульский, 5/1. К этому же времени, вероятно, следует относить погребения с незафиксированной авторами раскопок ориентацией, из которых происходят бронзовые ножи (рис. 19, 6, 16) и курильница (рис. 19, 22). Последняя по низким, отдельно стоящим ножкам, орнаментации и паре сквозных отверстий в бортике, с одной стороны, близка к курильницам из ранних северокавказских погребений (Веселая Роща, раскопки М. А. Романовской) с другой — происходящим из раннекатакомбных погребений (рис. 20, 8).

Хронологически погребениям начала второго этапа на правобережье соответствует раннекатакомбная группа. Для северокавказских погребений первого — начала второго этапа в степи наиболее характерна восточная ориентация

⁴³ Судя по другому комплексу (79, 3/3), появление моделей-кибиток, возможно, относится к предыдущему периоду.

⁴⁴ Раскопки А. Н. Гея и А. М. Лескова в 1983, 1987 гг. в Закубанье

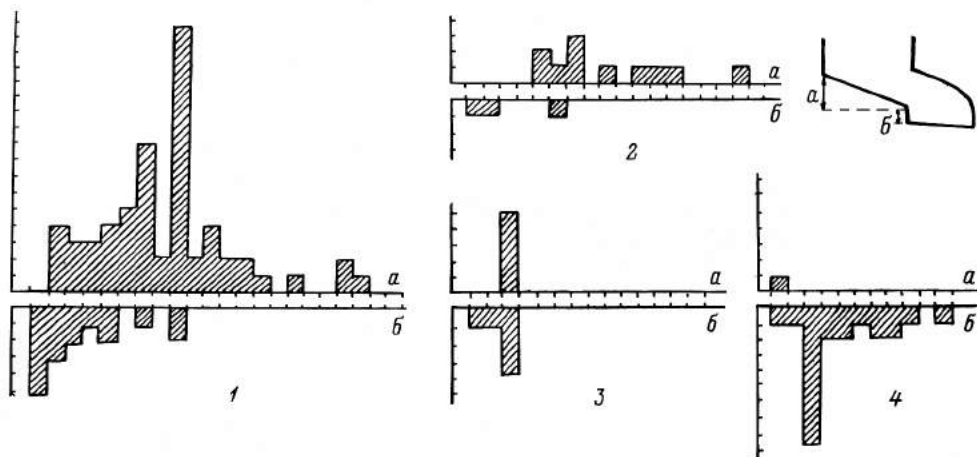

Рис 22. Наклон дна шахты и высота ступеньки в катакомбах степного Прикубанья, в см.

1 катакомбы типа 1-1, 2 катакомбы типа 1-2, 3 катакомбы типа 2, 4 — катакомбы типа 3, а наклон дна шахты, б высота ступеньки

Между погребениями начала первого этапа и самыми поздними погребениями 3-го, 4-го вариантов (26, 2/1; 34, 4/3) в материалах прикубанской выборки существует большая, пока ничем не представленная лакуна.

Конец северокавказской культуры в рассматриваемом районе, по-видимому, связан с распространением в Закубанье позднекатакомбных памятников предкавказской культуры.

Территориально прикубанские памятники представляют северо-западную окраину северокавказской культурной области. Учитывая, что современные представления о ее локальных вариантах пока не выработаны, а привлеченные материалы скудны, определить локальную специфику прикубанских погребений сейчас затруднительно.

Катакомбная культурно-историческая общность. Памятники катакомбной культурно-исторической общности в степном Прикубанье представлены погребениями четырех типов (рис. 21). Согласно стратиграфическим данным, наиболее раннюю группу составляют погребения типа 1, которые предшествуют всем остальным типам и следуют непосредственно за погребениями, выделенными в группу предкатакомбных (рис. 3).

Для погребений типа 1 (учтено 83 погребения) характерны катакомбы с прямоугольной или трапециевидной в плане шахтой, соединенной наклонным коридором (спуском) с прямоугольной, трапециевидной или овальной формы камерой. Камеры прямоугольной или трапециевидной формы имеют плоский потолок. Наклонный спуск в камеру всегда уже шахты, поэтому вдоль ее длинных стен остаются горизонтальные уступы-ступеньки. Типичный перепад глубин между дном шахты и камеры составляет 40—50 см, но может достигать 1—1,5 м (рис. 22). Протяженность участка коридора от камеры до шахты колеблется от 20 до 80 см. Твердо сказать, чем в большинстве случаев закрывался вход, нельзя. Только в нескольких катакомбах зафиксирован заслон из вертикальных

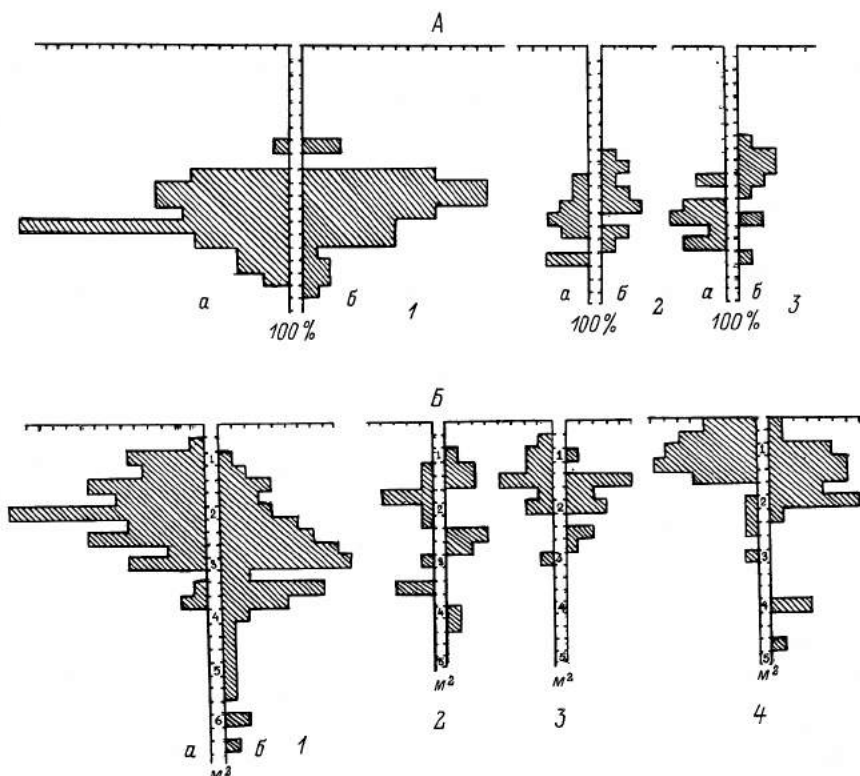

Рис. 23. Катакомбы степного Прикубанья

А — пропорции (%) 1 — катакомбы типа 1-1, 2 — катакомбы типа 1-2, 3 — катакомбы типа 2, а — камеры, б — шахты Б — площадь (м²): 1 — катакомбы типа 1-1, 2 — катакомбы типа 1-2, 3 — катакомбы типа 2, 4 — катакомбы типа 3, а — шахты, б — камеры

деревянных плашек или каменных плит. Пропорции шахт и камер более устойчивы, чем их размеры (рис. 23). Чаще всего ширина шахты относится к ее длине, приблизительно как 1 : 1,3. Характерной чертой являются наклонные внутрь длинные боковые стенки шахт и в сторону, противоположную камере, — короткие торцовые.

В зависимости от особенностей форм катакомбы и положения погребенных внутри типа 1 выделено 4 варианта.

К 1-му варианту отнесены многочисленные катакомбы с овальными камерами (тип 1-1) (учтено 14 погребений). Погребенные лежат слабо скорченно на правом боку, лицом к входу в камеру, руки протянуты к коленям или бедрам или крайне редко вытянуты вдоль туловища. В этих случаях костяк развернут на спину; одновременно отмечена большая степень скорченности. Скорченность в тазобедренных суставах около 100°, в коленных — 90—100°. Все катакомбы ориентированы камерой к центру кургана и, как правило, впущены в восток-северо-восточный—южный сектор.

2-й вариант типа 1 представляют наиболее многочисленные катакомбы с прямоугольными или трапециевидными камерами (учтено 62 погребения), в которых погребенные лежат скорченно на правом боку, руки вытянуты к коленям, лицом к входу в камеру. Положение спиной к входу встречается редко. Скорченность слабая — около 100° в тазобедренных суставах и $80-100^\circ$ в коленных (рис. 14).

Кроме того, есть небольшая группа погребенных (11), у которых наряду с показателями скорченности отличается от основной массы и положение рук — одна вытянута, другая согнута в локте (рис. 14).⁴⁵ Почти все катакомбы ориентированы камерой к центру кургана и впускны преимущественно в северо-восточный и юго-западный секторы. Седьмая часть катакомб связана с сооружением досыпок. Размеры таких погребений значительно превосходят средние (рис. 22). По размеру, пропорциональному росту погребенного, выделяются детские катакомбы.

3-й вариант погребений представлен расчлененными костяками, помещенными в катакомбы с прямоугольными камерами (учтено 4 погребения). Расчленение произведено только в коленных и локтевых суставах, а костяку придано положение на правом боку.

Погребения 4-го варианта также малочисленны (4 погребения), но достаточно своеобразны.

Их главная особенность — вытянутое на спине положение погребенных. Такая поза костяков отражена в форме и пропорциях камер — они длиннее и уже, чем в других вариантах. Их форма может быть трапециевидной с закругленными углами, причем камера всегда сужается в ногах погребенного.

Другой особенностью погребений этого варианта является характер соединения шахты и камеры, последняя располагается асимметрично относительно длинной оси шахты и примыкает к ней наиболее широкой частью (рис. 21).

Расположение охры, углей, мела и костей животных в погребениях 1—4-го вариантов в целом одинаково и имеет следующий характер. Сплошная обильная подсыпка охрой сопровождает только детские погребения. У взрослых костяков подсыпка чаще всего располагается у черепа, рук, стоп или колен, у таза. Череп или стопы могут быть и единственно окрашенным местом костяка. Возможно сочетание окрашенных рук и стоп или рук и черепа.

Помимо охры в ряде погребений отмечена окрашенность костяков гетитом, а в отдельных катакомбах обнаружены его стертые куски вместе с каменными плитками.

Угли в жаровнях или в виде подсыпок сопровождают только половину погребений. Непосредственно у костяков (у черепа, стоп или перед грудью) уголь располагается только в 40 % случаев. В остальных 60 % он помещен в камере в правом, ближнем к входу углу (35 %), либо в шахте (около 65 %), причем в камерах угли всегда в жаровнях, а в шахтах — только в каждом втором случае. Нередко угли встречаются в шахте и камере одновременно.

Мел отмечен у пятой части погребений. Как правило, это сплошная подсыпка по дну камер.

⁴⁵ Оба показателя ближе всего к особенностям позы костяков из новотитаровских погребений (тип 2, рис. 2)

Кости животных в виде черепов и костей ног барана сопровождают 60 % погребений.⁴⁶ В одиночных взрослых погребениях они располагаются в шахте (около 80 % случаев) или в левом, ближнем к входу углу камеры (около 20 %); в детских или подростковых катакомбах помещены в камеру, как правило, у стоп или реже у черепа погребенного.

Инвентарь, сопровождающий погребения типа 1, немногочислен. Из катакомб 1-го варианта, обнаруженных в центральных и западных районах Прикубанья, происходят только украшения. В одном случае это роговая орнаментированная посошковидная булавка (118, 9/9; рис. 20, 16), в другом — вместе с бронзовой посошковидной булавкой с перекрученным стержнем и гвоздевидной головкой обнаружен набор из длинных тонких костяных пронизей (14 экз.), просверленных раковин и тонкого серебряного кольца в один оборот (93, 1/3). По-видимому, из катакомбных погребений этого же варианта на западе области происходит комплекс украшений (99, 3/9) в виде небольшого кольцевидного медальона со шнуровой орнаментацией и шнуровых подвесок-стерженьков (рис. 20, 31), а на востоке — комплекс из обломков роговой посошковидной булавки, костяных пронизей, просверленных раковин, бронзовой четырехугольной бляхи, шнуровых подвесок-стерженьков, а также курительницы, без внутреннего отделения на четырех отдельных коротких ножках, украшенной отпечатками шнура, и так называемой модели повозки-кибитки (рис. 20, 3).

Наиболее многочисленная группа погребений 2—4-го вариантов типа 1 также не отличается обилием инвентаря. Керамика в подавляющем большинстве представлена жаровнями из фрагментов чернолощеной посуды, иногда с примесью раковины в тесте, либо фрагментами грубых толстостенных сосудов серого, коричневого цветов с покрытой расчесами поверхностью. Из восстановленных форм чернолощеной керамики отметим амфору (94, 43/7; 110, 6/11) с ленточными ручками у венчика (рис. 20, 25). Из наиболее выразительных фрагментов укажем на два, близких к амфорам по профилю (77, 4; 83, 1/6). Один из них украшен орнаментом в виде трех сгруппированных выпуклин у основания шейки (рис. 20, 40). Частично восстановленные грубые сосуды с расчесами представляют собой крупные горшки, в трех случаях (79, 2/6; 83, 1/3; 118, 8/4) орнаментированные одним или несколькими рядами пальцевых вдавлений, расположенных на плечиках (рис. 20, 41). Кроме того, обнаружены приземистые горшки с короткой шейкой и сосцевидными налечами на плечиках (96, 3/8; 80, 2/4; 83, 3/2), а также несколько баночек (79, 7/4; 83, 1/6), иногда орнаментированных ногтевыми вдавлениями (рис. 20, 4). Последняя разновидность керамики, как правило, сопровождает погребения детей или с детьми. Исключительно с детскими, подростковыми погребениями связаны и комплексы украшений — амулетов. В одном погребении амулет составлен из роговой и посошковидной булавки с орнаментированным зигзагами сигаровидным стержнем, подвесками из клыков кабана и челюстей хищника (лисица? собака?) (рис. 20, 11, 17, 23). В двух других комплексы состоят из бронзовых посошковидных булавок, костяных пронизей (в одном случае с нарезкой), просверленных раковин, дисковидных бус из раковины и бронзовых прямоугольных пластин с отверстием (79, 7/4; 118, 9/6; рис. 20). Комплексы амулетов состоят из челюстей хищников и просверленных астрагалов, число которых колеблется от 1—2 до 12

⁴⁶ Исключение составляет погребение 14 кургана 7 Анапской I курганный группы, в шахте которого обнаружены череп и кости ног коровы или быка.

(100, 5/11; 118, 7/9, 14), иногда их дополняют костяные уплощенные бусы (83, 1/13), просверленные раковины, клыки (95, 6/14). Нередко раковины и костяные бусы, клыки и астрагалы встречаются отдельно (83, 13/7; 95, 3/13; 6/16; 97, 1/10; 100, 5/9 и др.). Наиболее характерной находкой во взрослых погребениях являются тонкие в сечении серебряные кольца в один оборот с несомкнутыми или слегка заходящими заостренными концами и, реже, более толстые в сечении, в полтора оборота с раскованными концами. В отдельных погребениях присутствуют оба типа колец (80, 2/4). В погребениях обнаружены также бронзовые шнуровые подвески-стерженьки (111, 9/17), каменные плитки и частично стертые о них куски гетита (79, 2/6; 118, 7/14).

Сравнивая инвентарь погребений различных вариантов типа 1, нетрудно заметить их если не полную идентичность, то несомненную близость, на основании которой допустимо объединить все погребения типа в одну группу с учетом, видимо, незначительного хронологического приоритета отдельных катакомб с овальной камерой (тип 1-1).⁴⁷

Дальнейшее уточнение культурной и хронологической специфики прикубанских погребений этой группы невозможно без их сопоставления с общим массивом катакомбных древностей.

Наиболее характерный для Прикубанья тип катакомбы с прямоугольными камерой и шахтой известен в Нижнем Поднепровье (Шаталин, 1979; Пустовалов, 1982), Приазовье (Евдокимов, 1979) и Нижнем Подонье, преимущественно на левобережье (Кияшко, Нижнее Подонье...). Повсеместно, по данным стратиграфии и инвентаря, эти погребения относятся к наиболее ранним, предшествующим, в частности, донецкой культуре (Кияшко, Нижнее Подонье... ; Евдокимов, 1979; Сафронов, 1981). Катакомбные погребения с овальными камерами территориально и хронологически распространены шире и охватывают все правобережье нижнего Дона и бассейн Северского Донца. Часть из них также относится к преддонецкому времени (Смирнов, 1981, 1987).

Инвентарь прикубанских погребений первой группы характерен для наиболее ранних катакомбных погребений различных областей. На нижнем Дону катакомбы с фрагментами чернолощенных амфор, аналогичных прикубанским, отнесены В.Я.Кияшко к группе преддонецких погребений (группа XI, 2-й вариант — Кияшко, Нижнее Подонье... , табл. XXXIV). Здесь же, на нижнем Дону, в катакомбных погребениях только этого времени находят аналогии роговым молоточковидным булавкам с сигаровидным стержнем (Соленый, 3/6; Холодный, 1/4). Следует отметить, что булавки описанного типа в катакомбных погребениях достаточно редкая находка. Однако еще реже в катакомбах встречаются бронзовые молоточковидные булавки (Кореняко, Отчет... , 1975). Оба типа в это время, видимо, являются пережитком предшествующей эпохи и, учитывая случаи их совместного обнаружения в катакомбах (Копылов, Отчет... , 1978), могут рассматриваться как хронологически идентичные.

Бронзовые посошковидные булавки из прикубанских погребений встречаются в преддонецких катакомбах нижнего Дона (Ростов-на-Дону, Западный, 1/6 — Братченко, 1976, с.52, рис. 25, 27; Сафронов, 1981), но значительно шире они представлены в синхронных погребениях Ставрополя (например: Веселая

⁴⁷ В ряде случаев зафиксировано, что в Центральном и Западном Прикубанье погребения 1-го варианта типа 1 стратиграфически предшествуют погребениям 2-го варианта того же типа (рис. 3).

Роша III, 17/1; 13/4 и др.), причем в отдельных комплексах бронзовые и роговые посошковидные булавки обнаружены вместе. Иногда эти булавки сопровождают небольшие кольцевидные медальоны, близкие к прикубанским (Веселая Роша III, 7/8). В аналогичных катакомбах есть и наборы медальонов со шнуровыми подвесками-стерженьками различных вариантов (Веселая Роша III, 8а/56 — Коренько, Отчет. . . , 1975; Романовская, Отчет. . . , 1979).

Приведенных данных, видимо, достаточно, чтобы синхронизировать прикубанские катакомбные погребения первой хронологической группы с первым общим, наиболее ранним периодом развития катакомбных памятников в целом. Другими словами, прикубанские погребения первой хронологической группы следует рассматривать в рамках раннего общекатакомбного горизонта погребений,⁴⁸ который можно охарактеризовать следующим образом.

На нижнем Дону в этот пласт входят ранние катакомбные погребения, выделенные В. Я. Кияшко и объединенные им в XI группу (2-й и 3-й варианты)⁴⁹ и частично в XII (Кияшко, Нижнее Подонье. . .).

Оба варианта идентичны по обряду погребения и форме катакомб — слабо-скорченные на правом боку погребенные лежат в прямоугольной с плоским потолком камере, в которую ведет прямоугольной (трапезиевидной) формы шахта с наклонным дном (там же, с.127, 129, табл. XXXIV).

Важнейшим, определяющим элементом инвентаря погребений 2-го варианта являются черно- и коричневоглиняные лощеные амфоры с рельефным орнаментом, близкие к посуде погребений предшествующей группы. Соответственно в погребениях третьей группы эта посуда отсутствует. Здесь определяющей является посуда с ярко выраженными позднейшими чертами. Хронологически, считает В. Я. Кияшко, 2-й вариант предшествует 3-му. Однако, сравнивая керамические комплексы, нельзя не отметить, что позднейший компонент хотя и в различной степени, но присутствует в обоих вариантах (ср., например, 2-й вариант — Новочеркасский ин-т виногр. и винодел., 2/13; 3-й вариант — Донской, 7/15 — Кияшко, Нижнее Подонье . . . , табл. XXXIV). Если еще учитывать близость металлического инвентаря, обряда и типа катакомб, то хронологический приоритет второй группы над третьей едва ли можно назвать существенным.⁵⁰

В целом погребения XI (2-й, 3-й варианты) и частично XII группы можно объединить в единый хронологический пласт, предшествующий на нижнем Дону донецкой катакомбной культуре или XIII группе, по Кияшко. Характерными чер-

⁴⁸ Понятие «общекатакомбный горизонт» предельно условное, рабочее и используется здесь только для обозначения пласта относительно синхронных групп или этапов развития различных катакомбных культур. Синхронизация в рамках горизонта неизбежно обладает элементом условности, так как начало и конец отдельных периодов самостоятельных культур может и не совпадать.

⁴⁹ 1-й вариант из 18 различных по обряду и инвентарю погребений, по-видимому, следует исключить. Более того, некоторые из этих погребений (например, Койсуг, 5/33), вероятно, относятся к неолитическому времени.

⁵⁰ Стратиграфически он зафиксирован лишь один раз (Шибельный I) на 130 погребений 2-го варианта и 413 3-го (Кияшко, Нижнее Подонье . . . , с. 127, 130, 138). Добавим, что при такой классификации погребений отсутствие лощеной керамики в одном из погребений обесценивает любую стратиграфическую ситуацию. То же самое касается XII группы погребений. Из 380 погребений только одно перекрывает катакомбу, отнесенную к 3-му варианту XI группы (Ростовский могильник, 6/11, 12 — там же, с. 138). Кроме того, в XII группу, локализуемую в основном в левобережье, по-видимому, включены типологически и хронологически различные погребения.

тами катакомбных погребений этого времени являются в обряде — слабоскорченное на правом боку положение погребенных, в конструкции катакомб — Т-образные прямоугольные шахты и камеры, в инвентаре — сочетания ямных, северокавказских и куро-аракских (возможно, через северокавказскую культуру) черт при безусловном появлении собственно донецких (Донской 7/15 — Братченко, 1976, с.37, рис. 14, 4, 6).⁵¹

В бассейне Северского Донца к этому времени относятся погребения, которые иногда называют раннедонецкими (Смирнов А., 1979, с. 51) или ямно-катакомбными (Санджаров, 1983, с. 202—207). Не касаясь вопроса культурной атрибуции, отметим, что для них характерно слабоскорченное на правом боку положение погребенных и керамика позднего облика (Смирнов А., 1981, с. 36; Санджаров, 1983, с. 205, рис. 1; 14, 6). Иногда в погребениях встречаются орнаментированные роговые молоточковидные булавки (Кротова и др., 1977).

Погребения, синхронные преддонецким, открыты и объединены в единый горизонт и в более западных районах, включая Приазовье, Крым, Нижнее Поднепровье (Евдокимов, 1979, с. 45—46).⁵² Согласно наблюдениям Г. П. Евдокимова, а также детальным классификационным разработкам Ю. А. Шаталина (1979, с. 46—47) и С. Х. Пустовалова (1982), наиболее ранние катакомбы отличают прямоугольные шахты и камеры с выраженными углами. Для погребенных характерно скорченное положение на правом, левом боку, реже на спине. В инвентаре преобладает плоскодонная и округлодонная посуда позднего облика, покрытая расчесами или отпечатками зубчатого штампа.⁵³ Некоторые ее типы аналогичны буджакской посуде (Евдокимов, 1971, с. 45), другие встречаются в позднейших погребениях Поднепровья, Приазовья, нижнего Дона, Северского Донца (Белозор, Мезенцев, 1976, с. 102—106), а также представлены в памятниках Поволжья.⁵⁴ Среди украшений отметим роговые молоточковидные булавки и пронизи с нарезкой (Евдокимов, 1979, с. 45).

К сказанному добавим, что катакомбы прямоугольных форм, по-видимому, не единственный тип сооружений этого времени в Поднепровье. Согласно И. Ф. Ковалевой, в бассейне Орели и Самары наряду с ними появляются катакомбы с овальной шахтой и камерой, причем погребенные лежат так же, как и в двух других стратиграфически наиболее ранних типах катакомб, скорченно на спине. Представляется, что не все погребения, выделенные И. Ф. Ковалевой (1982, с. 43, рис. 4, 5) в 1-ю обрядовую группу, одновременны,⁵⁵ но часть из них с западной ориентацией погребенных и исключительно ямным инвентарем, по-видимому, хронологически соответствуют тому пласту раннекатакомбных погребений, который наметил Г. Е. Евдокимов.

Сейчас трудно сказать, есть ли катакомбные погребения этого же времени в

⁵¹ Северокавказский и посткуро-аракский компоненты проявляются не только в виде лошенок амфор, но, возможно, и в других типах орнаментированной посуды (ср., например: Братченко, 1976, с. 38, рис. 15, 3; Деген, 1941, табл. III, рис. 2, табл. XIX, рис. 1, 2).

⁵² Мнения о более позднем (относительно нижнего Дона) появлении катакомб в Поднепровье придерживается А. М. Смирнов (1981, с. 35—36), полагая, что «идея катакомбы» туда распространилась с нижнего Дона.

⁵³ По подсчетам С. Х. Пустовалова (1982, с. 106), в ранней нижнеднепровской группе ямная керамика составляет 71,4 %.

⁵⁴ Подчеркнем, что аналогичная посуда происходит из ранних катакомб Северского Донца (Городцов, 1905, с. 327—328; Санджаров, 1983, с. 205, рис. 4, 6).

⁵⁵ На этом не настаивает и сам автор (Ковалева, 1982, с. 38)

Северо-Западном Причерноморье (Тошев, 1981а, с. 61). Предполагается, что некоторая группа катакомб частично синхронна позднеямной (буджакской) культуре (Тошев, 1979, с. 36—37). Не исключено поэтому, что наиболее ранние из них соответствуют общекатакомбному раннему горизонту.

Менее гипотетично включение в этот хронологический пласт части катакомбных погребений юго-восточной периферии раннекатакомбного мира — Калмыкии и Центрального Ставрополя.

Согласно достаточно аргументированной в этой части периодизации В. А. Сафронова (1974), катакомбным погребениям в Калмыкии (группы III, IV) предшествуют северокавказские (группа II) и позднеямные (группа I) погребения, причем последние в свою очередь подстилают северокавказские. Исходя из наличия в инвентаре позднеямных погребений молоточковидных орнаментированных булавок с цилиндрическим и близкой формы стержнем (IV, III стадии, по классификации В. А. Сафронова, 1973, с. 44, рис. 11), а также ряда форм керамики, допустима синхронизация этих погребений с I-м этапом III общеямного периода развития. Соответственно северо-кавказские погребения (вытянуто на спине, головой в восточный сектор) будут соответствовать по времени 2-му этапу того же общеямного периода. Хронологически определяющей категорией инвентаря являются здесь бронзовые и роговые молоточковидные булавки. Затем появляются катакомбные погребения, сохраняющие в Калмыкии ямные и северокавказские черты обряда (Сафронов, 1974, с. 79—97), а в Центральном Ставрополье только северокавказские.⁵⁶

Определяющим типом инвентаря становятся роговые орнаментированные молоточковидные булавки позднейших форм с сигаровидным стержнем, а также бронзовые и роговые посошковидные.

Таким образом, согласно общей стратиграфической ситуации, особенностям погребального обряда и типам инвентаря, допустимо предположить, что наиболее ранняя часть катакомбных погребений III группы (скорченно на спине, возможно, только с восточной и северной ориентацией) и синхронная им часть погребений в катакомбах IV группы (вытянуто на спине) входят в общий раннекатакомбный горизонт (Сафронов, 1974, с. 80).

В итоге раннекатакомбный период⁵⁷ можно охарактеризовать как время широкого распространения (от Поднепровья до Центрального Ставрополя) нового обряда погребений в катакомбах, конструкция которых варьирует, но в целом демонстрирует устойчивость в пределах локальных районов (Поднепровье, нижний Дон—Северский Донец, Калмыкия, Центральное Ставрополье). В позе погребенных также наблюдается разнообразие, но регионально его можно характеризовать как устойчивое, так как оно сохраняет основные черты трупоположения предшествующего периода (Приазовье, Поднепровье — скорченно на спине, правом и левом боку; Нижнее Подонье — скорченно на спине и слабо скорченно на правом боку; Калмыкия, Центральное Ставрополье — скорченно и вытянуто на спине). Зачастую в ранних катакомбах сохраняется ориентировка погребенных, типичная для предшествующего периода (Ковалева,

⁵⁶ Романовская М. А. Доклад на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 1982 г. (не опубликовано).

⁵⁷ Новейшие региональные исследования демонстрируют дополнительную возможность хронологического подразделения погребений этого периода на Северском Донце (Смирнов А., 1987) и Волго-Донском междуречье (Кияшко, 1987).

1982, с. 37; Кияшко, Нижнее Подонье . . . , с. 128; Сафронов, 1974, с. 77—97). В инвентаре абсолютно преобладают типы украшений и керамики, характерные для предшествующих местных культурных групп или соседних, связи с которыми в докатакомбный период были налажены.

Исходя из сказанного, представляется преждевременным объединение раннекатакомбных погребений в какую-либо одну культуру, в частности приазовскую (Сафронов, 1981, с. 11—14), так как нет данных считать определяющим для всего этого массива темнолощенные амфоры (типа Злоты).⁵⁸ Одновременно отметим вероятность выделения локальных вариантов внутри раннекатакомбного пласта.⁵⁹ Остается добавить, что, как и другие группы этого времени, прикубанская сохраняет ряд черт предшествующего предкатакомбного периода в обряде (слабая скорченность, положение на правом боку), инвентаре (грубая керамика с расчесами, чернолощенная керамика, молоточковидные булавки, просверленные раковины, бронзовые бляхи, костяные бусы, подвески из клыков и челюстей животных), характере и направлении связей.⁶⁰ Развиваясь параллельно с северокавказскими памятниками начала 2-го этапа (типа Ульского, 5/1), ранние прикубанские катакомбники, как и синхронные катакомбные группы других ближайших районов (Ставрополье, нижний Дон, Калмыкия), испытали сильнейшее влияние первых, особенно заметное в типах украшений (посошковидные булавки, костяные пронизи, шнуровые подвески, медальоны, подвески из челюстей хищников).

Следующую, вторую хронологическую группу, согласно стратиграфическим данным (рис. 3), представляют катакомбные погребения типа 2 из Центрального и Западного Прикубанья и, видимо, ранняя часть погребений этого же типа из восточных районов, где они существуют и позднее.

Для погребений типа 2 (всего учтено 37 погребений) характерны катакомбы с овальной камерой и прямоугольной шахтой с горизонтальным дном,⁶¹ т. е. без выделенного спуска (коридора) к камере. Иногда камеру от шахты отделяет невысокая ступенька (рис. 22). В зависимости от позы погребенного внутри типа выделено два варианта. Для 1-го характерны погребенные, скорченные на правом боку, руки вытянуты к коленям или бедрам, лицом к входу в камеру. Степень скорченности слабая и средняя (рис. 14). Погребения 2-го варианта отличаются расчлененные костяки. Анатомический порядок в этих случаях почти во всех суставах нарушен, многие кости отсутствуют. Как правило, кисти рук и ног уложены параллельно друг другу поверх грудной клетки и таза. Только в погребениях этого варианта обнаружены меловые подсыпки. В отличие от погребений типа 1 в погребениях типа 2 значительно реже встречаются угли или жаровни и почти никогда нет костей животных в традиционном сочетании (черепа—кости ног барана). Чаще всего погребения ориентировались камерой к центру кургана и впускались в любой его сектор, кроме восточно-северо-восточного—восточно-юго-восточного. Территориально ареал распространения погребений

⁵⁸ На это уже указывал А. М. Смирнов (1981, с. 35—36).

⁵⁹ Первоначальный хронологический приоритет одного варианта над другим мог быть значительным, но не настолько, чтобы выводить катакомбную обрядность из одного локального центра.

⁶⁰ Черные, серые и коричневолощенные амфоры с каннелированными ручками являются, видимо, если не импортом, то прямым подражанием посуде дольменной культуры, на поселениях которой они хорошо сейчас известны (поселение Старчики, раскопки М. Б. Рысина, Туамский грот, раскопки В. А. Трифонова).

⁶¹ Шахты со слабо наклонным дном редки, причем перепад между дном шахты и камеры, как правило, менее 20 см.

бений типов 1 и 2 совпадает и включает в основном степное правобережье Кубани (рис. 19).

Погребальный инвентарь немногочислен (рис. 20). По сравнению с предшествующей хронологической группой из керамики исчезают грубые сосуды с расчесами. Черное лощение сохраняется, но качество керамики меняется — в тесте примесь песка. Появляются новые формы. Среди чернлощенных сосудов отметим горшки с уступом на плечике (93, 2/13; 100, 1/7) и приземистые горшки, орнаментированные подковообразными отпечатками шнура (94, 55/3, 4; 110, 4/9). Остальная посуда представлена амфорой с зауженным горлом и ручками у венчика (103, 4/4), кубковидным сосудом (83, 3/4), орнаментированным у дна насечками (рис. 20, 45). Украшения однообразны и состоят из бронзового бисера, мелких каплевидных и шнуровых стерженьков-подвесок (83, 5/5; 94, 43/14, 59/2), бронзовых колец с несомкнутыми концами (94, 17/4), бронзовых пронизок и комплекта из 3 костяных пронизей (116, 2/10). К единичным находкам относятся каменная шаровидная булава с бортиком (100, 1/7) и комплект из 3 игральные костей (83, 3/14; рис. 20, 69).

Сравнивая материалы второй и первой катакомбных хронологических групп, нетрудно заметить, что погребения типов 1 и 2 представляют, видимо, единую эволюционную линию развития традиции слабоскорченных на правом боку погребенных в характерной формы катакомбах, ориентированных камерой к центру кургана.

Вместе с тем инвентарь погребений второй хронологической группы демонстрирует культурные связи, отличные от предшествующего периода. В частности, сосуды, орнаментированные крупными подковообразными отпечатками шнура (рис. 20, 44, 46), находят аналогии среди катакомбной керамики донецкого времени Левобережной Украины (Ковалева, 1982, с. 45, рис. 6, 43), а сосуд из погребения у ст-цы Брюховецкой (рис. 20, 45), по-видимому, сопоставим по форме непосредственно с донецкими кубками (Братченко, 1976, с. 40, рис. 47). Возможно, короткошейные горшки с уступом у плечика также сопоставимы с некоторыми донецкими формами (там же, с. 37, рис. 14, 1), хотя это сравнение и проблематично. Из других типов инвентаря, имеющих хронологическое значение, выделим шнуровые и гладкие стерженьки-подвески, кольца в один оборот с несомкнутыми концами и каменную булаву. Подвески и кольца не встречаются в погребениях, позднее донецких, как, по-видимому, и гладкие шаровидные булавы с бортиком (там же, с. 147).

Среди других находок из Прикубанья отметим сосуд, орнаментированный отпечатками тесьмы по горлу, который, вероятно, относится к этому же времени (рис. 20, 47).⁶²

В целом этих немногочисленных данных достаточно, чтобы отнести прикубанские погребения 2-го этапа к периоду, который условно можно было бы назвать II общекатакомбным горизонтом.

На нижнем Дону, как и на Северском Донце, к этому времени относится донецкая катакомбная культура в том виде, как она была представлена С. Н. Братченко, с учетом поправок, внесенных В. Я. Кияшко и В. А. Сафроновым. На левобережье Дона ей соответствует большая часть погребений, выделенных В. Я. Кияшко (Нижнее Подонье..., с. 130—

⁶² Ср., например. Ковалева, Марина, 1980, с. 17, рис. 6, 4, Ковалева и др., 1977, табл. 3, 10, 11, 9.

131) в XII группу, а на среднем Дону — основная часть погребений раннего (павловского) этапа по периодизации А. Т. Синюка (1983).

На левобережье Днепра к этому периоду относятся ямы и катакомбы с донецкой керамикой при скорченных на спине и вытянутых костяках (Ковалева, 1982, с. 43—45, рис. 4, 5; Марина, 1982а, с. 50, рис. 1). Кроме того, сюда входят погребения 2-й обрядовой группы (по Ковалевой), близкие по обряду и инвентарю ингульской культуре. Аналогичные погребения распространены в это время в Приазовье и Нижнем Поднепровье (Пустовалов, 1982). На правобережье Днепра и в Буго-Днестровском междуречье им соответствуют в основном ингульские погребения (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977), погребения с керамикой типа Перун (Тошев, 1979, с. 36) и близкой к донецкой (Тошев, 1981а, с. 69). В числе сквозных форм, облегчающих синхронизацию памятников нескольких регионов, упомянем своеобразные амфоровидные сосуды (иногда с ушками) с шаровидным туловом, округлым или плоским дном, украшенные шнуровым или прочерченным орнаментом. В настоящее время они известны в катакомбных погребениях в Днестро-Дунайском междуречье (Ядвичук, Черняков, 1970, с. 5—115), Поингулье (Шапошникова, Бочкарев, Шарафутдинова, 1977, с. 30—32), левобережье Днепра (Лихачев, 1981, с. 72—76), в Приазовье, бассейне Северского Донца, Нижнего Подонья, Западного (Кияшко, Нижнее Подонье . . . , табл. XXXIV, группа XII) и Восточного Маныча (Синицын, Эрдниев, 1978, с. 33).

В отличие от западной юго-восточная линия синхронизации более проблематична ввиду недостаточной разработанности общей типологии предкавказских катакомбных древностей. Наиболее актуальным в данном случае является выделение предкавказских материалов, синхронных донецким. Работа в этом направлении только начата, и результаты носят предварительный характер. В частности, В. Я. Рябовой в материалах Сагванского могильника (междуречье Сала—Маныча) выделен горизонт (II) катакомбных погребений манычского варианта предкавказской культуры, синхронный донецкой культуре.⁶³ В Калмыкии к этому времени относятся, видимо, поздние погребения III, IV групп (по Сафронову). На это указывает присутствие в них ножей привольненского типа (Синицын, 1978, ч. 2, табл. 22, 7, 35, 2) и керамики, несущей полтавкинские черты (Шилов В., 1982а, с. 33, рис. 7, 5), т. е. форм, характерных для донецких памятников (Братченко, 1976, рис. 16, 4, рис. 72, 23, 24, 31). Учитывая совстречаемость этих типов с другими, предкавказский комплекс инвентаря, синхронный донецкому, можно будет расширить, включив в него некоторые типы горшков, чаш и курительниц. Косвенно на это указывает совстречаемость донецкой и предкавказской керамики (кубки, курительницы) с посудой одного хронологического этапа на среднем Дону (Синюк, 1983, с. 146, 147, рис. 43, 15, 40), а также калмыцких чаш с северокавказским шнуровым металлом (группа Центральная, VI, 2/6 — Копылов, Отчет . . . , 1978).

В итоге II хронологический общекатакомбный горизонт можно рассматривать как время сосуществования нескольких локальных культурно различных групп, выработавших оригинальные формы керамики, катакомбы, труположения. В Поднепровье, Нижнем Подонье, Донетчине, Калмыкии, в Северном и Центральном Ставрополье, на других территориях в это время форми-

⁶³ Рябова В. Я. Доклад на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 1982 г. (не опубликован).

руются ингульская, донецкая, предкавказская культуры и близкие им варианты, причем донецкая культура оказывает преобладающее влияние. Следы этого влияния отмечаются и в Прикубанье, но здесь, судя по материалам, самостоятельного культурообразовательного процесса не происходит.

Самую позднюю хронологическую группу в Прикубанье составляют катакомбные погребения типов 3 и 4 и частично 2-го варианта типа 2 (рис. 21). В их территориальном распределении намечается определенная локализация. В центральных и западных областях предшествующие погребения типов 1, 2 сменяются, судя по стратиграфии (рис. 3), погребениями типа 3, а в Юго-Восточном Закубанье, где до этого катакомб не было, появляются погребения типа 4. На востоке Прикубанья продолжают существовать, медленно эволюционируя, погребения типа 2-2. Наиболее многочисленной и своеобразной группой являются погребения типа 3 (учтено около 60 погребений). Для них характерны глубокие (до 12 м) катакомбы с шахтами, как правило, небольшого размера (1—2,5 м²), квадратной, узкой прямоугольной, круглой или овальной формы. Камеры больше шахт по площади и преимущественно бобовидной и полукруглой формы. Арковидной формы вход в камеру часто закрыт деревянной заслонкой. Дно шахт нередко выше дна камер на 0,5—1 м, в отдельных случаях спуск в камеру оформлен в виде не одной, а нескольких ступенек. В зависимости от позы погребенных выделено три варианта погребений (рис. 21). Чаще всего погребенные лежат в сильно скорченном положении на правом боку, почти всегда лицом к входу в камеру, руки вытянуты к коленям или бедрам. В случае, когда в камеру помещали двух взрослых умерших, их укладывали лицом друг к другу. Наиболее характерна скорченность, когда угол в тазобедренных суставах колеблется в пределах 60—100°, а в коленях — от 45° до 10° (рис. 14). В погребениях этого варианта (1) алая охра локализуется у стоп и черепа погребенного, реже у рук, перед грудью. Почти обязательный элемент обряда — присутствие угольков. Чаще всего они встречаются в жаровнях, которые могут располагаться как в шахте (около 40 % случаев), так и в камере — у черепа, стоп или перед грудью погребенного. Подсыпки углей без жаровен редки и локализуются в тех же местах, где устанавливались последние. Подсыпка и жаровня могут встречаться вместе, в одном погребении. Мел на дне камеры отмечен только у шестой части погребений 1-го варианта.

Ко 2-му, менее многочисленному варианту отнесены катакомбы, в камеры которых помещены расчлененные костяки погребенных. Расчленение произведено во всех суставах конечностей, кости которых, вероятно, без мягких тканей, уложены параллельно друг другу поверх грудной клетки и таза. Кости скелетов в этих случаях представлены не полностью, почти целиком нарушен их анатомический порядок. В одном случае расчленение произведено только в локтевых и коленных суставах (кости голени и предплечья лежат параллельно, соответственно бедренным и плечевым костям). Охра, уголь и мел отмечены во всех погребениях 2-го варианта. Обязательным элементом обряда погребений 1-го и 2-го вариантов является присутствие посуды с пищей.

3-й вариант погребений, встречающийся реже всех, характеризуется сильно скорченным положением погребенных на левом или правом боку, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги сильно скорчены не только в коленных, но и в тазобедренных суставах. Выразительной деталью обряда является отсутствие угля, мела, часто керамики и почти всегда охры.

В целом для погребений типа 3 не характерна какая-либо устойчивая

ориентация катакомб или погребенных. Катакомбы впущены, как правило, в центр кургана, без сооружения дополнительных досыпок.

В погребальном инвентаре преобладает керамика. Центральным, определяющим типом являются сосуды выразительных пропорций с высокой шейкой и отчетливо выраженными плечиками, на которых располагаются ленточные ручки (рис. 20, 53, 52, 56, 60). Большинство сосудов покрыто прочерченным и наlepным орнаментом, расположенным на воротничке, плечиках и ручках. Самым характерным мотивом композиций являются прочерченные свисающие заштрихованные треугольники. Как правило, в основании треугольников (в месте перехода шейки в плечико) проходит наlepной валик с насечками или прочерченный пояс, заполненный вдавлениями или прочерченным зигзагом. В отдельных случаях треугольники чередуются с прямоугольными заштрихованными свисающими полотенцами или дополняются бахромой (рис. 20, 60). Иногда на плечиках вместо треугольников расположен фриз из вписанных зигзагов (рис. 20, 56). Есть совершенно неорнаментированные сосуды (рис. 20, 52). Вся керамика хорошего обжига, в тесте отмечается примесь известняка. Внешняя поверхность сосудов темно-серого, черного цветов, тщательно залощена до блеска, внутренняя поверхность (светло-серого или желтого цвета) всегда светлее внешней и также залощена или заглажена.

Перечисленные признаки характеризуют только общие черты керамики описываемого типа. В целом она проявляет заметную вариабельность в сочетании отдельных элементов, мотивов орнамента и способов его нанесения, форме венчика и ручек. Вместо наlepного воротничка верхняя часть может быть просто отогнута наружу (рис. 20, 56). У отдельных сосудов вместо двух — четыре, шесть симметрично расположенных ручек. Есть сосуды без ручек, но в местах их обычного крепления помещены наleпы вместе с орнаментальными композициями, характерными для ручек (рис. 20, 61).

Относительно орнамента отметим, что типичные прочерченные композиции дополняются, а иногда заменяются наlepным орнаментом в виде свисающих от наlepного валика расчлененных жгутиков или короткими параллельными наклонными расчлененными валиками. Среди парных наlepных элементов выделим небольшие округлые наleпы, сгруппированные по три и расположенные у основания шейки (рис. 20, 53). Всего известно около 40 подобных сосудов.

Керамику иного облика, обнаруженную в погребениях типа 3, представляют крупные сосуды с несколькими симметрично расположенными ручками, сильно выпуклыми боками, невысокой шейкой с отогнутым наружу, иногда уплощенным сверху венчиком (рис. 20, 62). Наибольший диаметр тулова превосходит высоту сосуда. Прочерченный и наlepной орнамент покрывает верхнюю половину сосуда. Основным элементом орнамента являются наlepные расчлененные валики и заштрихованные треугольники, объединенные в несложные композиции. Ручки сосудов или расположенные на их месте фигурные наleпы покрыты прочерченным орнаментом в виде елочки или вертикальных параллельных линий. Иногда элементы наlepного орнамента (например, валики) заменены прочерченным. Все сосуды описанного типа сделаны из хорошо промешанной глины и имеют красновато-коричневый цвет поверхности.

В катакомбах рассматриваемой группы также найдено несколько типов реповидной посуды (рис. 20, 55, 58, 66). К первому типу отнесены сосуды без шейки, с широким дном, иногда превышающим диаметр горла. Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть его высоты. Сильно утолщенный, уплощен-

ный сверху, с внутренней закраиной венчик почти не отделен от плечиков сосуда. Орнамент покрывает венчик и верхнюю часть тулова. Как правило, прочерченные вершинами вниз заштрихованные треугольники заключены между наlepными расчлененными валиками (рис. 20, 58).

Второй тип — это сосуды приземистых пропорций (наибольший диаметр тулова значительно превосходит общую высоту сосуда) с широким горлом, близким ему по диаметру дном и почти не выраженной шейкой. Наибольший диаметр тулова приходится на середину его высоты. Сильно утолщенный, уплощенный сверху, с внутренней закраиной венчик отогнут под прямым углом наружу. Известные сосуды этого типа не орнаментированы (80, 2/1; 88, 1/2).

Третий тип реповидной посуды представлен сосудами с сильно выпуклыми боками, выделенной шейкой и широким относительно тулова горлом и дном (рис. 20, 55, 66). Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть его высоты. Шейки сосудов, как правило, расширяются кверху. Венчики, как и у других типов, утолщены, плоские сверху и имеют внутреннюю закраину. Характерным элементом орнамента является наlepной расчлененный валик на плечиках сосуда. Иногда зашипами или насечками покрыт наружный край венчика. Есть неорнаментированные сосуды.

Среди других керамических форм, связанных с рассматриваемыми погребениями, укажем на амфоровидные сосуды с различным положением ручек, короткошейные горшки (рис. 20, 63), чашеобразный сосуд (рис. 20, 54) и курильницу без внутреннего отделения на четырех отдельно стоящих ножках (рис. 20, 65).

Дополнительно отметим, что чернолощенная посуда, крупные сосуды с несколькими ручками и реповидники в различных сочетаниях встречаются в одних комплексах (ср.: 100, 1/11; 118, 9/2).

В отличие от керамики прочий инвентарь, обнаруженный в погребениях, менее разнообразен.

Каменные изделия представлены топором-молотом (рис. 20, 67), круглой ступкой (рис. 20, 68) и нефритовой (?) подвеской лопатообразной формы (76, 1/14).⁶⁴

Металлический инвентарь состоит только из бронзовых и серебряных украшений. К ним относятся небольшие бочонковидные без ребра бусы диаметром 0.3—0.5 см, бронзовые бородавчатые бусы диаметром около 0.5 см, состоящие как бы из двух (одно над другим) колец, каждое из которых имеет по паре симметрично расположенных округлых выступов, серебряные бородавчатые бусы с четырьмя симметрично расположенными выступами, сгруппированными по три, а также В-образные бусы (рис. 20, 73—77). Последние по технологии изготовления разделяются на два варианта. К первому отнесены двухканальные прямоугольные в плане (приблизительно 0.4×1 см) бусы, свернутые из тонкого бронзового листа. По краям канала в одном случае располагались маленькие треугольные вырезы, вероятно, для нашивания бусин (рис. 20, 77).

Второй вариант — литые бусы, в целом аналогичные свернутым. Их лицевая сторона в нескольких случаях украшена литым орнаментом в виде расчлененного валика (рис. 20, 79) или двойной спирали (рис. 20, 78). В основном, судя по

⁶⁴ Не исключено, что это погребение относится не к прикубанскому, а центрально-степольскому кругу катакомб.

расположению на костях (чаще всего, в области пояса) и элементам крепления, они предназначались для нашивания. В погребениях с расчлененными костяками бусы, видимо, нашивались на ткань (кожу?), в которую кости заворачивались.

Кроме бус обнаружены бронзовые круглые или квадратные в сечении пронизи, орнаментированные косыми насечками или рельефными змейками и расчлененными валиками (рис. 20, 80), маленькие литые дисковидные медальоны, украшенные в том же стиле спиралями и валиками, лапчатые подвески (Каминский, 1985) и подвески-стерженьки с шаровидной головкой (рис. 20, 81).

Украшения из других материалов представлены дисковидными раковинными бусами (рис. 20, 72), пастовым и дисковидным гагатовым бисером (рис. 20, 70), фаянсовой (?) пронизкой с кольцевидной нарезкой.

Для погребений типа 4 (учтено около 10 погребений), локализованных в степи Юго-Восточного Закубанья, характерны катакомбы с узкими длинными прямоугольными шахтами (длина может превосходить ширину в 3 и даже в 6 раз) полукруглыми или овальными камерами, в которых погребенные лежат вытянуто на спине. Из сохранившегося описания⁶⁵ можно заключить, что в погребениях всегда присутствуют охра, угли и посуда с пищей.

Инвентарь представлен керамикой. Часть сосудов в виде чернолощеных и коричневоглиняных амфор, орнаментированных прочерченными треугольниками и наlepными валиками, аналогична посуде из погребений типа 3 (ср.: Иерусалимская, 1958, рис. 1, 40, 41). Другая часть представлена крупными, с высокой шейкой чернолощеными сосудами с наlepным или вдавленным орнаментом у основания шейки (рис. 20, 59) и курильницей (34, 2/2) на четырехугольной прорезной подставке (рис. 20, 64).

Небольшая поздняя группа погребений типа 2-2 содержит своеобразный инвентарь, частично аналогичный обнаруженному в погребениях типа 3. Отметим реповидные сосуды первого и третьего типов и курильницы на четырех относительно высоких отдельно стоящих ножках.

Сравнивая различные типы погребений и связанный с ними инвентарь, нетрудно заметить взаимовстречаемость некоторых типов керамики, определенно указывающую на сосуществование групп. Вместе с тем типологическое своеобразие и территориальная целостность каждой из них позволяют говорить о локализации культурных процессов в этот период. Наиболее очевидно процесс локального развития протекал в центральных и западных районах степного Прикубанья. Появлению погребений типа 3, непосредственно сменяющих катакомбы с керамикой, подражающей посуде донецкого времени, видимо, соответствует период смены донецкой культуры маньчским вариантом предкавказской (Братченко, 1976, с. 130) и широкого распространения элементов последней (керамика, обряд) в юго-восточном и северо-западном направлениях на Северный Кавказ (Сафронов, 1981, с. 51—60), средний Дон (Синюк, 1983, с. 146—147, рис. 43), в Приазовье (Пустовалов, 1982, с. 87—109), Поднепровье (Ковалева, 1982, с. 40—44, рис. 5) и далее вплоть до Буго-Днестровского междуречья (Тошев, 1981а, с. 69).

Аналогичные прикубанским могилы с сильно скорченными на правом боку погребенными в сочетании с катакомбами, имеющими небольшие по площади,

⁶⁵ Ученные катакомбы происходят из раскопок Н. И. Веселовского 1902—1903 гг. Достоверность и точность их описания требуют соответствующих оговорок

но глубокие квадратные или круглые шахты, наиболее характерны для поздних памятников западных областей предкавказской культуры в Нижнем Подонье, междуречье Маныча—Сала и Центральном Ставрополье (Братченко, 1976, с. 101—106).⁶⁶

В этой же среде поздних предкавказских катакомбников шире всего распространены аналогии основным типам прикубанского инвентаря. Прежде всего это касается реповидной посуды. Из типов, выделенных в Прикубанье, наиболее широко распространены сосуды третьего типа (рис. 20, 55, 66). Их многочисленные экземпляры известны по всему ареалу предкавказской культуры и за его пределами (Нечитайло, 1979, рис. 40, 3; Сафронов, 1974, рис. 22; Ковалева, 1982, с. 44, рис. 21, 27). Несколько уже распространены два других типа. Бесшейные и близкие к ним сосуды (первый тип) преимущественно происходят с правобережья Дона и Северского Донца (Братченко, 1976, рис. 42, 2, 3, 7) и Центрального Ставрополья (Державин, Отчет... , 1980).

Наиболее характерные для погребений типа 3 чернолощенные орнаментированные амфоры вне Центрального и Западного Прикубанья встречаются крайне редко. К северу от этого региона на правобережье нижнего Дона фрагмент аналогичного сосуда обнаружен в разрушенной катакомбе при сильно скорченном костяке вместе с типичным для поздних погребений манычского варианта высокогоголым кувшином (Братченко, 1976, с. 31, рис. 50, 4—6).

Хронологический круг аналогий других категорий и типов инвентаря в целом такой же, как у керамики. В-образные бронзовые бусы неоднократно обнаружены в предкавказских катакомбных погребениях различных вариантов (Суворовский, 1/8; Ногир, 25/11; Сагванский I, 4/26, 3/8, 17/10, 5/7 — Нечитайло, 1979, рис. 6, 13; Сафронов, 1981, с. 67, рис. 6, 15; раскопки В. Я. Каменецкого и И. С. Зельдиной в 1977 г.) и входят в поздние комплексы.⁶⁷ В погребениях того же времени обнаружены лапчатые подвески, мелкие литые медальоны и бронзовые пронизи с рельефным орнаментом (Холоднородниковский, 2/3; Суворовский, 3/13; Нижний Аршти и др. — Нечитайло, 1978, с. 83, рис. 16—31; 1979, рис. 69, 5; Мунчаев, Сариниди, 1964, рис. 71, 1—3). Из других типов украшений, имеющих хронологическое значение, отметим бронзовые и серебряные бусы с выпуклинами (бородавчатые) и нефритовые (?) лопатковидные подвески. Бородавчатые украшения ближе всего к пастовым и костяным изделиям из манычских погребений Нижнего Подонья (Братченко, 1976, рис. 72, 9, 10), а подобные прикубанским подвески входят в комплексы поздних катакомбных погребений Калмыкии и Южного Ставрополья (Архара, 9/2; Суворовский 13/7 — Синицын, Эрдниев, 1966; Нечитайло, 1979, рис. 66, 6; 67, 5, 12).⁶⁸

Согласно приведенным наблюдениям, прикубанские погребения типа 3 следует относить к позднему (но не финальному) этапу развития предкавказской культуры. Дольше, чем в Прикубанье, эта культура существовала в наиболее восточных и южных областях своего распространения.⁶⁹

⁶⁶ По наблюдениям В. Я. Рябовой, сделанным на материалах Сагванского могильника, большие шахты ранних погребений манычского варианта сменяются катакомбами с шахтами меньших размеров (Рябова В. А. Доклад...).

⁶⁷ Подчеркнем, что комплексы с В-образными бусами являются поздними прежде всего относительно пласта, синхронного донецкой культуре.

⁶⁸ В целом подвески этого типа характерны для погребений более поздних, чем прикубанские.

⁶⁹ Погребения VI группы в Калмыкии и III группы в Северной Осетии, по В. А. Сафронову (1974, с. 268—269, 1981, с. 58—59).

Прикубанские погребения типа 3 можно отнести к периоду наивысшего расцвета предкавказской культуры, вслед за которым наступила пора утраты культурой доминирующих позиций в катакомбном мире, общего сокращения ареала распространения.

В целом, принимая во внимание типологическое своеобразие погребений типа 3, их можно выделить в локальный, батуринский вариант⁷⁰ предкавказской катакомбной культуры (Трифонов, 1986).⁷¹

К сожалению, основные черты локального развития предкавказской культуры намечены только в самом общем виде (Сафронов, 1974, с. 118) и провести сравнительный анализ вариантов пока невозможно. Исходя из общих особенностей развития предкавказской культуры,⁷² процесс формирования батуринского варианта можно представить первоначально как проникновение с северо-востока в Прикубанье новой, отличной от местной группы катакомбников. Между последней и предшествующей катакомбными группами наблюдается глубокий разрыв в культурных традициях. Появляются принципиально новые типы катакомб, инвентаря, новые элементы обряда — посуда с пищей, отсутствие костей животных, расчленения, новые принципы ориентации и локализации погребений в кургане. В изменившихся условиях, при сохранении ряда общих для предкавказской культуры признаков, трансформировалась традиционная система культурных связей, ориентированная теперь преимущественно на северо-западные районы Кавказа. Этим, вероятно, объясняется появление в степи посуды, близкой или аналогичной известной на поселениях дольменной культуры (Старчики, верхние слои, раскопки М. Б. Рысина, Дегуакско-Даховское, Геленджик и др. — Марковин, 1978) и в некоторых дольменах. Это многочисленные крупные двуручные сосуды, близкие по форме, элементам орнамента, характеру обработки поверхности, цвету и даже примесям в тесте к батуринским амфорам. Обе группы посуды сближает наличие воротничков, композиций из прочерченных треугольников, сгруппированных по три налепов на плечиках сосудов, серого или темно-серого цвета заглаженная или лощеная поверхность. Из других, близких по форме типов керамики отметим миски, орнаментированные прочерченными треугольниками и мелкозубчатым

⁷⁰ Название дано по Батуринской I курганный группе, раскопанной у ст-цы Батуринской (Брюховецкий р-н Краснодарского края), в которой в 1979 г. была впервые исследована большая группа подобных погребений.

⁷¹ Здесь следует подчеркнуть ошибочность включения погребений этого типа в группу наиболее ранних катакомб Прикубанья в рамках так называемой приазовской культуры. Этому противоречит весь комплекс данных, включая стратиграфический и сравнительно-типологический анализ обряда и инвентаря. С учетом хронологического положения батуринской группы, документированного аналогиями в позднекатакомбных древностях, крайне неосторожными выглядят построения В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой (1981, с. 9–14, рис. 1, 2), реконструирующих на базе батуринской керамики генетические связи раннекатакомбных групп, с одной стороны, с европейскими культурами (Злата, культуры шнуrowой керамики), с другой — с куро-аракской и северокавказской культурами. Добавим, что таким же неточным является отнесение батуринских комплексов к так называемой кубано-днепровской культуре. Соответственно реконструкция на базе той же керамики иной системы связей кажется столь же сомнительной (ср.: Николаева, Сафронов, 1983, с. 43–83, рис. 7, 8, 12, 11, 5).

⁷² Вероятно, исходной областью распространения предкавказской культуры были северные и северо-западные районы (частично междуречья Волги и Дона, Маныча — Сала), так как именно здесь прослежена самостоятельная (отличная от донецкой, например) линия эволюционного развития характерных для этой культуры катакомб и обряда. Формирование локальных вариантов предкавказской культуры связано с взаимодействием последней с донецкой, полтавкинской, северокавказской и дольменной культурами.

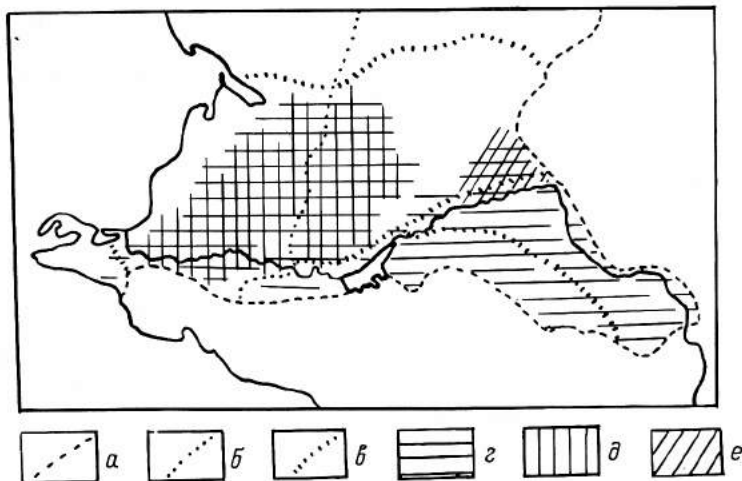

Рис 24 Степное Прикубанье в эпоху средней бронзы (7-й этап)

а, б, в границы физико-географических зон, г - позднекатакомбные памятники, д - батури́нский вариант предкавказской культуры, е - локальная группа (?) предкавказской культуры

штампом, и горшки с ручками-упорами, украшенными насечками. Кроме того, на поселении Старчики (верхние слои) обнаружены многочисленные фрагменты черно- и серооленных сосудов, орнаментированных у основания шейки наклонно расчлененными валиками, аналогичными катакомбным. Вместе с тем, вероятно, не только дольменная культура оказала влияние на формирование батури́нского варианта. Не исключено, что такие элементы орнамента, как вписанные зигзаги (рис. 20, 56) и комбинации из свисающих валиков, восходят к традициям украшения восточнокавказской керамики каякенто-хорочоевского круга (Марковин, 1969, рис. 18, 1; 19, 4). В этой связи уместно подчеркнуть, что в поздний период своего развития дольменная культура и в целом, по-видимому, Западный Кавказ испытали влияние восточнокавказских областей. Укажем, например, на керамику и бронзовые украшения из дольмена у с. Азанта (Воронов, 1982, рис. 4, 1—14) и круглоплановые каменные коллективные гробницы, открытые у Красной Поляны (Воронов, 1979, с. 48—49, рис. 20, 21). Подобная керамика, украшения в виде двуволютных булавок со щитком, подвески, пронизи, бусы, включая В-образные, круглые в плане склепы открыты в различных памятниках Дагестана и Юго-Восточной Чечни (Гаджиев, Магомедов, 1985, с. 81—100).

Малочисленность материалов не позволяет также развернуто проанализировать данные о других катакомбных группах из Прикубанья (погребения типов 4 и 2-2). Отметим, что погребения типа 4 типологически ближе всего к поздним предкавказским катакомбам Южного Ставрополя. Здесь, как и на юге Прикубанья, вытянутые на спине погребенные чаще всего лежат в катакомбах с длинными узкими шахтами (Нечитайло, 1978, 1979). Единство обряда и близость инвентаря этих групп обусловлены, по-видимому, общностью культурного субстрата в виде поздних памятников предшествующей им северокавказской культуры. Небольшая группа поздних прикубанских погребений типа

2-2 также находит аналогии среди катакомб Суворовского могильника (Нечитайло, 1979, рис. 18, 5, 27, 3, 67, 5), но, очевидно, представляет на крайнем востоке степного Прикубанья (рис. 24) финал развития местной, более ранней катакомбной традиции (погребения типа 1). Вместе с тем ее инвентарь (амфоровидные и реповидные сосуды, курильницы), направление эволюции катакомб и обряда (сужение шахт, появление вытянутого положения погребенных) указывают на влияние восточных и юго-восточных позднекатакомбных групп.

В целом поздние катакомбники Прикубанья, видимо, входят в состав предкавказской культуры, но представляют различные ее варианты.

В итоге третью хронологическую группу катакомбных погребений в степном Прикубанье можно рассматривать в рамках III общекатакомбного горизонта, т. е. периода, когда оформляются новые локальные группы, среди которых, судя по сквозным формам, решающее культурное влияние принадлежит среднедонской и особенно предкавказской культурам. Исчезновение катакомбных культур происходило не одновременно, в каждом регионе своеобразно и было в основном определено формированием и распространением культуры многоваликовой керамики и срубной культуры.

В сжатой форме последовательность основных этапов культурного развития Прикубанья в эпоху энеолита — средней бронзы выглядит следующим образом.

Раньше всего в степном Прикубанье появляются подкурганые погребения типов 5, 6 и 7, обряд и инвентарь которых позволяют рассматривать их в системе древностей хвалынской-среднестоговской культурно-исторической области (1-й этап).

Затем в тесной связи с общей культурной перестройкой в восточноевропейских степях в Прикубанье появляются погребения типов 8, 9. Одна их часть (типы 8-1, 2, 9-1) представляет так называемые позднеэнеолитические погребения, отчасти сопоставимые с позднесреднестоговскими и нижнемихайловскими, а другая — погребения майкопской культуры и ее новосвободненского варианта (тип 8-3, 5). Между отдельными типами обеих групп намечаются определенные черты сходства, основой которого наряду с взаимовлиянием, является, по-видимому, родство культурно-исторических корней.

В конце этого этапа в центральных и восточных районах региона распространяются погребения ямной культуры (тип 1-1), а в западных районах — погребения новотитаровской культурной группы (тип 2-1). Обе группы развиваются некоторое время параллельно с финальными новосвободненскими памятниками, но, судя по инвентарю, переживают их (2-й этап).

Следующий этап развития связан с появлением в Закубанье новотитаровских погребений и сменой на правобережье Кубани ранних ямной и новотитаровской групп их поздними вариантами (типы 1-2, 3-1, 2-2), обряд и инвентарь которых указывают на сильное взаимовлияние. Локализация культурных групп сохраняется (3-й этап).

Дальнейшие культурные изменения сопровождаются исчезновением погребений типов 1-2, 3-1, 2-2 и появлением на занимаемой ими прежде территории погребений предкатакомбной культурной группы (типы 4, 3-2). Не исключено, что в это время произошла частичная смена населения. Одновременно в степной части Закубанья появляются погребения северокавказской культуры. Между разнотипными группами осуществляются контакты, заметнее всего отразившиеся в распространении однотипных украшений (4-й этап).

Начало 5-го этапа отмечено появлением раннекатакомбных погребений (тип 1), распространившихся до Кубани. В Закубанье в это время господствуют погребения северокавказской культуры начала второго периода. Возникшие на предшествующем этапе контакты между двумя культурными областями (катакомбной и северокавказской) продолжают развиваться.

Постепенная эволюция катакомбных погребений типа 1, видимо, привела к их смене погребениями 2, преобладание которых означает начало следующего этапа развития. Самостоятельный культурнообразовательный процесс в центральных и западных областях Прикубанья в это время замирает, уступая место проникающим влияниям с севера и северо-запада (6-й этап).⁷³

Наметившийся в центральных и западных областях относительный культурный вакуум на следующем этапе был заполнен проникшим сюда, очевидно, с северо-востока новым катакомбным населением, оформившимся здесь в особую культурную группу — батуринский вариант предкавказской культуры. Одновременно на востоке области под сильным влиянием катакомбников Ставрополья продолжают существовать погребения типа 2. В Закубанье в это же время распространяются катакомбные погребения типа 4, по обряду и инвентарю тяготеющие к восточным и юго-восточным вариантам предкавказской культуры (7-й этап).

Конец этого этапа развития связан со сменой катакомбных погребений степного Прикубанья погребениями срубного и срубно-многоваликового облика, которые раньше всего появляются, по-видимому, в центральных и западных областях и лишь затем в Закубанье.

Таким образом, историю культурного развития степного Прикубанья в эпоху энеолита—средней бронзы можно представить в виде 7-этапного процесса возникновения, смены и сосуществования в определенный момент различных культур, культурных групп и их вариантов.

Эту периодизацию можно представить в виде соответствующей схемы (рис. 11).

В заключение остается кратко остановиться на вопросах хронологии,⁷⁴ так как абсолютные даты позволяют определить конкретные исторические границы культурных процессов и соответственно скорость их протекания.

Для восточноевропейских энеолитических культур наиболее обоснованными сейчас являются, вероятно, те даты, которые вытекают из их синхронизации с трипольской и, шире, балканскими культурами. Исходя из взаимных трипольских (Телегин, 1973, с. 124; 1966) и среднестоговских импортов (Мовша, 1979, с. 24—26), ранний период среднестоговской культуры, а также хвалынская культура датируются второй половиной IV тысячелетия до н.э. (Телегин, 1973, с. 124; Васильев, 1981, с. 62). Эта же датировка распространяется и на пласт древнейших подкурганных погребений, синхронных хвалынско-среднестоговской области, на что указывают зооморфные скипетры (типа архаринского и хвалынского), обнаруженные в памятниках времени Кукутени А-3—Триполье VI (Дергачев, 1986). Соответственно также следует датировать и прикубанские погребения 1-го этапа, т. е. приблизительно 3500—3000 гг. до н. э.

⁷³ Данные о развитии в этот период северокавказской культуры в степном Закубанье пока нет.

⁷⁴ Вопросы хронологии прикубанских памятников являются не менее сложными, чем проблема их периодизации. Здесь приводятся скорее абсолютные хронологические ориентиры, сопряженные с относительной периодизацией, чем всесторонне обоснованная система дат.

Дата следующего периода зависит от хронологии майкопской культуры. Большинство исследователей традиционно датируют данную культуру в пределах второй половины III тысячелетия до н. э. (Иессен, 1950; Формозов, 1965, с. 144—145; Мунчаев, 1975, с. 335). Однако в исследованиях последних лет намечается пересмотр этой точки зрения. В частности, М. В. Андреевой на основании анализа майкопской керамики и частично торевтики было высказано обоснованное мнение о необходимости хронологического сближения начала майкопской культуры с периодом бытования ее древневосточных прототипов — конец IV тысячелетия до н. э. (Андреева, 1977, 1979). Позднее С. А. Кореневский, исходя из времени бытования в Передней Азии граненых бипирамидальных бус и некоторых других типов украшений, известных в Майкопском кургане и более поздних погребениях, пришел к заключению о возможности удревнения майкопских комплексов до первой половины III тысячелетия (Кореневский, 1981, с. 277). Правомерность подобного удревнения, видимо, подтверждают находки в майкопском погребении гагатовой цилиндрической печати (Нехаев, 1986, с. 247, рис. 3), типологически близкой к переднеазиатским времени позднего Урука—Джемдет-Насра, а также распространение в этот же период на Древнем Востоке аналогичных майкопским копий с насадом (Palmieri, 1981). Учитывая, что наиболее широко распространенные аналогии майкопским материалам не встречаются позднее времени Трои II (Формозов, 1965, с. 139; Кореневский, 1981, с. 277), третью четверть III тысячелетия можно теоретически рассматривать как верхний хронологический рубеж культуры, однако вероятнее, что практически она закончилась раньше — к середине тысячелетия.

Таким образом, майкопскую культуру и синхронные позднеэнеолитические погребения в степном Прикубанье можно датировать периодом с начала и до середины (?) III тысячелетия до н.э. (3000—2500 гг.?).

Соответственно приблизительно серединой этого периода датируется появление ямной и новотитаровской культурных групп в Прикубанье. Аргументом, возможно подтверждающим такую датировку, служит обломок каменного полированного топора-молота, украшенного рельефным пояском (рис. 9, 13). Близкие топоры, происходящие из Трои (опубликованы неоднократно, см.: Сидорова, 1972) и Дорака (Yadin, 1963), относятся приблизительно к середине III тысячелетия до н. э. Данные для определения времени конца этих культур и появления предкатакомбной группы крайне ограничены. Среди них можно назвать крупные квадратные, орнаментированные пуансоном бляхи (рис. 12, 67), известные в Триалетском погребении воина (Куфтин, 1941) и датирующиеся приблизительно рубежом III—II тысячелетий до н. э. (Гогодзе, 1970, с. 239—241).⁷⁵

Таким образом, с концом III тысячелетия до н. э. в степном Прикубанье следует связывать появление предкатакомбных погребений,⁷⁶ которые, по-видимому, уже на рубеже тысячелетий или в самом начале II тысячелетия до н. э. сменяются ранними катакомбными.

⁷⁵ В литературе со ссылкой на Ф. Шеффера неоднократно проводилась и более поздняя дата для подобных блях. Одна из них происходит из погребения 19 в верхней части IV слоя Тепе Диамшиди, который датируется 2000—1800 гг. до н. э. (Schaeffer, 1948).

⁷⁶ В Закубанье в это время северокавказская культура. Возможно, для датировки данного периода следует учитывать распространенные на Ближнем Востоке глиняные модели крытых повозок, которые бытовали в конце III тысячелетия до н. э. (Littauer, Crouwel, 1979).

Финал развития катакомбных древностей батуринаского типа связан, вероятно, с появлением в Прикубанье памятников срубного и срубно-многоваликового облика предсабастиновского этапа (Бочкарев и др., 1983; Сорокина, 1985). Соответственно верхняя хронологическая граница батуринаского варианта приходится приблизительно на XV в. до н. э. (Бочкарев, Лесков, 1978).

Необходимо иметь в виду, что В-образные бусы и лапчатные подвески, найденные в батуринаских погребениях, известны в раннесрубных комплексах Поволжья (Буров, 1982, с. 48; Мерперт, Отчет..., 1954; Смирнов К., 1959, с. 223, рис. 8, 6).

Кроме этого, в комплексы гинчинской культуры, синхронной батуринаскому варианту (ср.: Гаджиев, Магомедов, 1985, рис. 4), входят многовитковые браслеты, аналогичные обнаруженным вместе с топорами костромского типа на Украине (Ковалева, 1981, рис. 5, 1—4).

Обломки литейных форм топоров, близких по типу к костромским, встречены и на поселениях дольменной культуры (Марковин, 1978, с. 253, рис. 128, 16), связь которой с батуринаским вариантом уже отмечалась.

В целом можно допустить общую синхронность погребений батуринаского варианта с раннесрубными, частично, абашевскими и позднемноговаликовыми древностями, т. е. датировать батуринаский вариант XVII—XV вв. до н. э. (Бочкарев, Лесков, 1978). На частичную синхронность предкавказской культуры раннесрубным и позднемноговаликовым древностям указывают обнаруженные в катакомбах тесла костромского облика (Северный II, 1/1, 6/8; Ажинов II, 1/1; Ивановское, раздельное погр.), близкие по форме к раннесрубным ножи с неглубокими боковыми выемками (Сагванский I, 8/8), кремневые черешковые наконечники стрел (Суворовский, 10/6), пастовые бородавчатые, рогатые бусы и пронизи (Суворовский, 13/10 — Горбенко и др., Отчет..., 1973; Рябова, 1983, с. 127, рис. 25, 5; Нечитайло, 1979, рис. 52, 3, 4; 69, 6; Чернявская, 1979, с. 97, рис. 2, 6; Братченко, 1976, с. 126, рис. 68, 12, 32).

Возможно, что в Закубанье исчезновение позднекатакомбных погребений произошло еще позднее, т. е. в XIV в. до н. э.⁷⁷

⁷⁷ В предсабастиновское (возможно, сабастиновское) время по шкале срубных древностей

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И. Л. О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. 1976. Вып. 6.
- Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
- Андреева М. В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // СА. 1979. № 1.
- Анфимов И. Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопр. археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
- Анфимов И. В. Протомеотский могильник с Николаевского // Сб. матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2.
- Анфимов И. В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Пробл. скифской археол. 1971 (МИА № 177).
- Анфимов И. В. Новый памятник протомеотской культуры // Скифский мир. Киев, 1975.
- Анфимов И. В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопр. археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
- Анфимов И. В., Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобьяковской культуры // СА. 1982. № 3.
- Артамонов М. И. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. // СА. 1949. № 1.
- Археология УССР. Киев, 1985. Т. 1.
- Белозор В. П., Мезенцев В. И. Раскопки кургану доби бронзи біля селища Перешепино на річці Орелі // ВКУ. 1976. № 19.
- Бессонова С. С., Черных Л. А., Куприй С. А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селения Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972--1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Бочкарев В. С. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве (по материалам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.
- Бочкарев В. С., Лесков А. М. О хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья с Подоньем, Поволжьем и Северным Кавказом // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
- Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н. Работы Кубанской экспедиции 1978-1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Буров Г. М. Медно-бронзовый век ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1982.
- Васильев И. Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И. Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
- Волкодв Н. В. Курган эпохи бронзы на территории ОПХ «Рассвет» // Матер. к науч.-практическому семинару «Итоги полевых исследований в 1982-1983 гг.». Краснодар, 1984.
- Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Воронов Ю. Н. Древности Азантийской долины. Тбилиси, 1982.
- Вязьмитина М. И., Иллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. І., Ковпаненко Г. Т. Курган біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // АП. 1960. Т. 8.
- Гаджиев М. Г., Магомедов Р. Г. Памятники гинчинской культуры у с. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Галибин В. А. Количественный спектральный анализ микроэлементов в породах и минералах

и отношений элементов в минералах переменного состава : Автореф. дис. ... канд. хим. наук. Л., 1974.

Гей А. Н. Работы Понурского и Цимлянско́го отрядов Северокавказской экспедиции // АО. 1979 г. (1980).

Гей А. Н. Раскопки курганов на Понуре // АО. 1981 г. (1982).

Гей А. Н. Развитие представлений об энеолите—раннем бронзовом веке Западного Предкавказья в связи с работами на новостройках Краснодарского края // ТДК: «Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации». Л., 1985.

Гей А. Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. М., 1986. Вып. 1.

Гей А. Н., Каменецкий И. С. Северокавказская экспедиция в 1979—1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.

Гиджрати Н. И. Новые данные о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Гогадзе Э. М. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети // КБС. 1970. Вып. 3.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Тр. 12-го АС. М., 1905. Т. 1.

Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910.

Граков Б. Н. Археологические раскопки близ Никополя // ВДИ. 1939. № 1.

Давудов О. М. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа Махачкала, 1985.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

Даниленко В. Н., Шмаглей Н. М. Об одном поворотном моменте в истории энеолитического населения Южной Европы // Археология. 1972. № 6.

Деген Б. Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. 1941. № 3.

Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. Кишинев, 1973. Вып. 3.

Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976). Кишинев, 1982.

Дергачев В. А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986.

Дергачев В. А., Сорокин В. Я. О зооморфных скипетрах из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Изв. АН Молдавской ССР. 1986. № 1.

Державин В. Л., Тихонов Б. Г. Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. 1980. Вып. 161.

Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сб. матер. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2.

Долуханов П. М., Третьяков В. П. Днепро-донецкий неолит и культура воронковидных кубков к северу от Карпат // Acta archaeologica Carpathica. Krakow, 1979. Т. 19.

Дубягин П. С., Чикризов Ф. Д., Чуринов В. А., Васильев И. Б., Выборнов А. А. Новые материалы неолита—бронзы из северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Евдокимов Г. Л. О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // ТДК «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы» Донецк, 1979.

Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2.

Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. № 12.

Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.

Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник // Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа. Л., 1940. Вып. 1.

Илюков Л. С., Ларенок П. А. Сухочалтырские курганы бронзового века // СА. 1982. № 4. Каменецкий И. С. К методике раскопок степных курганов // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1983.

Каминский В. Н. Раскопки кургана эпохи бронзы в г. Тимашевске на Кубани // ТД: Всесоюз археол. конф. «Достижения советской археологии в 11-й пятилетке». Баку, 1985.

Кияшко В. Я. Связи Нижнего Подонья и Кавказа в палеометаллическую эпоху // ТД ССПАИ. 1970. Археол. секции. Тбилиси, 1971.

Кияшко В. Я. Константиновское поселение и памятники степного энеолита // ТДК: «Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы». Оренбург, 1980.

Кияшко В. Я. Энеолитические скипетры из Ростовского обл. музея краеведения // Изв. Ростовского обл. музея краеведения Ростов н/Д, 1988. Вып. 5.

- Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения Днепровского ареала волго-днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья в III—I тысячелетиях до н. э. Днепропетровск, 1979.
- Ковалева И. Ф. Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск, 1981.
- Ковалева И. Ф. К вопросу о катакомбной культуре севера степного Поднепровья // Древности степного Поднепровья (III—I тысячелетия до н. э.) Днепропетровск, 1982.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попов В. А. Исследование курганных могильников у с. В. Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья в III—I тысячелетиях до н. э. Днепропетровск, 1977.
- Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н. В., Никитин С. В. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хашево // Курганные древности степного Поднепровья в III—I тысячелетиях до н. э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3.
- Ковалева И. Ф., Марина З. П. Раскопки курганов эпохи бронзы в Нижнем Присамарье // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
- Ковалева И. Ф., Марина З. П., Ромашко В. А. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка--Бузовка // Древности степного Поднепровья (III—I тысячелетиях до н. э.). Днепропетровск, 1982.
- Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. 1982. Вып. В2-5.
- Константинеску Л. Ф. О памятниках ямной культуры Северо-Восточного Приазовья // ТДК: «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
- Корневский С. Н. О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3.
- Корневский С. Н. О древнем металле бассейна р. Самара // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.
- Корневский С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. 1981. № 1.
- Корневский С. Н. Две находки эпохи раннего металла из Кабардино-Балкарии // КСИА. 1982. Вып. 169.
- Корневский С. Н. О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. 1983. № 176.
- Корневский С. Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Котович В. Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
- Кривцова-Гракова О. А. Погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
- Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7.
- Кротова А. А., Зельдина В. Я., Самойленко В. Г. Исследования на р. Лугани // АО. 1976 г. (1977).
- Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике // МИА. 1941. № 3.
- Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. Филол. и соц.-наук. 1950. Т. 5.
- Крупнов Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68.
- Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т. Погребение раннего железного века на Ингульце // СА. 1985. № 4.
- Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Латынин Б. А. К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. 1964. Вып. 6.
- Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9.
- Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Лихачев В. А. Об одном типе сосудов катакомбного времени // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
- Ловпаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопр. археологии Адыген. Майкоп, 1981.

- Ловпаче Н. Г. Могильники в устье р. Псекупса // *Вопр. археологии Адыгеи Майкоп*, 1985.
- Магомедов А. Р. Бамутское поселение - новый памятник кобанской культуры // *СА* 1972. № 2.
- Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на нижнем Дону // *СА*. 1973. № 1.
- Малов Н. М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977—1976 гг.) // *Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла*. Куйбышев, 1982.
- Мамонтов В. И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // *СА*. 1981. № 3.
- Марина З. П. Культурно-хронологическое положение погребений Орельско-Самарского междуречья в системе древнеямыных памятников // *Курганные древности степного Поднепровья в III—I тысячелетиях до н. э.* Днепропетровск, 1979.
- Марина З. П. О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // *Древности степного Поднепровья (III—I тысячелетия до н. э.)* Днепропетровск, 1982а.
- Марина З. П. Энеолит - бронзовый век степного левобережья Днепра. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1982б.
- Марина З. П., Никитин С. В. Об одной категории ямного инвентаря // *Курганы степного Поднепровья* Днепропетровск, 1980.
- Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // *МИА* 1960. № 93.
- Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне (могильник у с. Гатын-Кале) // *Древности Чечено-Ингушетии*. М., 1963.
- Марковин В. И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякенто-хороцоевская культура // *МИА*. 1969. № 122.
- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Мелентьев А. Н. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье // *КСИА*. 1965. Вып. 106.
- Мелентьев А. Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // *КСИА*. 1966. Вып. 106.
- Мелентьев А. Н. Погребения эпохи бронзы в Задонье // *КСИА*. 1969. Вып. 115.
- Мерперт Н. Я. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1968.
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н. Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // *Древняя история Поволжья*. Куйбышев, 1980.
- Мизиев И. М., Бергрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973.
- Миллер А. А. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // *ПИМК* 1933. № 1—2.
- Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области // *КСИИМК*. 1956. Вып. 64.
- Мовша Т. Г. Взаимосвязи Триполья и степных культур // *ТДК: «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы»*. Донецк, 1979.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 г. // *АПНП*. 1974. Ч. 1.
- Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // *МИА*. 1961. № 100.
- Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р. М. Погребенные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986.
- Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике (Карачаево-Черкесская АО) // *СА* 1966. № 3.
- Мунчаев Р. М., Сарияниди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы // *КСИА*. 1964. Вып. 98.
- Нехаев А. А. Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани // *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа*. Ростов н/Д., 1983а.
- Нехаев А. А. Новое поселение майкопской культуры (предварительное сообщение) // *Вопр. археологии Адыгеи Майкоп*, 1983б.
- Нехаев А. А. Погребение майкопской культуры у с. Красногвардейское // *СА*. 1986. № 1.
- Нехаев А. А. Закубанье и степь в эпоху раннего металла // *Древности Кубани*. Краснодар, 1987.
- Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Нечитайло А. Л. Суворовский курганный могильник. Киев, 1979.
- Нечитайло А. Л., Бунатян Е. П. Курганный комплекс близ с. Чкалово // *Курганы Степного Крыма*. Киев, 1984.
- Нечитайло А. Л., Рунин А. П. Новое звено в системе контактов Украины и Кавказа в эпоху бронзы // *Проблемы археологии Поднепровья*. Киев, 1985.

- Никитин В. И. Курганы к югу от с. Соколовка // Археологические памятники Понингуля. Киев, 1980.
- Николаева Н. А. Культурное единство предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа в ранне- и среднебронзовую эпоху // ТД: IX Крупновские чтения, Элиста, 1979.
- Николаева Н. А. Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // ТДК: «Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы». Оренбург, 1980а.
- Николаева Н. А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980б.
- Николаева Н. А. Периодизация кубано-терской культуры: Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзаурикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. Проблемы появления колесного транспорта в Европе: Древнейшие повозки Восточной Европы: Выделение кубано-терской культуры — культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983.
- Николаева А. В. Новые энеолитические погребения правобережья Днепра // ТД: «Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР». Киев, 1981.
- Николаева А. В., Рассмакин Ю. И. О позднеэнеолитических памятниках правобережья Днепра // СА. 1985. № 3.
- Отрощенко В. В. Срубная культура степного Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981.
- Отрощенко В. В. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Пиотровский Ю. Ю. Хронология посоховидных булавок и вопросы опорных дат «северокавказской» культуры // ТД: XII Крупновские чтения. М., 1982.
- Писларий И. А. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Попова Т. Б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры // СА. 1955. № 22.
- Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963.
- Привалов А. И. Типы погребений культуры многоваликовой керамики в Приазовье // ТД: «Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.». Днепропетровск, 1980.
- Пустовалов С. Х. К методике периодизации катакомбной культуры по данным погребального обряда // Новые методы археологических исследований. Киев, 1982.
- Рассамакин Ю. А. Энеолитические погребения бассейна р. Молочной // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
- Резепкин А. Д. Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974 // СА. 1977. № 4.
- Резепкин А. Д. Проблемы развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе // ТД на Всесоюз. симпозиуме. Ереван, 1982.
- Резепкин А. Д. Результаты работ Майкопского отряда Кубанской экспедиции у ст-цы Новосвободной в 1979—1983 гг. // XIII Крупновские чтения: Тез. Майкоп, 1984.
- Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Северного Кавказа // Древности Кубани: Тез. 1987.
- Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопр. археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
- Романовская М. А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье // КСИА. 1982. № 169.
- Рунин А. П. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. 1967. № 1.
- Рыбалова В. Д. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ 1974. Вып. 16.
- Рябова В. Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.
- Санджаров С. Н. Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. 1983. № 3.
- Санджаров С. Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. 1988. № 1.
- Сафронов В. А. Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1973. Вып. 134.
- Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопр. охраны, классификации и использования археологических памятников / Сообщ. науч.-метод. совета по охране памятников культуры Мин-ва культуры СССР. М., 1974. Вып. 7.

Сафронов В. А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа // ТД : IX Крупновские чтения. Элиста, 1979.

Сафронов В. А. Хронология бронзового века районов бассейна Кубани // ТД : X Крупновские чтения. М., 1980

Сафронов В. А. Катакомбные памятники предгорной полосы Северной Осетии // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Сидорова Н. А. Искусство Эгейского мира. М., 1972.

Синицын И. В. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.

Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Новые археологические раскопки на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966.

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1978.

Синюк А. Т. Репинская культура эпохи энеолита—бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4.

Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

Смирнов А. М. Погребения катакомбной культуры бассейна Северского Донца // ТДК : «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.

Смирнов А. М. Еще раз о происхождении раннекатакомбных памятников // ТД : «Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР» Киев, 1981.

Смирнов А. М. Катакомбные культуры бассейна Северского Донца. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60.

Соколовский Н. Н. Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове // АО. 1965 г. (1966).

Сорокина И. А. Курганные могильники низовьев р. Сал в срубное время // Древности Дона. М., 1983.

Сорокина И. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. № 3.

Сорокина И. А. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987

Сорокина И. А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. М., 1989.

Спицын А. А. Курганы с окрашенными костями // ЗРАО. 1899. Т. 2, вып. 1, 2. (Тр. отделения славянской и русской археологии, кн. 4).

Столяр А. Д. Раскопки курганов у хутора Попова в 1950—1951 гг. // МИА. 1958. № 62.

Столяр А. Д. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // ТД сессии, посвященной итогам научной работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964.

Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглей Н. М. Курганы у с. Огородное // МАСП. 1970. Вып. 6.

Субботин Л. В., Черняков М. Т., Ядвичук В. И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья // МАСП. 1976. Вып. 8.

Телегин Д. Я. Основные черты и хронология среднестоговской культуры эпохи меди // Докл. и сообщ. археологов СССР (VII Междунар. конгресс доисториков и протодисториков). М., 1966.

Телегин Д. Я. Енеолітичні стели пам'ятки нижньоміхайлівського типу // Археологія. 1971. № 4.

Телегин Д. Я. Середньостоговська культура епохи міді. Київ, 1973.

Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. 1977. № 2.

Телегин Д. Я., Братченко С. Н., Смирнов С. В. Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельхоз. станции // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.

Телегин Д. Я., Круц В. А., Братченко С. Н., Смирнов С. В., Корпусова В. Н. Вильнянская группа курганов // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев, 1977.

Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961.

Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода // СА. 1965. № 1.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тоцев Г. Н. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений в Северо-Западном Причерноморье // ТДК : «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.

Тоцев Г. Н. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981а.

Тоцев Г. Н. Бескурганные погребения культуры многоячеичной керамики Северо-Западного Причерноморья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981б.

- Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. дис. канд. ист. наук Л., 1983.
- Трифонов В. А. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // ТД III конф. молодых ученых ИА АН СССР «Хозяйство и культуры доклассовых и раннеклассовых обществ» М., 1986.
- Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА 1987а. Вып. 192.
- Трифонов В. А. Работы разведочного отряда Кубанской экспедиции // АО. 1985 г. (19876)
- Трифонов В. А. Майкоп и Варна. Возможности сравнительного изучения могильников эпохи палеометалла // ТД XV Междунар. симпозиума Толбухин (НРБ), 1988
- Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А. Раскопки Шахаевской курганной группы на Нижнем Маныче // АО. 1971 г. (1972).
- Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А. Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974.
- Фоменко В. Н. О периодизации погребений ямной культуры в степном Побужье // ТДК: «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965
- Чеботаренко Г. Ф. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре // КСИА. 1965. Вып. 105
- Черненко Е. В., Симоненко А. В. Курганная группа Широкое III // Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Чернявская Н. В. Погребения культуры многоявальной керамики в Днепровском левобережье // Курганная древность степного Поднепровья III—I тысячелетий до н. э. Днепропетровск, 1979.
- Черняков И. Т. Погребения бронзового века Киселовского кургана // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978а.
- Черняков И. Т. О позднеямной культуре Северо-Западного Причерноморья // ТДК: «Актуальные исследования на Украине в 1976 - 1977 гг.» Ужгород, 1978б.
- Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница Нальчик, 1973.
- Шапошникова О. Г. Памятники типу нижнего шару Михайлівки // Археологія Української РСР. Київ, 1971.
- Шапошникова О. Г. Курган у с. Софиевка // Археологические памятники Поингуля. Киев, 1980.
- Шапошникова О. Г. Эпоха раннего металла в степной полосе Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.
- Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н. Курганная группа у с. Привольное // Археологические памятники Поингуля. Киев, 1980.
- Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н. О памятниках эпохи меди-ранней бронзы в бассейне Ингулы // Древности Поингуля. Киев, 1977.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин Л. М. Курганная группа близ с. Старогорожена // Древности Поингуля. Киев, 1977
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) Киев, 1986.
- Шарафутдинова И. Н. Северная курганная группа у с. Соколовка // Археологические памятники Поингуля. Киев, 1980.
- Шарафутдинова Э. С. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на нижнем Дону. Автореф. дис. . . канд. ист. наук Л., 1971.
- Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на нижнем Дону // СА. 1973. № 2
- Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на нижнем Дону (кобяковская культура) Л., 1980 САИ Вып. 1. 11.
- Шарафутдинова Э. С. Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур Л., 1981
- Шарафутдинова Э. С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. 1983. Вып. 174.
- Шарафутдинова Э. С. Погребения культуры многоявальной керамики на нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Днепропетровск, 1987а.
- Шарафутдинова Э. С. Поселение Красногвардейское II — новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани // КСИА. 1987б. Вып. 192
- Шарафутдинова Э. С. Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа на Кубани // Вопр. археол. Адыгеи. Майкоп, 1989а.

Шарафутдинова Э. С. К вопросу о местных традициях эпохи поздней бронзы и социальной градации в протоиндоевропейском погребальном обряде // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989б

Шарафутдинова Э. С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1

Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. 1988. № 4

Шаталин Ю. А. К вопросу классификации погребений катакомбной культуры Нижнего Поднепровья // ТДК: «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы» Донецк, 1979.

Шилов В. П. Проблемы освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982а

Шилов В. П. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. 1982б. № 1.

Шилов Ю. А. Нижнее Поднепровье в середине III—середине II тысячелетия до н. э.: Исследование культурно-исторического процесса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1982.

Шмаглый Н. М., Черняков И. Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. 1970. Вып. 6. ч. 1.

Шепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Прикубанье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969

Эрдниева У. Э. Курган древнейшей культуры в Калмыкии // СА. 1982. № 1.

Becker C. J. Mosefunde lerkar fra yngre stenalder. Studier over tragtbærculturen i Danmark. København, 1948.

Christian V. Altertumskunde des Zweistromlandes I. Leipzig, 1940. Taf. 324, 4, 7, 388, 7.

Littauer M., Crowell J. Wheeled vehicles and ridden animals in the Ancient Near East. London, 1979.

Palmieri A. Excavations at Arslan-tepe (Malatya) AS b 31. London, 1981. P. 101—119

Pöller H. Eine Bestattung der Baalberger Gruppe von Neuenfeld. Ausgrabungen und Funde 1980. Bd 25/2. S. 118—122

Preuss J. Die Baalberger Gruppe in Mitteldeutschland. Berlin, 1966. S. 1—253

Schmidt A. V. Die Kurgane der Stamca Konstantinovskaja // ESA. 1929. T. 4.

Schrickel W. Katalog der Mitteldeutschland Gräber mit Westeuropäischen elementen und der Galeriegräber Westdeutschlands. Bonn, 1966. Bd 4. S. 1—379, taf. 5

Schaeffer F. Stratigraphie comparée et chronologie de L'Asie Occidentale. Paris, 1948

Tallgren A. La Pontide prescythique // ESA. 1926. T. 2

Tallgren A. Etudes sur le Caucase du nord // ESA. 1929. T. 4.

Yadin Y. The art warfare in Biblical Lands. London, 1963

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Анфимов Н. В. Отчет о раскопках 1963 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2988.

Бочкарев В. С. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Динском р-не Краснодарского края в 1984 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10830.

Бочкарев В. С. Отчет о работе Кубанской экспедиции в Кореновском р-не Краснодарского края в 1985 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10934.

Гей А. Н., Рябова В. Я. Отчет Понурского отряда Северокавказской экспедиции ИА АН СССР о раскопках на ПКОВ Краснодарского края в 1980 г. // Архив Краснодарского краевого археол. музея-заповедника, альбом № 322—324 (могильник Лебеди II).

Гей А. Н., Сорокин И. А., Мельник В. И. Отчет о раскопках Северокавказской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1857

Гиджраты Н. И., Марченко И. И., Николаева Н. А., Сафронов В. А. Отчет о раскопках у ст-цы Темизбекской Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6534.

Горбенко А. А., Фоменко Н. М., Максименко В. Е., Коренько В. Е. Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5422

Державин В. Н. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1321

- Державин В. Н. Отчет о раскопках курганной группы «Веселая Роща III» в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1271.
- Железчиков Б. Ф. Отчет Куйбышевского отряда Северокавказской экспедиции о раскопках на ПКОС Краснодарского края в 1981 г. // Архив Краснодарского краеведческого археол. музея-заповедника. Альбомы № 327—328 (могильник Гришковское I).
- Ивашев И. В., Ртвеладзе Э. В. Отчет о раскопках на Константиновском плато в 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3230
- Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы : Дис. . . канд. ист. наук. // Архив ИА АН СССР. 1974. Р-2, № 2143.
- Копылов В. Н. Отчет о работе Донского отряда Ростовской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7283.
- Коренько В. А. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7223.
- Коренько В. А. Отчет о работах на территориях Ставропольского края в 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6892.
- Марченко И. И., Николаева Н. А., Сафронов В. А. Отчет Северокавказской экспедиции Североосетинского ун-та о раскопках на ПКОС у хутора им. Н. К. Крупской Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7501.
- Мельник В. И., Савченко И. И. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 11676.
- Мерперт Н. Ф. Раскопки в Кайбелах 1954 // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 815.
- Нехаев А. А. Отчет о раскопках у ст-цы Раздольной в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1 № 7551.
- Николаев Г. А. Отчет Темижбекского отряда Северокавказской экспедиции Североосетинского ун-та о раскопках в Краснодарском крае в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8051.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А. Отчет Северокавказской экспедиции Североосетинского ун-та о раскопках на ПКОС у ст-цы Калининской Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7863.
- Подгаецкий Г. В. Предскифский период на Среднем Дону // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 47, д. 23.
- Романовская М. А. Отчет о раскопках курганных групп «Веселая роща II и Веселая роща III» Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в мае—октябре 1979 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1187.
- Сафронов В. А. Отчет о раскопках у ст-цы Роговской Краснодарского края в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5755.
- Седова М. С. Отчет о раскопках курганов Северокавказской экспедицией в зоне Понуро-Калининской оросительной системы Краснодарского края в 1980 г. (могильник Лебеди VI) // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8847.
- Скарбовенко В. А. Отчет о раскопках курганов Северокавказской экспедицией в зоне Понуро-Калининской оросительной системы Краснодарского края в 1980 г. (могильник Лебеди VII, VIII) // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8744
- Сорокина И. А. Отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9788.
- Шарафутдинова Э. С. Отчет о работах Второго Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4879А.
- Шаталин Ю. А. Отчет о раскопках у станицы Старонижнегостеплиевской в 1984 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3642.
- Шевченко Н. А. Отчет Кореновской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 11359.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АПНП	— Археологические памятники Нижнего Подонья. М.
АС	— Археологический съезд. СПб.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВКУ	— Вестник Киевского университета. Киев
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества. СПб.
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
КБС	— Кавказско-Ближневосточный сборник. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры. Л.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.
ТД	— Тезисы докладов
ТДК	— Тезисы докладов конференции
ТД СПИПАИ	— Тезисы докладов сессионных и пленарных заседаний (Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.). М.
AS	-- Anatolian Studies. London
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua Helsinki.